

4

2009

РОССИЯ XXI

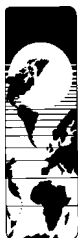
4.2009 июль-август

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Имена и реальность: обратная связь _____ 4

Геоглобалистика

Олег Гриневский

Забывтый саммит _____ 32

Грани катастрофы

Ольга Четверикова

Лаборатории управления будущего:
окультиные секты как партнеры ТНК _____ 52

Страницы истории

Владимир Ланин

Россия и Европа:
погоня на поле технологий _____ 86

Пути духовных исканий

Владимир Мильков

Духовная дружина
русской автокефалии:
Иларион Киевский _____ 112

Европейские параллели

Валентина Марьина

1939 год: советская внешняя
политика в восприятии
современников (на чехо-словацком
примере) _____ 158

Contents in English look at the page 188

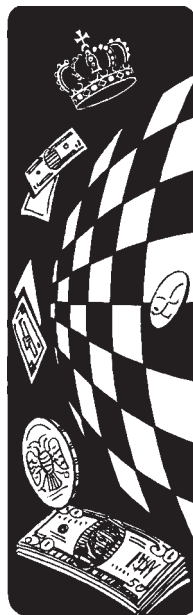
РОССИЯ XXI

Язык, будучи более сложным образованием, нежели приветствие, яснее и четче других явлений обнаруживает признаки социальной реальности; поэтому в нем наиболее очевидно проступает социальное бытие. Общество по своей сути – это совместная жизнь, непрерывное и устойчивое существование определенного коллективного единства, иными словами, особая форма сосуществования, отделенная от других коллективных объединений и общностей. Как только какая-либо группа людей отделяется от коллективной общности, в которой она проживала совместно

с другими, тотчас автоматически, помимо чьей бы то ни было воли, начинает изменяться язык, на котором данная группа говорила раньше, и постепенно складывается иной, новый.

<...> Мы увидим, что в своем происхождении – этимологии – любое слово или оборот есть творческий акт, в равной мере имевший смысл и для своего создателя, и для его непосредственных слушателей.

Хосе Ортега-и-Гассет

Сергей Кургинян

**ИМЕНА
И
РЕАЛЬНОСТЬ:
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ**

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

УДК
304.9

According to the author, vital political philosophy is developed along the paths of overcoming of the gap between names and reality. There is a connection between the external positioning of the power and a state of affairs which may either contradict or correspond the positioning. Now experience of Confucian philosophy may be more instructive for the present-day Russia than the Western experience. Russia is at crossroads. A deep rift has teethed between shibboleths and 'slogans' the highest ranks use and the deplorable condition of horizontal social ties. And every day this rift is widening and getting deeper. Only change of macro- and micro strategies the political elite pursues may overcome the gap. The elite must acknowledge and recognize how dramatic was the path passed through by Russia in the recent decades. The vital popular political philosophy is a philosophy of action and of meaningful deed.

Ключевые слова: политическая философия; элита; культура; катастрофа дерегуляции; макросоциум; микросоциальные сообщества.

E-mail: ecc.@ecc.ru

АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Великого китайского философа Конфуция можно считать родоначальником политической философии в ничуть не меньшей степени, нежели, например, Аристотеля. В каком-то смысле для нас сейчас Конфуций с его идеями более актуален, нежели канонические западные авторитеты. Потому что мы переживаем смутные времена и хотим из них выбраться. Мы хотим преодолеть регресс – деградацию, распад. Мы понимаем, что, не сумев это преодолеть, вскоре потеряем даже имеющуюся «остаточную державу». Ту самую, день независимости которой от самой себя так пышно праздновался в очередной раз 12 июня 2009 года.

Правда, теперь речь идет уже формально (по прямому то есть наименованию) не о Дне независимости России (ибо уж совсем непонятно, от чего независимость), а просто о Дне России. Но если что такое «День независимости» кто-то еще может понять, то что такое просто «День России», понять не может никто.

Лет этак тридцать пять назад я проводил геофизические исследования в Якутии. При этом, работая в тайге, я, завершая каждый очередной «профиль» (систему замеров, производимых на одной линии), выходил на некую местную магистраль. И лицеизрел пародию на Конфуция в виде видоизменяемого лозунга на огромном щите рядом с магистралью.

Сначала там было написано: «Преступник – это тот, кто ничего не сделал».

Потом, видимо, кто-то изумился высказыванию и дополнил его в духе конфуцианской концепции исправления имен (по-китайски эта концепция называется «чжэн мин»). И лозунг зазвучал иначе: «Преступник – это тот, кто ничего не сделал полезного для общества».

Потом, не справившись с исправлением имен, местные кадры просто убрали лозунг.

Вот так же и с Днем России, который перед этим был Днем независимости России.

Ну, не справляется наша элита с невероятно важной для нас коллизией чжэн мин. Не справляется – и потому не может выбраться из регресса. А вот Конфуций, создав чжэн мин, сумел поспособствовать тому, чтобы Китай и из регресса выбрался, и воссоздался в виде обновленной империи.

Приведу наиболее яркие суждения Конфуция, имеющие к нашей сегодняшней действительности самое непосредственное отношение. Вот цитата из произведения «Лунь Юй» («Беседы и высказывания»), глава «Цзы Лу»: *«Когда имена неправильные, суждения несоответственны; когда суждения несоответственны, дела не исполняются».*

Конфуций точно знал, почему дела не исполняются. Потому что социально-экономическая и политическая ситуация не остается неизменной. Меняясь, она воздействует на содержание социальных ролей. Между тем наименования ролей (имена, титулы и так далее) остаются прежними. А тогда имена, будучи неправильными, узурпируются. Присваиваются теми, кто никак не мог бы на них претендовать при сохранении того права и тех традиционных этико-ритуальных норм, которые породили эти имена. В итоге все перестают всё исполнять и всему соответствовать. Что мы и имеем. И не только в Пикалёво, но и повсюду. И будем иметь, пока не исправим имена, то есть не займемся этим самым чжэн мин. На свой манер, разумеется, но с учетом их бесценного опыта. Который, между прочим, еще надо суметь и изучить, и осмыслить. Чем и займемся.

Итак, Конфуций. Напоминаю читателю, что этот великий китайский мыслитель жил с 552 по 479 год до нашей эры. Аристотель же – с 384 по 322 год до нашей эры. По мне, так идеи Конфуция посложнее и глубже, чем идеи Аристотеля. Но это мое личное мнение. А вот то, что вдохновленная Аристотелем империя Александра Македонского (а) просуществовала недолго и (б) оказалась лишенной потенциала самовоссоздания, это факт. Как и то, что вдохновленная Конфуцием империя и просуществовала дольше, и к многократному (вот что особо важно) самовоссозданию оказалась способна.

Поскольку самовоссоздание интересует нас в наибольшей степени, то и приоритет Конфуция по отношению к Аристотелю, согласитесь, в чем-то оправдан. Остро переживая социальную неустроенность современного ему общества, Конфуций противопоставлял этой неустроенности далекое от него общество времен начала правления династии Чжоу. Но он не просто скорбел об утерянном тогдашнем «великом единении» («да тун»). Он размышлял о том, как возродить да тун. И выдвинул концепцию чжэн мин (выправления или исправления имен) именно ради обеспечения нового да тун в будущем.

Конфуций не боялся того, что возрождение да тун растянется на период, несопоставимый с периодом его личной жизни. Он знал, что ученики доделают его дело. Так и произошло. Последователи Конфуция

основали восемь самостоятельных школ. Две наиболее значительные возглавили Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Школы эти (школа Мэн-цзы в первую очередь) продолжили развитие концепции чжэн мин. Стремясь вернуться к да тун, возделенному великому единению, несломленные китайские мыслители занимались исправлением имен как минимум три столетия!

Вдумайтесь – три столетия! Но в итоге концепция исправления имен оказалась долгоиграющим универсальным оружием в руках китайского государства. Китайское государство исчезало и восстанавливалось, претерпевало величайшие бедствия и, преодолевая их, достигало подлинного величия. Могут ли те, кто еще недавно пожимал по этому поводу плечами («подумаешь, какая-то там периферийная недоразвитая китайщина!»), отнестись и сейчас подобным образом к китайскому опыту? Сейчас, когда Китай становится мировым лидером? И отсылки к его периферийности и недоразвитости окончательно теряют какой-либо смысл?

Другое дело, что, помимо отсылок к периферийности и недоразвитости Китая, есть еще и отсылки к уникальности китайского опыта (мол, «в Китае живут китайцы» и так далее). Любителям таких отсылок стоило бы поразмышлять над смыслом концепции чжэн мин. А также всего наследия Конфуция. При наличии способности к размышлению и минимума необходимых знаний о предмете сразу же окажется, что Конфуций и его последователи рассуждали о том же, о чем потом стали рассуждать европейцы. Но только китайская мысль опередила европейскую на тысячу пятьсот лет.

Последователь Конфуция Гунсунь Лун интерпретировал проблему чжэн мин как соотношения «мин» («имен») и «ши» («реалий»). То есть он предвосхитил будущие европейские споры номиналистов, реалистов и концептуалистов. Только он-то о «мин» и «ши» рассуждал за три с лишним столетия до начала новой эры, а европейские споры на сходную тему начались... ну, уж никак не раньше XII века. Новой эры, разумеется.

Вот вам и опережение на тысячу пятьсот лет. Что? Не на тысячу пятьсот, а на тысячу? Во-первых, конечно же, не на тысячу, а больше. А во-вторых... Даже если на тысячу – разве этого мало?

Но главное – не сопоставление времен, а сопоставление содержания. Имена (мин) тонко связаны в китайской традиции с реалиями (ши). Это обуславливает неизбежные изменения, как прямые, так и обратные.

Прямые – это изменения имен при изменении реалий. Обратные – это изменения реалий при изменении имен. Об этом прямо говорится в трактате «Гуньсунь Лун-цзы». Этому посвящена глава трактата «Мин ши лунь» («Об именах и реалиях»). В другом трактате учеников Конфуция «Мо-цзы» (раздел «Цзин шо», часть вторая) констатируется одновременное наличие и прямой, и обратной зависимости между «мин» и «ши». Оно называется «обоюдностью» («би цы»). Чем не диалектика, считающаяся детищем Запада?

Между тем авторы трактата «Гуань-цзы», принадлежащие к той же конфуцианской школе, идут еще дальше. В главе трактата «Синь шу шан» («Искусство сердца», часть первая) говорится о своеобразной служебной роли «телесной формы» («син») по отношению к «имени» («мин»). При этом под понятие «телесная форма» попадают поступки и общественное положение представителей китайского общества. А под понятие «имя» – статус этих представителей.

Оставляю в стороне интереснейший спор между конфуцианцами и легистами по поводу того, как именно надо реализовывать обоюдность («би цы»). Но ведь сомнений по поводу необходимости «би цы» ни у кого из ревнителей китайской державности не было. В работах конфуцианцев, принадлежавших к уже упомянутой мною школе Мэн-цзы, говорилось о необходимости полного раскрытия истинной природы человека через образование. Именно образование, утверждали представители этой школы, позволяет человеку познать Небо и служить ему.

Небо – высшая направляющая сила, определяющая, посредством воздействия на народ и правителя, судьбы людей и государства. Сила эта реализует себя через четыре основных принципа – «человеколюбие» («жэнь»), «справедливость» («и»), «благонаравие» («ли») и «знание» («чжи»). Описанием этих принципов и их связей с Небом дело не ограничивается. Обсуждается, как именно гармонизировать соотношение принципов. Например, принципа «жэнь» как принципа, объединяющего людей, и принципа «и» как принципа, людей разграничивающего.

Это обсуждение приводит к построению (на основе все тех же «жэнь» и «и», равно как и других принципов) концепции гуманного управления государством («жэнь чжэн»). В этой концепции главная роль отводится народу. Да-да, представьте себе, народу! В ней прямо говорится, что *«народ является главным в государстве, за ним следуют духи земли и зерна, а государь занимает последнее место»*. Говорится и о том, что народ имеет право свергнуть путем восстания жестокого или недостойного правителя.

Чем не право народа на восстание, к которому адресуется при своем оформлении восхищающее наших западников американское государство? Только-то и разницы, что сказано это было китайскими политическими философами за два с лишним тысячелетия до американцев.

Неподвижный китайский социум, в котором император – это всё, а народ – это ничто, является мифом, изобретенным недобросовестными западными исследователями. Само собой, со временем конфуцианство менялось в полном соответствии с принципом, предполагающим взаимосоответствие имен и реалий. Проследить все эти изменения в рамках исследования совсем другого вопроса я не могу.

С удовольствием обсудил бы, что нового привнесли в конфуцианство спорившие с ним легизм, даосизм, натурфилософия, буддизм. Но важнее другое. То, что все эти споры были лишь спорами о том, как укрепить и «дособрать» государство. Это же касается неоконфуцианства, связанного с именем великого китайского ученого (историка, филолога и философа) Чжу Си. Или его гораздо более позднего собрата по делу реформирования конфуцианства Кан Ю-вэя.

Мучительно преодолевая разногласия, китайская политическая философия, по сути, никогда не скатывалась в отрицание великого учения чжэн мин. Констатирую это не из-за особого пристрастия к китайской политической философии. Восхищаясь ею, я западную политическую философию, конечно же, никоим образом не уцениваю.

Я просто в очередной раз пытаюсь обратить нашу нынешнюю (по мне, так в целом более чем убогую) политическую элиту к проблеме исправления имен. То есть к отказу от использования неправильных имен. И признанию того, что использование неправильных имен – это фундаментальная, сокрушительная политическая ошибка, порожденная такой прагматизацией нашей элиты, при которой вполне реально ее окончательное отчуждение от культуры как источника смыслов и мотиваций.

Находится ли наша политическая элита в культуре как стратегической среде своего обитания? Глобальная катастрофа, обсуждаемая нами, помимо прочего (а возможно, прежде всего) призвана соорудить постчеловека, способного к такому беспрецедентному отчуждению от культуры, которое порождает инновационное бесплодие. Об этом – освободите, мол, человека от культуры, он, обратившись в хамство, гвоздя не выдумает – предупредил еще Достоевский.

Сооружать такого человека, опираться на такую элиту и надеяться на инновационный бум в России, согласитесь, более чем странно.

В Советском Союзе, где культуре уделялось существенное место, тем не менее в застойную эпоху возобладал пресловутый «остаточный принцип». Мол, сначала все остальное, а потом культура. Этот остаточный принцип во многом поспособствовал и застою гниению, и постзастойному распаду.

Но любые ошибки, допущенные и в досоветский, и в советский период, меркнут перед тем, что произошло в той России, чей день (имя, требующее исправления и при исправлениях все более искажаемое) так горделиво празднуется нашими элитариями. В этой моей констатации нет сетования. Я хочу, читатель, от констатаций перейти к большой и не до конца очевидной теории. А от теории – к политической практике.

Любое общество должно чем-то регулироваться.

Оно остается обществом лишь до тех пор, пока регулируется.

Регуляторы могут быть нескольких типов.

Обычно говорится о двух типах регуляторов.

Один существует в так называемых традиционных обществах.

Другой – в обществах, переходящих из традиционного этапа в этап модерна.

На традиционном этапе в роли социальных регуляторов выступает не формализованный, изощренно-утонченный закон, являющийся предметом всеобщего почитания, а нечто другое. Относительно незамысловатое и частично неписанное. То, о чем герой Пушкина говорит: «Привычка – душа держав».

Даже на этапе модерна никто не подвергает остракизму эту самую «душу держав». Но она отдает пальму первенства почитаемому, разработанному до деталей, писаному закону. Он и становится главным регулятором жизни общества на этапе модерна. Внедрять этот регулятор иногда приходится весьма и весьма свирепыми способами. Чем занимался, например, Наполеон вместе с Жозефом Фуше, всемогущим министром полиции наполеоновской Франции.

Разумеется, свирепость свирепости рознь. Из десятка свирепых диктаторов – лишь один умен и целеустремлен в степени, достаточной для того, чтобы поставить свою свирепость на службу установлению закона, а не его разрушению. Потому-то этот «один из десяти» является великим диктатором, а остальные девять – заурядными тиранами.

Кроме того, модернизационная свирепость и впрямь носит временный характер (в отличие от любой другой). Постепенно модернистский

(прописанный до деталей, филигранный, донельзя рациональный) закон входит в плоть и кровь нового общества, становится его основным и всеобъемлющим регулятором.

Оговорив все это, перехожу к главному.

КУЛЬТУРА КАК РЕГУЛЯТОР

Оперируя только двумя типами регуляторов – теми, которые присущи традиционному обществу, и теми, которые присущи обществу модерна, – мы ничего не поймем в истории своей страны. Особенно в истории двух последних веков ее существования. Я имею в виду XIX и XX век.

Как минимум, в середине XIX века российское общество уже никак не было традиционным де-факто. После отмены крепостного права его нельзя было назвать традиционным уже и де-юре. Столыпин лишь добывал остатки традиционного общества (за что его многие сосредоточенно ненавидели). Но он остатки добывал, остатки! Традиционным же обществом как целое перестало быть намного раньше столыпинских реформ.

Но, перестав быть традиционным, оно – вот ведь загадка какая! – не перестало быть обществом, то есть системой со своими регуляторами, не являющимися ни регуляторами традиционного типа, ни регуляторами модернистского типа.

Классический – изощренный, формализованный, неотменяемый, почитаемый – закон не стал доминирующим регулятором жизни российского общества ни в XIX, ни в XX столетии. Традиция к этому времени оказалась на обочине. Тогда благодаря чему существовало в этот период наше общество как регулируемая система? А ведь оно существовало! И не просто существовало! Оно справлялось со сложнейшими задачами!

Аналитическое исследование имеет свои рамки. И принципиально отличается от исследования социологического или социокультурного.

Тем не менее я берусь утверждать, что **ГЛАВНЫМ РЕГУЛЯТОРОМ НА ЭТОМ ЭТАПЕ НАШЕЙ ИСТОРИИ ЯВЛЯЛАСЬ КУЛЬТУРА**. И при необходимости я готов подтвердить это утверждение самыми разными данными – как социологическими, так и социокультурными.

Находясь в аналитических рамках, я из соображений корректности присваиваю данному утверждению статус гипотезы – не более того, но и не менее. Предположим, что моя гипотеза справедлива. Что из этого

вытекает? Что уже в XIX, и тем более в XX, столетии российское общество по своей регулятивности (а это определяющая черта любого общества) выпадает, оставаясь обществом, как из разряда обществ модернистских (в строгом смысле этого слова), так и из разряда обществ традиционных. Одно это означает, что Россия является уникальной страной третьего типа. Страной, фактом своего существования отрицающей максимум, согласно которой любое общество должно быть либо модернистским, либо традиционным.

Мало того, Россия предьявляет миру на данном этапе регулятор, который может заменить традицию, не превращаясь в закон. Этот регулятор, повторяю, – культура. Соответственно, в России культура на этом периоде развития (а в общем-то, и раньше) является чем-то совсем другим, нежели во всех странах мира. У нее другое значение, другая роль. И, в принципе, другое структурно-функциональное качество. «Театр как кафедра», «культура как учитель жизни» – это не просто риторика той эпохи. Это (пользуясь определениями Конфуция) правильные имена («мин»), даваемые весьма специфическим реалиям («ши»).

Повторяю еще раз: мы смогли остаться обществом в XIX и XX столетиях только БЛАГОДАРЯ ОСОБОЙ ПО СВОЕЙ РОЛИ КУЛЬТУРЕ.

А значит, только благодаря ей мы смогли осуществить важнейшие преобразования! Которые лишь эффективное общество и может осуществить.

А значит, только благодаря ей мы выжили. Ведь, осуществив эти преобразования, мы смогли создать конкурентные по своему качеству сложнейшие функциональные подсистемы... ну, хотя бы науку, технику, армию...

А значит, только благодаря этой роли культуры мы и государство свое сохранили.

Поэтому, когда вы воспроизводите в качестве имени («мин») словосочетание «наша культура», вы должны отдавать себе отчет в том, какво реальное («ши»), отвечающее подобному номинальному («мин»).

Наша культура – это субстанция с особым качеством и значением. Благодаря ей и только ей мы не потеряли себя как общество на протяжении двух веков. Благодаря ей и только ей мы сохранились как государство. Роль культуры в жизни любого общества велика, не спору. Но в жизни любого общества – кроме того особого нашего, которое реально просуществовало на протяжении этих двух веков, – культура играет гораздо меньшую социально-регулятивную роль.

Никто нигде не присваивает культуре этой роли просто потому, что есть другие кандидаты – либо традиционные регуляторы (для большинства человечества), либо регуляторы модернистские (для его растущего меньшинства).

Хорошо ли то, что у нас культура играла эту роль? Или же это ужасно? Обсуждать надо сейчас не это. А то, такова ли реальная роль культуры в нашем реальном обществе XIX – XX веков.

Не обсудим данной темы – все время будем наткаться на ложные «мин» и порождать чудовищные «ши». Причем как на интеллектуальном, так и на политическом уровне. Мы постоянно будем пребывать в состоянии неопределенности: с одной стороны... с другой стороны...

С одной стороны, достаточно взглянуть на Петербург... Или прочитать Пушкина, Блока, Чехова... Достаточно познакомиться с техническими достижениями нашими... Или поговорить с нашей аудиторией, собравшейся для интеллектуального диспута... Достаточно, короче, даже минимального опыта соприкосновения с российской исторической субстанцией («ши»), чтобы понять осуществленность в России модернизации. Осуществленность этой модернизации уже в XIX, и тем более в XX, веке.

С другой стороны, нам все время будут указывать на нашу недо-модернизированность. И в подобных указаниях будет своя доказательность. А из указаний этих, из присущей им (неполной, но не нулевой) доказательности будет вытекать стратегическая приоритетность одной-единственной задачи. Задачи окончательной модернизации России. Мол, хватит! Пора! Надо осуществить модернизацию хотя бы сейчас, с опозданием на столетия!

Как мы видим, это «мин» под названием «модернизация» уже стало политическим девизом Кремля. А значит, «мин» этому предстоит как-то воздействовать на наше «ши». С самыми разными, в том числе и вполне разрушительными, последствиями.

Но почему данное «мин» провозглашается Кремлем в качестве высшего и даже абсолютного приоритета? Потому, что речь идет о чем-то и желанном, и отсутствующем, не правда ли? Ни в каком другом случае никакому «мин» нельзя, согласитесь, придать такого приоритета. И не только придать, но даже постараться придать.

Нам еще придется обсудить само это «мин» в полном объеме. Сейчас же я хочу только спросить: если данное «мин» отсутствовало у нас на протяжении двух веков, то что присутствовало? И мне хотелось бы

получить ответ на этот вопрос не на уровне восклицаний («присутствовало ужасное», «присутствовало замечательное»). Мне хотелось бы получить ответ по существу: «присутствовало то-то и то-то».

Я только что предложил свой ответ. Присутствовало «мин» под названием «культура», обладающее особым, беспрецедентным регулятивным воздействием на «ши» под названием «реальность». При этом имело место и обратное воздействие «ши» на «мин». В соответствии с принципом обоюдности («би цы»), предлагаемым все той же конфуцианской школой (сравни – принцип обратной связи у отцов кибернетики: Норберга Винера и Джона фон Ноймана).

Состояние дел в стране таково, что подобные объяснения не могут отбрасываться без предъявления каких-либо других. Объясните, каковы были регуляторы в российском обществе XIX – XX веков?

Они носили традиционный характер? Безусловно, нет. Они носили модернистский характер? Тоже нет. Но ведь они были! Я утверждаю, что регулятором была культура. И это беспрецедентно. В чем альтернативное объяснение? Регулятивны были не особые соотношения между культурой как «мин» и социальной реальностью как «ши». А ЧТО? ЧТО?

Ответ на такой вопрос должен быть, как минимум, четким. Ведь, согласитесь, вопрос этот на 100% политический. Причем более чем актуальный. А значит, фырканья недопустимы. Люб кому-то мой метод или нет... Это все виньетки, имеющие огромное значение в более спокойных и расслабленных ситуациях. А не тогда, когда в воздухе носятся, как минимум, молекулы большой предвоенной гари. Хорошо еще, если только молекулы.

Предположим, что никаких других конкретных ответов на вопрос, который я предложил, нет. И что все другие ответы будут по принципу: мол, что-то было, а что – не знаем, да и знать не хотим. Тогда есть все основания для того, чтобы рассмотреть даваемый мною ответ еще более внимательно. И коль скоро под этим ответом есть доказательная база, то, рассмотрев оную, ответ подобный – принять.

А что в случае принятия следует признать? То, что на протяжении веков Россия как общество (страна, народ – не власть) формировала некую беспрецедентную культуроцентрическую субстанцию. Что нигде в мире аналогичной субстанции сформировано не было. А значит, Россия обладает неким третьим социальным уникальным качеством. Качеством, альтернативным как традиционности, так и модернизированно-

сти. Не может быть такого третьего социального качества без фундаментальнейших предпосылок, метафизических в том числе.

В любом случае, Россия не может оцениваться по процентной шкале модернизированности (на 30% модернизирована, на 70%...). Мы наследники некоей уникальной способности – хорошей ли, плохой ли, но уникальной. Тем самым разговор о нашем особом пути – не почвенническая истерика, а нечто совсем другое. Наш «особый путь» – это «мин», укорененное в «ши» и оказывающее на «ши» существеннейшее воздействие.

Это-то и хранится в ядре нашей цивилизации.

И это, в ядре хранимое, имеет не региональное, а сугубо глобальное значение. Оно-то и есть наша весть миру. Возможность нашей вести справедливо проблематизирует господин Бжезинский, говоря, что наша весть под названием «коммунизм» была-таки всемирно значимой, но... что было, то сплыло, и не радикальный же русский национализм может стать такой новой вестью в XXI столетии.

Радикальный национализм и впрямь не может стать у нас ничем, кроме окончательного средства разрушения страны и общества. Но у нас есть другое в наших исторических и метафизических генах. Нашей вестью является сама возможность существования культуроцентричного общества.

Это наше наследство как фактор будущего. Речь идет не о культурном наследстве. У каждого народа есть свое культурное наследство. А вот способность создавать культуроцентрическое общество – это наша уникальная, причем исторически неопровержимая, способность.

Эта способность в одних условиях является всего лишь атавизмом. А в других – шансом на спасение человечества. То есть миссией нашей (снова к вопросу о «мин» и «ши»).

Мне скажут: «Ничего себе, либо-либо... Если эта наша способность – атавизм, то нечего с ней носиться как с писаной торбой!»

Я вовсе не собираюсь сходу отметать такие возражения. Я всего лишь хочу разобраться в том, чем на данном этапе развития человечества является эта способность. Если мы согласились с тем, что она у нас есть (или приняли это в виде рабочей гипотезы), то что из этого следует?

Ответ на подобный, опять же, сверхактуальный вопрос зависит от анализа тех двух типов социальной регулятивности, альтернативой которым является наша культуроцентрическая регулятивность. Если эти

способы бесперспективны, неполны, частично исчерпаны, то наличие у нас исторического ноу-хау в виде третьего способа обладает огромной ценностью. Если же эти способы, напротив, достаточны для функционирования и развития человечества, то наш третий способ – это либо наше личное дело, либо наша личная причуда, и не более того.

ПРИРОДА КАТАСТРОФЫ

Если разворачивающаяся на наших глазах медленная катастрофа является катастрофой исчерпания двух регулятивных способов существования макросоциума, то третий способ более чем нужен. Так и давайте попытаемся разобраться, не является ли и впрямь эта самая катастрофа, именуемая кризисом, с объективной точки зрения катастрофой регулятивности?

Не я один об этом говорю. И уверяю вас, что со временем на такой интерпретации происходящего будет настаивать все большее число исследователей в самых разных точках земного шара.

Но перед тем как заняться исследованием столь важного вопроса, бросим еще раз взгляд на себя. В том числе и в плане обсуждения соотношения «мин» под названием «12 июня» с тем «ши», которое все больше вступает в свои права.

Бросив же взгляд, признаем, что способность культуры выполнять функцию особого макросоциального регулятора была УТЕРЯНА нашим обществом в результате так называемой перестройки.

О том, что наша элита великую культуру заменила «Домом-2» и прочими сходными прелестями, говорят все чаще и настойчивее. Но, делая акцент только на этом, выводят из рассмотрения главное. То, что осуществленный постмодернистский разгром ИДЕАЛЬНОГО КАК ТАКОВОГО (он же «перестройка») привел к тому, что наше общество перестало откликаться на культуру как решающий макросоциальный регулятор.

Уничтожение биоценоза – это экологическое преступление. А уничтожение «культуроценоза», способного к уникальной макросоциальной регулятивности, – это еще более масштабное преступление. Совершенное не только по отношению к России, но и по отношению к человечеству.

Теперь в России нет никакой макросоциальной регулятивности. Закон, как все мы видим, далек от выполнения этой роли как никогда ранее. Традиция? Восстановить аграрно-общинный уклад в России

нельзя. А если бы и восстановили его, то попали бы не в свой «золотой век», а в «их резервацию».

Конечно, речь идет об уничтожении именно МАКРОсоциальной регулятивности. В отдельных социальных нишах (которые я называю катакомбными), в малых группах, на микроуровне какая-то регулятивность может присутствовать. В виде упрямого отказа от окончательного уничтожения в себе оной. В виде фантомных болей. Но все это не является регулятивностью макросоциальной! Таковая же – просто по факту! – повторяю, вообще отсутствует. Закон ею не стал? Не стал! Традиция ею уже стать не может? Не может! Культура в качестве таковой уничтожена «элитой 12 июня»? Уничтожена. Ну, и чем тогда регулируется общество как макросоциальная система?

Отвечаю: как макросоциальная система, оно сейчас НИЧЕМ НЕ РЕГУЛИРУЕТСЯ. И что тогда есть, например, такое особо любимое нашей властью «мин», как «гражданское общество»?

Имена (мин), не связанные с реальностью (ши), губительны, утверждает школа Конфуция. Эти мин надо заново привязать к ши, или они погубят ши окончательно.

«Моя профессия мин от ши отрывать»... Заявку на создание такой новой профессии сделал и осуществил политический постмодернизм. Созданный им новый профессионализм оказался впервые востребован для разрушения СССР...

Ядерное оружие сделали на одних полигонах. Постмодернистское – на других. Но, когда ядерное оружие применили против Японии, мир содрогнулся, поняв, что он попал в новую ядерную эру. А когда постмодернистское оружие применили против СССР, мир ничего не понял. Ни того, что изобретено и применено новое оружие массового поражения. Ни того, чем это чревато.

Перекусывание связи между мин и ши осуществляют особые социокультурные вирусы, выращиваемые в постмодернистских лабораториях. Перекусив связь между мин и ши, социокультурный вирус превращает мин в симулякр (постмодернистский термин, означающий, что форма освободилась от содержания и начала его истреблять). Социокультурные вирусы – это особые организмы, питающиеся связями между мин и ши. Совокупность связей между мин и ши – это культура. Будучи натравленными на культуру, социокультурные вирусы воспринимают ее как среду своего питания и обитания. В этом смысле – что эти вирусы, что клопы в роле.

Герой рассказа Чехова сообщает аудитории, что он написал однажды трактат «О вреде некоторых насекомых». И что фрагмент трактата, посвященный клопам, очень понравился его дочерям. Далее герой признается, что трактат свой разорвал, ибо «как ни пиши, а без персидского порошка не обойтись». «У нас даже в рояле клопы», – говорит он, разъяря слушателям причину отказа от писания трактатов.

Буквальное прочтение текста великого художника нас очевидным образом не устраивает. Отнесясь же к словам чеховского героя как к символу, мы сразу же оказываемся на randevу с двумя политическими сценариями.

Сценарий №1 – «Писать». Выбрав его, мы делаем ставку на смысловую войну, предполагающую восстановление связи между мин и ши, перекушенной социокультурными вирусами. Так поступил Конфуций. Он долго шел путем «чжэн мин» к «да тун». Но в итоге достиг желанного.

Сценарий №2 – «Персидский порошок». Выбрав его, мы замираем в ожидании прихода политического лидера, который выведет клопов из нашего рояля. И сразу уподобляемся чеховскому герою, который, в отличие от китайского мудреца, все проиграл. В чем, кстати, не только символический, но и буквальный смысл чеховского рассказа.

Так выберем же сценарий №1 и (вслед за Конфуцием и его последователями) займемся обнаружением провалов между мин и ши в нашем политическом языке. Ибо не восстановишь связи, не обнаружив этих самых провалов. Обнаружив же, начнем строить мосты через провалы. И связывать тем самым мин с имеющейся реальностью ши.

Не надо бояться того, что ши при восстановлении ее связей с мин обнажит свои уродливые черты. Обнажение уродливых черт – первый шаг к их исправлению. Потому-то уродства и прячутся под масками пустых мин (симулякров), дабы не быть обнаруженными в своем естестве и после обнаружения исправленными.

Как популярное в нашем, насквозь постмодернистском, политическом языке мин «гражданское общество» соотносится с ши тотального отсутствия макросоциальной регулятивности?

Гражданское общество – это общество? Да, безусловно.

Общество – это макросоциум? Да.

Макросоциум требует регулятивности? Да.

Значит, гражданское общество предполагает наличие макросоциальной регулятивности? Безусловно.

А ее нет! И мы показали, почему нет.

Так что же это за общество-то без регулятивности?

Идем дальше. Гражданское общество должно что-то противопоставлять власти. На то оно и гражданское. Лишенный регуляторов макросоциум может что-то противопоставить власти? Не может. Вы, к примеру, видите хищника, пожирающего стадо овец, и думаете: «Сейчас я как заведу машину, да на этого хищника как наеду на большой скорости! Овцы спасутся». И тут вы обнаруживаете, что у машины вашей нет ни руля, ни двигателя, ни тормозов, ни газа. Да и бензина не достать. Как же вы на хищника-то наедете?

В машине без регуляторов на хищника не наедешь. Если нет бензина – тем более. Бензином является, как мы понимаем, ощущение некой идентичности, связанной с базовыми ценностями. Нет ни идентичности, ни базовых ценностей. Можно только болтать о том, что «Хаммер» некоего гражданского общества сейчас как заведется... да как на хищника-то наедет!..

Так что же, мин «гражданское общество» никак нельзя связать с нашим ши? Представьте себе, можно. Но только построение этой связи обнаружит нечто крайне малоприятное.

Системных регуляторов и вправду нет. Но это не значит, что нет никаких регуляторов вообще. Это значит, что совершенно особое значение получают регуляторы антисистемные. Таковыми по определению являются какие регуляторы? Правильно, криминальные!

На фоне преобладающего пассива (огромной совокупности различных социальных сгустков, лишенных всякой объединяющей регулятивности) оживляется специфический актив – криминальный социальный сгусток, снабженный особыми, антисистемными, регуляторами.

Этот сгусток и становится тогда нашим гражданским обществом. Как только мы гегелевское мин «гражданское общество» связываем с нашим ши, обнаруживается именно это.

До боли, между прочим, понятно, что именно обнаруживается. Что либо-либо. Либо коррумпированная бюрократия – либо бандократия (криминалитет).

Они-то и воюют друг с другом на протяжении всей постсоветской, тудыть ее растудыть, истории. Я это предсказал еще в конце 80-х годов, наблюдая процесс в Закавказье и Средней Азии. И с горечью наблюдаю, что происходящее сейчас ни на йоту не отклоняется от вычисленного по тем давнишним социокультурным замерам.

В «лихие 90-е» годы криминалитет в существенной степени сдвинул в свою пользу равновесие между собой и коррумпированной бюрократией. Овцы, терзаемые криминальным волком, заблели... и позвали на помощь бюрократического волкодава.

Он порычал на волков (к восхищению овец). После чего сам занялся овцами. Точнее, договорился с волками по поводу устраивающих его правил игры. Мол, волки разделяют овец и отстегивают волкодаву в процентах от добытого овечьего мяса. Столько-то положено мяса, столько-то косточек и так далее. И чтоб ни-ни.

Если криминальный волк смущается, то бюрократический волкодав в ключья волка порвет. В назидание остальным волкам и на радость овцам. Для которых есть и сладость в том, что волка все-таки рвут, и некое облегчение. Пока волкодав волком занят, и волк к овце не подступит, да и волкодав при деле.

Иначе и не может быть! Обесточенное, лишненное регулятивности общество – это стадо овец. Не сегодня сказано: «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». Оправдание режущих и стригущих только в одном – а что еще делать с овцами? Разве что, соединяя правильно мин и ши и не забывая о персидском порошке, пытаться вернуть им человеческий облик. То есть нормальную макросоциальную регулятивность.

Пока этого нет, криминальная антисоциальная регулятивность будет воспроизводить коллизию волков и овец. Ибо такая регулятивность порождает, конечно, хоть какую-то социальную состоятельность. Безрегулятивный же социум – это несостоятельное сообщество растерянных и испуганных овец. Но, порождая социальную состоятельность, эта регулятивность будет наделять порождаемое волчьей криминальной беспощадностью.

Надо ли пояснять, что коллизия потери нормальной регулятивности и созданное этой коллизией разделение антропоценоза нашего на блеющих овец и договорившихся об их пожирании волков и волкодавов уничтожат российское государство без всякой иноземной помощи? По мне, так не надо.

Можно, конечно, пытаться разбудить в умах волков и волкодавов заботу о поголовье овец – мол, чем завтра питаться-то будете? Так пытались мы разбудить сие в их умах. И даже не вполне безрезультатно.

Правда, результат совсем не тот, которого хотелось бы.

Реальным результатом стала паллиативная концепция России как среднесрочного проекта. Рассуждают вразумленные волки и волкодавы

примерно следующим образом: *«Надо бы здесь еще годков этак десять – пятнадцать, а лучшие бы двадцать попытаться своими овцами. А за это время – совсем иначе обустроиться в соседних угодьях. Не только бабки туда перегнать, но и предприятия там скупить. Какие дадут, разумеется.*

Дети вырастут, обучение получают, какое полагается, совместимое с жизнью в этих соседних угодьях. Опять же, семьи создадут, и появятся в тех угодьях какие-никакие, но родственники. Словом, главное, чтобы "на наш век хватило".

А как нам, волкам и волкодавам, без своих овец? И мясо-то у этих наших овец иначе пахнет, чем у ихних, и блеют они иначе, когда их задирают. Как-то, знаете ли, мелодично, проникновенно. И жрать мясо под березами гораздо удобнее и привычнее, чем где-то там, за бугром.

Словом, продержаться сколько-то надо. Ну уж, а потом... Как выйдет... Овец ведь не переделаешь. Да и начнешь их переделывать – себе же во вред получится. Переделанная овца – она, знаете ли... проходили мы это самое, и по второму разу – ни в жизнь.

Да и мало ли что потом будет? Может, мировое правительство! Может, халифаты какие-нибудь или еще что! Она как Китай прет. А может, инопланетяне прилетят! Или постчеловек появится!

В любом случае не нашего – волчье-волкодавного – ума это дело. Пусть какие-нибудь там очкарики про это – ...стратегией, кажется, называется... – поболтают. А мы меж собой погрыземся да овечками как следует полакомимся напоследок. А как же – ведь свои же овцы! У нас с ними эта... как там... национальный консенсус».

Можно, конечно, задаться сакраментальным вопросом: «А стоило ли пробуждать нечто подобное в умах волков, волкодавов и волчье-волкодавной помеси?» Что ответить?

Пока есть хотя бы единая Российская Федерация, есть и шанс на то, что внутри нее (в катакомбах, о которых я говорил неоднократно) зреет нечто подлинно человеческое, социальное-регулятивное, идеально мотивированное, страстное и дееспособное.

Если же эта Российская Федерация перестанет существовать, распадется, то есть стопроцентная гарантия того, что ничего ни в каких катакомбах не вырастет. Ирридента (война за воссоединение) не ведется одновременно с вызреванием чего-то там в каких-то катакомбах. Ирреденту ведет озлобленный и очень сильно замотивированный в идеальном плане народ. Настоящее сообщество граждан, а не псевдограждан-

ское «бе-бе, ме-ме», к которому все чаще адресуется зачем-то наша власть, называя «бе-бе, ме-ме» аж гражданским обществом. То ли власть наша облюбовала себе этот симулякр, понимая, что речь идет о симулякре, то ли она обобстилась наличием связи между мин и ши... Впрочем, не это главное.

Главное то, что овечьим стадом наше общество стало как только удалось разгромить культуру в качестве макросоциального регулятора. Позволили же отнять у себя этот регулятор сами обитатели СССР, решившие, что безрегулятивность и есть свобода.

А еще решившие, что будут пастись на замечательных заливных лугах капитализма под теплым рыночным солнышком в отсутствие каких-либо волков. Ибо волков в природе нет, о чем убедительно повествует диссидентская литература и перестроечная публицистика. Есть же только свои взбесившиеся номенклатурные волкодавы (насчет того, что взбесившиеся – как говорится, крыть нечем). Ужасные волкодавы преступно заменили единственно здоровую природную среду (рынок, капитализм) на какую-то полиэтиленовую всеобъемлющую совковость. В которой ни тебе вкуса, ни запаха. Одна безопасность от выдуманных волкодавами волков.

Выдуманы волки волкодавами с понятной целью – чтобы овцы соглашались терпеть волкодавов. Выдумщики-волкодавы погрязли во лжи. А надо, чтобы ни капли лжи. А одна лишь правда про то, как ужасны волкодавы. Сначала уничтожившие 90 миллионов овец (Солженицын и его последователи об этом повествовали с неукротимой правдивостью), а затем решившие напасть на мирную гитлеровскую Германию. (Тут уже мало было неукротимой правдивости а ля Солженицын. Тут надо было породить неукротимо правдивого гэрэушника... гэрэушники, они, знаете ли, все такие... и подключить его к проекту «Братство овец и волков». А то как-то перцу в проектике, знаете ли, чуточку не хватало.)

Короче, волкодавы – это сплошной ужас. Что творили – не описать. Как прочитаешь, сразу рука тянется порвать партбилет. А сердце и мозг воспаляются благородным овечьим негодованием. Особо же обидно то, как волкодавы лгут по поводу волков. Мол, за триста процентов прибыли волчонок волчицу продаст. Вот ведь до чего волкодавы договорились!

Между тем волк – это вовсе и не волк, а очень овцелюбивое и безопасное животное, способное изгнать волкодава. Животное это и надо призвать, плюс восстановить нормальную природную среду вместо

среды совково-ненатуральной. В природной среде волкодавам места не будет. Они немедля загнутся. Волки обнимутся с овцами. Постсовковая травка потеряет пластмассовый привкус, станет сочной, витаминизированной. Еще более питательной, чем та досовковая, по поводу которой волкодавы тоже клеветали почем зря.

И это будет, будет! Свет в конце туннеля светит, и видели его ездившие за рубеж совки-человеки, потаенно мечтавшие стать благородными овцами, отряхнув антропный прах вместе с совковой нечистью. Видели они овец западных, живущих в глубочайшей дружбе с волками! И питающихся восхитительными травками, в неограниченном количестве находящимися в тех супермаркетах.

А что «Человек – это звучит гордо», что «сердце Данко» да все прочие «повести о настоящем человеке», так это заговор волкодавов. На самом деле же, «Человек – это звучит скверно». Человек – это вообще изобретение волкодавов. Настоящим же, благородным существом, подлинным венцом Творения является только овца. А также, конечно же, подлинный – не мифологизированный волкодавами! – волк, конкурирующий с овцой за статус наиболее благородного, альтруистического и, главное, вегетарианского существа.

Кто-то, наверное, воскликнет, что я сгущаю краски. Полно, я создаю развернутое мин, гораздо более благолепное и достойное, нежели имевшее место ши. И если кто-то позабыл это ши под названием «перестройка», то пусть знает: забывшие свое прошлое обречены на то, чтоб пережить его вновь.

Прошло более двадцати лет, но в ушах у меня звучит голос бакинского старика, стоявшего тогда на краю могилы и не побоявшегося поведать мне о скрытых пружинах «перестроечного» процесса. Пружины – пружинами, сказал в итоге старик... Полбеда, сказал он, эти пружины. Намного хуже то, что наше общество – это «общество ням-ням, которое может резать один волк». Что «ням-ням», что овечье стадо... какая разница? Как отдавалось завоеванное кровью и мукой поколений, я никогда не забуду. Оно было отдано с упоением, похода. Сразу же после этого обесточенными оказались все генераторы социальной регулятивности.

Обесточенную остаточную Россию можно было резать на любые куски. И для того, чтобы сохранить ее, нужно было задействовать самых разных и разнокачественных интересантов. А кого еще, не «ням-ням» же этих?! Американцы боятся, что Сибирь и Дальний Восток

отойдут китайцам? Прекрасно. Другие американцы боятся совсем не контролируемой в случае, если расплзется и РФ, ситуации с ядерным оружием? Прекрасно! Что? Ими движет не стремление к благу жителей РФ? А почему ими должно двигать стремление к благу чужих для них жителей какой-то там РФ?

Кто еще может как-то что-то скреплять и удерживать? Волки, волкодавы?.. Одно до боли ясно – не овцы.

О том, зачем скреплять и удерживать, я уже сказал. Делать это можно только надеясь на то, что затоптанные овцами, исполосованные волками и волкодавами люди Отечества нашего все-таки начнут собираться по катакомбам. И восстанавливать отнятую у них регулятивность, без которой они и не люди вовсе. Это – по поводу того, зачем скреплять и удерживать. А по поводу того, чем... Прошу прощения, но в такой беспрецедентной ситуации – всеми подручными материалами, выбрать не приходится.

Скрепляя и удерживая, надо исправлять имена. И через это собирать то, что продолжает цепляться за презренный для овец, волков и волкодавов статус каких-то там, видите ли, людей. Связь между мин и ши... исправление имен (чжэн мин), основанное на восстановлении этой связи, принцип обратной связи между мин и ши (у конфуцианцев это называется «би цы»)... все это – ради призрачной надежды «да тун»?

А разве у китайцев эта надежда не была призрачной? Они могли двигаться к этой надежде сквозь нескончаемые беды выбранным путем чжэн мин, а нам слабó? Ну, если нам слабо, то все кончено. Но кто сказал-то, что слабо? Овцы? Волкодавы? Волки эти овцелюбивые?

Идя путем чжэн мин, мы обнаруживаем, что реликт социальной регулятивности криминален. Что после учиненного перестройкой постмодернистского разгрома культуры в виде регуляторов у общества остались лишь подызошенные «понятия» (не путать с гегелевскими). Те, благодаря которым наша криминальная элита все же регулирует хотя бы самое себя. В отличие от всех прочих. То есть, конечно же, и эта элита уже погружается в пучину непонятнейшего беспредела. Однако именно погружается, а не погрузилась.

Но если главные макросоциальные регуляторы – это остаточные криминальные «понятия», то (просто по определению) реликтом гражданского общества, да и устойчивого макросоциума вообще, является только криминалитет. А значит проверка метафор (волки, овцы, волкодавы и так далее) понятийностью (реликтовые регуляторы, антисистемная активизация, антинормативная нормативность, превращенная соци-

альность и так далее) худо-бедно, но проведена. Чай, не социологический трактат пишем, а аналитикой занимаемся.

Метафоры, выдержавшие тестирование понятийностью, – это уже не только метафоры. Это то, из чего можно создавать аналитическую мозаику. Картину происходящего то есть. Создавая эту картину, я не злопыхаю и не восхваляю. Я пытаюсь быть точным. И хочу знать, что в моей картине нелогично, бездоказательно?

А ну как окажется, что все логично и доказательно? Тогда что мы в очередной раз отпраздновали 12 июня 2009 года? Освобождение от макросоциальной регулятивности? И на что надеемся? На то, что эта регулятивность сама собой восстановится? В каком качестве? С опорой на что?

Я подозреваю, что определенные элитные группы в нашей стране (стране без социальной макрорегулятивности, если мои построения правомочны) радуются отсутствию этой самой регулятивности. Ибо в такой ситуации общество абсолютно беспомощно. И ничего вообще нет, кроме власти. **НО ЕСТЬ ЛИ ТОГДА ВЛАСТЬ?**

Вот вопрос, сочетающий в себе прикладную актуальность и философско-политическую масштабность.

Что значит «есть» и что значит «власть»?

Для того, чтобы власть могла сказать о себе (хотя бы себе самой), что она есть, она должна предъявить (опять же, хотя бы себе самой) некие основания.

Я сознательно не называю эти основания легитимностью, чтобы не завышать планку. Я всего лишь говорю – некие основания, и точка. Но откуда власть возьмет эти основания?

Как, иначе говоря, в принципе в таких условиях может осуществляться само конструирование властного субъекта? Если ничего, кроме него самого, нет (и он почему-то не впадает от этого в неопишумый ужас), то конструирование властного субъекта является его самосозданием (самоконституированием).

Как это происходит в ситуациях, подобных нашей? Ведь хотя наша ситуация и оригинальна донельзя, но присмотреться к каким-то, пусть и условным, прецедентам, согласитесь, не лишне.

Прецеденты же говорят о том, что в условиях, пусть не слишком, но похожих на наши, власть самоконституируется на микросоциальной основе. Не имея макросоциальных оснований, она начинает черпать

ресурс хотя бы внутривластной регулятивности из того или иного относительно регулируемого микросоциума.

Каковым может быть любой трайб. Например, карабахский (в Армении) или нахичеванский (в Азербайджане). В Сирии это алавитский клан. Династическая королевская власть в Саудовской Аравии держится на доминировании племенного клана Судайри в союзе с кланами Шаммар и Джилуви. Да мало ли еще примеров! Почти в любой стране Африки нынешняя власть вызрела из военно-политического доминирования одного из трайбов.

Поэтому нет ничего беспрецедентного в том, что самоконституирование у нас, в условиях столь прискорбной ситуации, стало осуществляться через апелляцию к тем или иным трайбам («питерские») или диффузным корпоративным группам («чекисты»).

Беда не в типе самоконституирования, а в том, что любая микросоциальность, помещенная в макросоциум, лишенный регуляторов, варясь в собственном соку, теряет и свою микрорегулятивность. Микрорегулятивность распадается вместе с микрогруппой. Где черпать ресурс для поддержки хотя бы этой микрорегулятивности, да и микрогруппы как самоконституировавшегося субъекта?

Заумные наукообразные рассуждения? Полно! Ничего сейчас нет актуальнее той темы, к обсуждению которой мы, наконец, подошли. И которая, к счастью, имеет, помимо политической актуальности, еще и концептуальное значение. Соединить одно с другим крайне сложно. А в рамках обсуждаемой тематики – почти невозможно. Но, как выясняется, именно «почти».

Мы уже начали концептуальное обсуждение того, не является ли мин «глобальный кризис» принципиально неправильным, не отвечающим тому ши, которое породило это мин? И на которое неправильное мин оказывает обратное воздействие (би цы).

Мы высказали гипотезу, согласно которой процедура исправления имен (чжэн мин) по отношению к мин «глобальный кризис» не просто требует замены ложного мин «кризис» подлинным мин «катастрофа». Нет, требуется еще и доуточнение полученного подлинного мин.

Катастрофа-то катастрофа, но какая? Я предложил к рассмотрению вариант доуточнения, сказав, что речь идет о растянутой во времени (катастрофа всегда более или менее растянута во времени) катастрофе глобальной дерегуляции.

Что такое дерегуляция у нас, мы поняли.

Мы поняли также, что мы являемся искусственно созданным глобальным сгустком дерегуляции.

Но что такое дерегуляция у них? Глобальная перестройка? Какую роль в ней должен сыграть наш глобальный сгусток дерегуляции?

Он должен выплеснуться наружу? Или, наращивая свою плотность, стать социокультурным аналогом особого типа звезд?

Социокультурное смысловое горючее (в звездах – ядерное горючее) выгорает. Происходит сжатие, коллапсирование.

Оно может быть не слишком глубоким или очень глубоким. Тут все зависит от звездной – или социальной – коллапсирующей массы.

Если оно становится очень глубоким, то образуется либо практически не видимый в окружающем (физическом или социальном) космосе «черный карлик», либо даже черная дыра.

Дыра же – если она искомое для каких-то «делателей коллапсов» – начинает поглощать материю из окружающего ее (опять-таки физического или социального) космоса.

Тут весь вопрос в соотношении масштабов дыры и космоса.

Физический космос настолько больше известных черных дыр, что ни одна из этих дыр свернуть космос не может. Хотя астрофизики живо обсуждают наблюдаемые эксцессы поглощения целых галактик черными дырами, находящимися в их ядре.

Если же социальный космос (человечество) сопоставим по размеру с создаваемой дырой и всего-то раз в пятьдесят больше этой дыры по массе и раз в семь больше по размеру, то ждать можно чего угодно. Полного коллапса в том числе.

И это «что угодно» всегда будет для кого-то желанным. Создайте любое «что угодно» – ну, совсем любое, – и оно для кого-то обязательно станет желанным. Кто-то решит на этом сделать гешефт. А кто-то это сочтет созвучным своим ценностям.

Тут еще и прочие факторы...

И классовые игры с самоспасением элиты за счет бегства из породившей ее формации (капитализма)...

И объективные закономерности, причем самые разные...

Ну, не может человечество, например, ни остановить информационный бум, ни справиться с ним без создания нового человека.

И нового человека создать не может.

И технологически свой рост сдерживать не может.

И выжить в условиях роста не может.

И управлять ростом не может...

И ножницы между ростом человеческого качества и ростом человеческих возможностей раскрываются неумолимо.

Да мало ли еще что происходит в сфере этого самого объективного!

Субъективное накладывается на объективное. И наоборот. Новый человек не может быть создан в условиях старой общественной формации. Не Зюганов говорит о посткапитализме. Он-то о нем помалкивает. Другие актеры перехватили эту тему, животрепещущую сегодня как никогда.

У сгустка афер, больших игр и объективных проблем есть ядро. Ядро – это ши (то есть некая реальность). У каждого ши есть мин. Мин для рассматриваемого ши, как мы уже установили, – катастрофа дерегуляции.

Есть наш сгусток дерегуляции, есть глобальный потенциал дерегуляции. И есть модель социокультурной черной дыры, способной поглощать целые социокультурные галактики, а то и некую смысловую Вселенную.

Наш сгусток дерегуляции создает и углубляет система «перестроек» (вспомним: «нáчать, углúбить, оббстрить»).

Перестройка – это использование властью против своего общества постмодернистской «лучевой пушки». Еще и еще раз ударив из нее по нашей многострадальной социокультурной ткани, можно завершить создание дерегулятивной черной дыры. И использовать эту дыру для поглощения неких смысловых галактик (а то и некой Вселенной, опять же, разумеется, смысловой).

Многое уже обнаружено нами. Конечно, не на уровне развернутых социальных теорий (аналитикой, повторю еще раз, занимаемся), а на уровне эскизов. Так сказать, почеркушек. Но ведь – обнаружено.

Остается состыковать две вещи. Эту самую политическую актуальность, к которой мы только что подоברались, и... и нечто другое, концептуально значимое.

Суть которого проста, как мычание. Ну, ладно, у нас такая дерегуляция. А у них? Что в их благополучном мире позволяет говорить о нарастании дерегуляции как о ядре некоего сгустка объективных проблем, больших игр, сверхкрупных афер и прочего?

Поскольку мы уже подоברались к самой животрепещущей политической актуальности, то не поймать за хвост политологическую жар-птицу было бы непростительно. А к тому, что у них позволяет говорить о нарастании дерегуляции, мы перейдем чуть позже. Надеюсь, что переход к

этому облегчится после обнаружения политической актуальности. Но, как бы там ни было, обнаружения этой актуальности нам не избежать.

Мы установили, что власть, поддерживающая внутривластную регулятивность в условиях полного отсутствия регулятивности макросоциальной, сначала схватится за микросоциальные (корпоративные, трайбовые) сообщества. С их остаточной микрорегулятивностью.

А затем... Затем она неизбежно столкнется с проблемой рассыпания и этих микросообществ. А также с ослаблением присущей им микрорегулятивности. Что тогда делать власти?

Может быть, ответ на этот вопрос позволит понять главную загадку прошедшего политического сезона. Загадку дуумвирата как модели. Загадку Медведева как политической фигуры. Не является ли все это своеобразным ответом власти на обнаруженный ею дефицит саморегулятивности?

Выдвигая такую смелую гипотезу, мы должны отдавать себе отчет в том, что она не предполагает осознанных действий власти во имя преодоления какого-то там, видишь ли, дефицита какой-то там саморегулятивности. «Живем – и в ус не дуем», «всё у нас в шоколаде» и так далее.

Но, как и у любого сознающего субъекта, у власти, кроме сознания, есть еще и бессознательное. Если где-то и вызрела надоба в преодолении дефицита теперь уже и микросоциальной регулятивности, то именно в этом бессознательном. В сфере властных коллективных инстинктов. Что не только не меняет существа дела, но и, напротив, делает это самое существо гораздо более концентрированным.

Конечно же, выдвижение модели дуумвирата вообще и Медведева как новой властной фигуры ускорило распад микросоциальной трайбовой (питерской) и корпоративной (чекистской) регулятивности.

Но регулятивность эта и так уже распадалась, причем достаточно быстро. Не было ли в создании модели дуумвирата и в выдвижении Медведева, помимо массы осознаваемых малых политических надобностей, еще и одной этой большой, лишь во властном бессознательном оформившейся надобы? Имя коей – «регулятивность». Не макросоциальная, предполагающая преодоление описанной мною десоциализации населения страны, а внутривластная. В самом узком и прагматическом смысле этого слова. Не питерские... не чекисты... а кто?

Наконец, нет и морали, нет взаимного доверия, нет уважения к ближнему, этих предпосылок всякого плодотворного предприятия, – если помимо индивидуальной или коллективной выгоды не сохраняются и некие священные заповеди, которые никто не рискует оспаривать, и каждый считает, что ради их сохранения стоит жертвовать своей собственной жизнью, а в иных случаях даже и ставить на кон существование всего своего коллектива. <...> На самом деле лишь растрачивают из тщеславия драгоценное сокровище,

**собранное ценой бесконечных
тягот, – если только в своем
иконоборчестве и кощунстве не
руководствуются мыслью самим
установить правила какой-то новой
игры, более веселой или более
серьезной.**

Роже Кайуа

Олег Гриневский

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ЗАБЫТЫЙ САММИТ

УДК
327

The situation with the European security is one of the most acute problems in world politics today.

Many European leaders declare about constructing the new Europe that is based on juridically obligatory agreements. This reminds in many ways the 20-years old statements, when an attempt was made to build such a Europe in Paris 1989. The base of that Europe had to be the CFE Treaty, the European Security Treaty and a new agreement on CSBM's. The author who participated in those negotiations undertakes a systematic and holistic analysis on how this base was build at that time. The readers of the article can themselves make conclusions on the result of the Paris summit.

Ключевые слова: международные отношения; парижский саммит; ДОВСЕ; конец холодной войны.

E-mail: olgrinev@mail.ru

Сегодня мало кто помнит общеевропейский Парижский саммит 1990 года. И напрасно. А ведь тогда, как и сегодня, были надежды, что удастся заключить ряд юридически обязывающих соглашений, которые изменят облик Европы, заложив прочный фундамент ее безопасности. 20 лет назад газеты, радио и телевидение буквально пестрели заголовками: лидеры европейских государств, собравшиеся в Париже, построят новую Европу. Фундаментом ее будет общая безопасность, экономическое благополучие и демократия. И зиждиться она будет на трех китах: Договоре о вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), Договоре о европейской безопасности и соглашении о новых мерах доверия и безопасности в Европе (МДБ).

Пресса даже сравнивала этот Парижский саммит с Венским конгрессом 1815 года, где два императора, четыре короля и дюжина князей – персон рангом ниже – перекроили карту Европы и поделили трофеи, оставшиеся после краха империи Наполеона. И внешне оно так и выглядело: ведь в Париже теперь вершили дела 2 руководителя сверхдержав, 4 руководителя просто держав, а далее шли уже 28 персон статусом ниже – просто государств. Видимо поэтому президент Франции Миттеран назвал эту встречу «антивенским конгрессом». Цель ее – распространение демократии и верховенства закона, – заявил он. «Среди сидящих за этим столом нет ни выигравших, ни проигравших»¹.

Поэтому сегодня стоит еще раз взглянуть, что же произошло тогда в Париже, чтобы не повторять ошибок прошлого.

КАК СТРОИЛСЯ ФУНДАМЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ

Главной опорой фундамента европейской безопасности, как тогда считали политики, должен стать ДОВСЕ. Его торжественно подпишут 19 ноября в Париже руководители 22 государств НАТО и тогда еще Варшавского Договора.

А в Вене над этим Договором трудились уже больше года (начиная с 1989), и он был практически готов: основные положения были согласованы. И теперь, когда до начала саммита оставалась всего неделя, предстояла адски кропотливая и сжатая по времени работа, чтобы перевести

---

¹ *New York Times. November 20, 1990.*

эти согласованные, но порой расплывчатые положения на четкий и конкретный договорный язык.

Но в рабочей группе экспертов, работавших день и ночь, удалось соорудить тогда предварительный текст ДОВСЕ с протоколами на русском и английском языках. Это были два увесистых тома почти по 200 страниц в каждом. Посол США Джеймс Вулси в свойственной ему манере иронизировать называл этот документ «толстая леда». Но Договор требовал еще досогласования по ряду вопросов. А главное – сверки до мельчайших деталей его текстов на 6 официальных языках: помимо русского и английского также на французском, немецком, итальянском и испанском языках.

Поэтому мы с Вулси договорились о создании специальных рабочих групп, в которых с нашей стороны были опытные переговорщики, хорошо разбирающиеся в этих непростых проблемах:

- Вячеслав Кулебякин, например, отвечал за Договор на русском языке и за его соответствие с английским текстом.
- Андрей Грошев – за текст на английском языке.
- Антон Мазур – за основные статьи Договора.
- Геннадий Евстафьев и Сергей Мостинский – за статьи и протоколы, касающиеся контроля и инспекций.
- Алексей Дульян – за статьи по региональному делению.
- Дмитрий Тарабрин – за протокол о переклассификации учебно-боевых самолетов и вертолетов.

Работа эта была непростой и не обошлась без дипломатических хитростей. Вот один из ее примеров. Изначально структура этого Договора строилась между двумя военными союзами – НАТО и ОВД. Но Варшавский договор уже шатался, и было ясно, что долго он не продержится. Еще в сентябре 1989 года венгры дали понять, что не хотят быть его членами. И об этом, теперь уже в открытую, стали говорить другие его участники. Так как же быть с договором между НАТО и ОВД, который мог рассыпаться сразу после его заключения? Обо всем этом на переговорах в Вене вслух, естественно, не говорили, но в кулуарах шептались.

И тогда с подачи французов был придуман такой хитрый ход: вместо союза употреблять термин «группа государств-участников». Иными словами, если даже Варшавский договор развалится, то режим ограничений, созданный ДОВСЕ, все же сохранится. Просто государства, вышедшие из союза, будут оставаться в прежней группе государств по этому Договору, и выполнять все взятые на себя обязательства. Но при

этом Советский Союз сможет иметь больше обычных вооружений, чем любая другая страна в Европе – более одной трети от общего числа, остающегося после всех сокращений.

В общем, в течение одного дня и ночи тексты Договора на русском и английском языках были полностью согласованы. Теперь и нам, и американцам нужно было получить согласие своих столиц. И тут у советской делегации проблем вроде бы не было. В Москву мы направили телеграмму с изложением текстов поправок, согласованных с американцами, сопроводив ее таким заключением: «Будем действовать так, если не получим иных указаний...». Аналогичную депешу послал в Вашингтон и посол Вулси. Столицы молчали, и мы направили «толстую леди» для согласования с союзниками.

У стран Варшавского Договора замечаний не было. Тут сработала не прежняя дисциплина слушаться во всем старшего брата, а скорее то, что они уже смотрели в рот американцам и, узнав, что толстая леди им по душе, тут же склонили перед ней головы. А вот со странами НАТО все оказалось куда сложнее. Французы, англичане и немцы поначалу не поддавались ее соблазну и стали выдвигать ряд поправок. Но были они не по существу, и договориться тут труда не составило.

Проблема неожиданно возникла совсем с другой стороны. Рано утром 14 ноября мне позвонил Вулси и сообщил, что из Вашингтона пришла телеграмма, которая требует 7 поправок. Я сказал, что времени для их согласования уже нет и США придется брать на себя ответственность за срыв согласования Договора и его подписания в Париже.

– *Не волнуйся*, – ответил он мне, – *все обойдется*.

И в полдень того же 14 ноября, как и уславливались, началась 24-часовая процедура умолчания, которая должна была означать, что возражений и поправок к Договору больше нет. Американцы тоже молчали и вопрос о поправках не поднимали. Как потом выяснилось, после разговора со мной Вулси собрал американскую делегацию и, держа в руках полученную из Вашингтона телеграмму, спросил, все ли они ознакомились с этими указаниями. Сотрудники кивали головами, и тогда глава делегации заявил: «Вот как я хочу, чтобы вы поступили с ними». И на глазах удивленных дипломатов, разведчиков и военных разорвал эту телеграмму из Вашингтона, бросив обрывки на стол².

---

² *Graham Th.Jr. Disarmament Sketches. University of Washington Press, 2002. P.202.*

Так проходила процедура умолчания в Вене, и происшествий больше не было. На следующий день все делегации информировали столицы, что Договор согласован. А Вулси и тут отличился: свою телеграмму в Вашингтон он озаглавил так: «Толстая леди поет в Вене». Но строгий ответ из Вашингтона поступил за подписью самого Буша. Президент дал ему указание инициировать Договор. А вот нам из Москвы никаких указаний не последовало.

* * *

Наконец, наступило 17 ноября. В полдень руководители делегаций 22 стран должны были инициировать Договор. Это если говорить дипломатическим языком. А попросту говоря, поставить свои подписи, что означало бы: тут все в порядке.

Но тем же утром они собрались в Хофбурге для того, чтобы произвести обмен информацией о наличии сокращаемых вооружений у себя в стране на дату подписания Договора. На столе перед каждой делегацией лежали увесистые тома с описанием и перечислением танков, БМ, артиллерийских орудий, боевых самолетов и вертолетов. И тут все взоры были обращены на стол советской делегации: на нем высилось аж 5 таких томов да еще альбом с фотографиями. Ни у кого не было такого количества материалов, и это явно произвело сильный эффект. Рядом с сотрудником нашей делегации Антоном Мазуром стояла сияющая американка, которая произнесла:

– На моей памяти это самая крупная разведывательная операция, которая, как ни странно, проводится в открытую!

Мазур промолчал. Но, как потом рассказывал, подумал: «Глупенькая, ты просто не понимаешь, что у вас уже через полчаса будут вытянутые физиономии».

Так оно и случилось. Только не через полчаса, а через час. Цэрэушники из американской делегации, которые тут же начали сверять представленную нами информацию, обнаружили, что теперь у нас не 1 600 объектов контроля, как только что говорил американцам в Москве начальник Генштаба Моисеев, а всего 900, то есть почти в два раза меньше. Плюс к этому существенно занижено число сокращаемых вооружений, которое свидетельствует, что Советский Союз продолжает переброску этих вооружений за Урал.

Это вызвало шок в рядах американской делегации. Линн Хансен, который отвечал за обмен информацией и был в Москве на этих переговорах с Моисеевым, посетовал:

– Теперь мне остается одно – покончить с собой прямо здесь в Хофбурге.

Ко мне подбежал взбешенный Джим Вулси – таким я его еще не видел – и заявил, что это прямой обман, а потому он не станет инициировать Договор. Об этом он прямо здесь же и заявит, хотя процедура инициирования, которую мы с ним обговаривали, не предусматривала никаких заявлений.

Я, как мог, пытался успокоить его. Как записано у меня в дневнике, сказал:

– Этих данных я сам еще не видел: они только накануне поступили из Москвы, а твои эксперты могли ошибиться. Не надо опрометчивых шагов: они могут сорвать подписание Договора в Париже. Вернемся оттуда и разберемся.

И пообещал сразу же по прибытии в Париж доложить о возникшей ситуации Горбачеву. Вулси никак не реагировал на это и вернулся к себе за стол неподалеку от председательского места.

А в зале стоял шум, все больше напоминающий базар. Вот в такой обстановке началось инициирование этого злополучного Договора. Главы делегаций один за другим подходили к столу председателя и ставили свои подписи. Все – кроме американцев. После непродолжительной паузы Вулси все же встал, подошел к столу и тоже поставил свою подпись. Все вздохнули. Кто с облегчением, а кто и с возмущением. Но по бокалу шампанского все равно выпили.

Но и на этом треволнения того дня не закончились. Вскоре мне позвонил болгарский посол и заявил:

– Нужно срочно внести изменения в уже согласованный текст Договора на всех шести языках. Вместо «Народная Республика Болгария» там теперь должно быть просто «Республика Болгария». Такое решение о переименовании только что принял наш парламент.

Это и стало последней поправкой к Договору.

В тот же день вечером я вылетел в Париж, а на следующий день – это было уже 18 ноября – секретариат конференции повез туда и «толстую ледя». За эти последние дни она явно прибавила в весе. Теперь ее толщина составляла уже чуть меньше 20 сантиметров и содержала она почти 1 000 страниц на 6 языках.

**«ТОЛСТАЯ ЛЕДИ»
В ПАРИЖЕ**

Горбачев прилетел в Париж 18 ноября поздно вечером – после десяти. Я попытался перехватить Шеварднадзе и рассказать ему о ситуации с представленной нами информацией и переброской танков за Урал, но он сразу же уехал на

встречу с Бейкером, которая завершилась далеко за полночь. Экспертов на нее не позвали, и, о чем шел у них разговор, мы тогда не знали, хотя догадывались. А утром, когда приехали в Елисейский дворец, ко мне подошел Шеварднадзе и сказал, что Бейкер вчера ночью поднял вопрос об объектах контроля и переброске нашей военной техники за Урал вместо того, чтобы ее уничтожить, как это положено по Договору. В чем здесь дело?

Я довольно долго объяснял, что Запад обвиняет нас в незаконной переброске за Урал 57 300 единиц военной техники, подлежащей сокращению и уничтожению. Кроме того, 2 дивизии пехоты были переведены в подчинение ВМС и стали дивизиями морской пехоты, на которые не распространяются ограничения по Договору. Причем делается все это в самый канун подписания Договора здесь в Париже. С формально юридических позиций тут нарушений нет. В Договоре нет статьи, которая прямо запрещала бы делать это. Но есть статьи и положения, которые можно трактовать и так и сяк. Поэтому тут скорее морально-этические проблемы. Как, скажем, отреагировали бы мы, если бы США и страны НАТО вместо того, чтобы уничтожить свою военную технику, подлежащую сокращению по Договору, стали перебрасывать ее на территорию США или Канады?

Шеварднадзе слушал все это молча. Но тут вошел Горбачев, и министр подбежал к нему, так и не сказав мне ни слова. А как потом нам стало известно, Горбачева он предупредил, что в беседе с Бушем у него могут быть неприятности, поскольку мы уже начали нарушать Договор. Горбачев тут же отругал Язова, и тот пообещал разобраться и строго наказать виновных³.

---

³ После длительных переговоров, которые велись в основном военными, 14 июня 1991 года Москва дала согласие в порядке компенсации за вывод военной техники за Урал уничтожить там 14 500 единиц вооружений. А переданные вооружения в военно-морские силы будут засчитываться как ограничиваемые по Договору.

Вот в такой обстановке в 10 часов утра 19 ноября в Елисейском дворце началась торжественная церемония подписания ДОВСЕ и Совместной декларации главами и премьер-министрами 22 государств НАТО и тогда еще Варшавского Договора. В роскошном зале этого дворца стоял огромный стол. «Толстая леди» торжественно шествовала по нему, а лидеры Европы один за другим ставили на подоле ее роскошного платья свои подписи и радовались! Еще бы, ведь пресса, радио и телевидение в тот день пестрели по всему миру аншлагами:

«Похороны Холодной войны. ДОВСЕ – фундамент новой безопасности Европы»⁴. А далее шли такие комментарии: никогда за всю историю человечества, ни в одном сражении не было уничтожено такого количества танков, бронемашин, артиллерийских орудий и самолетов, как за этот один день в Париже! Тут же приводились потрясающие воображение цифры, и все поздравляли друг друга с наступлением эры прочного мира и процветания Европы.

---

⁴ См., например: *Le Quotidien de Paris*. 1990. Le 19 novembre.

Только, как это видно на фотографии, опубликованной в журнале «Ньюсуик» 3 декабря, за столом, где сидела советская делегация, никто не улыбался, и все выглядели хмурыми и угрюмыми. Так что же происходило там во время торжественного подписания этого Договора?

Три года спустя «Ньюсуик» раскрыл тайну⁵. Фотография эта, написано там, напоминает сюжет русской иконы XVI–XVII столетий. Внизу справа в роли сурового громовержца, выносящего приговор, выступает Горбачев. В роли сатаны или падшего ангела, склонившего смиренно голову, – персона, похожая на посла СССР во Франции Юрия Дубинина. А слева от него – Шеварднадзе в качестве мадонны, строгой, но справедливой. Ну а сзади, как и положено, два ангела – справа министр обороны Язов и слева автор этих строк.

С трудом сдерживая гнев, громовержец шпыняет падшего ангела:

– Раиса Максимовна пыталась задержать шторм в твоей резиденции, а она на нее свалилась. У тебя не посольство, а какой-то бардак!

Падший ангел пытается оправдаться:

– Не беспокойтесь, Михаил Сергеевич, мы разберемся с этим.

А в это время между двумя ангелами, что сзади, идет такой диалог:

Язов: Ты что радуешься? Верховный Совет все равно не пропустит твой драгоценный Договор. Мы зарубим его! Ведь мы располагали в Европе сильнейшими войсками за всю нашу историю. Стоило только отдать приказ – и они за считанные дни могли дойти до Ла Манша. Даже ядерные удары не могли бы их остановить: танки наши все равно бы шли вперед, а выжившие солдаты праздновали победу. Эх, какие войска мы там имели! А ты хочешь от них избавиться. Клянусь, ты будешь судим за это. И не только историей, а нашим судом, и уже очень скоро!

Гриневский: Но Дмитрий Тимофеевич, Вы же вчера сами сказали журналистам, что этот Договор обладает исторической важностью для Европы.

Язов: Да, сказал. И сказал правду! Его историческая значимость в том, что мы проиграли третью мировую войну без единого выстрела!

А минуту спустя наступил черед Горбачева, и он поставил свою подпись под этим Договором.

---

⁵ Newsweek. November 22, 1993.

* * *

Так чем же значим этот полузабытый теперь саммит стран НАТО и ОВД?

Прежде всего, принятием **ДОВСЕ**, который кардинально менял обстановку в Европе, да и во всем мире. Как заявил Горбачев в Верховном Совете СССР 26 ноября, «политические заявления о конце Холодной войны воплощены теперь в конкретные правила поведения и уровни вооруженных сил, значительно снижающие военный потенциал с обеих сторон... Договор рождался непросто, в трудных дискуссиях. Не без сбоев и временами "высокого напряжения" собиралось каждое его звено. Но в конечном итоге был достигнут компромисс, который не ущемляет ничьих интересов»⁶.

И главное, – создавалось новое, пониженное равновесие вооруженных сил обоих блоков на огромном пространстве от Атлантики до Урала. Цель – ликвидировать дисбалансы по основным видам обычных вооружений – была достигнута. Резко понижались наступательные возможности во всей Европе. Все это означало, что внезапное нападение и крупномасштабные военные операции там теперь практически исключались. А обмен военной информацией в сочетании с надежным, всепроникающим контролем и инспекций создавали такую прозрачность военной деятельности, которая делала практически невозможной скрытую подготовку агрессии и обход Договора.

Разумеется, нам приходилось сокращать больше вооружений, поскольку мы имели их больше. Поэтому на долю нашей страны пришлось порядка 70% всех сокращений, предусмотренных Договором. И тем не менее Советскому Союзу позволялось иметь больше обычных вооружений, чем любой другой стране в Европе, – более одной трети от общего количества вооружений, которое останется после сокращения у всех. По танкам мы получали право сохранить 13 300 единиц (33,3%), по БМ – 20 000 (33,3%), по артиллерии – 13 700 (34,3%), по боевым самолетам – 5 150 (37,8%), по ударным вертолетам – 1 500 (37,5%). Наши партнеры по переговорам пошли на это, учитывая размеры территории Советского Союза и его положение в Европе, да и в мире в целом.

---

⁶ Вестник МИД СССР. 1990. 31 декабря. №24 (82). С.47–48.

Даже один из главных противников этого Договора – Начальник Генштаба Н.А.Моисеев – в конце концов, публично признал: такие уровни вооружений «в полной мере отвечают принципу необходимой достаточности для обороны, соответствуют нашей оборонительной доктрине и, как мы считаем, обеспечивают надежную обороноспособность страны»⁷.

О том, что по своей сути ДОВСЕ являлся Договором об окончании Холодной войны, прямо говорилось и в другом важном документе, подписанном тогда в Хофбурге, – «**Совместной декларации двадцати двух государств**».

Первоначально документ этот замыслился нами как Договор о ненападении между двумя блоками. Но натовские страны были против такого Договора. Поэтому согласование его давалось нелегко, и, в конце концов, он был оформлен в Париже как Совместная декларация 22 государств. В ней повторялись в основном положения, уже содержащиеся в Уставе ООН и Хельсинкском Заключительном Акте. Но при этом стороны брали на себя 3 новых важных обязательства, значение которых велико и по сей день:

Первое: Объявив об «окончании эры раскола и конфронтации, которая длилась более четырех десятилетий», руководители этих государств – бывших противников, то есть НАТО и ОВД, – торжественно заявили, что «в новую эпоху, которая открывается в европейских отношениях, они больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы».

Второе: «Воздерживаться от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости любого государства, от попыток изменить существующие границы путем применения силы или угрозы силой... Никакие из их вооружений никогда не будут использованы, кроме как для самообороны или в иных целях в соответствии с Уставом ООН».

Третье: «Поддерживать лишь такой военный потенциал, который необходим для предотвращения войны и обеспечения эффективной обороны. Он будет учитывать взаимосвязь между военным потенциалом и военными доктринами»⁸.

---

⁷ Известия. 1990. 22 ноября.

⁸ Вестник МИД СССР. 1990. 31 декабря. № 24 (82). С. 18.

Несколько дней спустя, выступая в Верховном Совете СССР, Горбачев так охарактеризовал значение этого документа: «Фактически это многосторонний пакт о ненападении. Таким образом, закреплена взаимопонимание о том, что отныне безопасность в Европе будет обеспечиваться не военными, а преимущественно политическими средствами, не в противоборстве, а во взаимодействии, на коллективной основе»⁹.

Сегодня, конечно, можно спорить, так это или не так. Но тогда в Москве искренне верили: так будет.

ПАРИЖСКАЯ ХАРТИЯ И МДБ

На этом церемония в Елисейском дворце была завершена. Все поспешили к машинам и направились на авеню Клебер, где во дворце Конгрессов открывался саммит теперь уже глав 34 государств СБСЕ – первый после Хельсинки в 1973 году.

Начался он с долгого и нудного обмена речами, в которых пелась хвала только что заключенному ДОВСЕ и излагалось в самых общих словах видение будущей Европы. И теперь уже журналисты иронизировали: этот Парижский саммит больше похож не на встречу ведущих политиков Европы, а на совещание строителей и архитекторов. Все говорят об архитектуре новой Европы, каким им видится теперь общеевропейский дом, каким должен быть его фундамент, стены и т.д. Генсек НАТО Манфред Вернер заявил, например, что Москва уже не является источником угроз для Запада. «Мы будем строить Европу с Советским Союзом и со странами ОВД, а не против них», – подчеркнул он.

Затрагивались и новые угрозы – экологические катастрофы, межнациональные конфликты и проблемы, связанные с массовой миграцией. Для их решения необходимы новые механизмы и международные органы. И президент Франции предложил создать такой новый орган, который играл бы роль третейского судьи в урегулировании межнациональных конфликтов. А Швеция и Советский Союз, не сговариваясь, выступили с идеей проведения нового общеевропейского саммита для рассмотрения проблем национальных меньшинств.

---

⁹ Там же. С.48.

Вот и все о чем говорилось тогда в Париже. И итогом этих недолгих дискуссий стало принятие **«Парижской хартии для новой Европы»**. Хотя она тоже была многословной и неконкретной, но в ней все же была сделана попытка заложить первые общие нормы для создания новой Европы, идущей по пути к объединению. А строиться эта новая Европа должна была на фундаменте из таких трех китов:

Первое. Общие ценности демократии и верховенства закона, прав человека и политического плюрализма. При этом подчеркивалось: «Мы обязуемся строить, консолидировать и укреплять демократию, как единственную систему правления в наших странах»¹⁰.

Второе. Экономические свободы, ответственности и сотрудничество, основанные на рыночной экономике.

Третье. Общая безопасность, на основе и дальнейшем развитии ДОВСЕ, а также соглашений по мерам доверия и безопасности в Европе, завершения переговоров по Открытому небу, Конвенции по запрещению химического оружия и других соглашений, касающихся нераспространения ядерного оружия, а также стратегической стабильности.

Кроме того, в Парижской хартии были сделаны первые шаги к институализации СБСЕ и по сути дела объявлено о создании трехступенчатого механизма политических консультаций:

– Саммиты руководителей государств членов СБСЕ. Проводятся раз в два года.

– Заседания Совета министров иностранных дел. Проводятся раз в год.

– Комитет старших должностных лиц для подготовки заседаний Совета министров иностранных дел и выполнения их решений. Заседания проводятся по мере необходимости.

Кроме того, были созданы Секретариат СБСЕ (в Праге), Центр по предотвращению конфликтов (в Вене), Бюро по свободным выборам (в Варшаве).

Немного, но хоть что-то. И тогда же руководители 34 государств торжественно подписали подготовленное нами в Вене **соглашение о мерах доверия и безопасности в Европе (МДБ)**. По своей сути оно являлось наряду с ДОВСЕ как бы второй опорой в новой системе европейской безопасности. Сегодня мало кто помнит или знает об этом соглашении, поэтому о его значении стоит рассказать поподробнее.

---

¹⁰ Там же. С.34.

Первый набор таких мер был сотворен еще в 1975 году и включен в Хельсинкский Заключительный Акт. Это была краткая, но весьма важная договоренность о предварительных уведомлениях относительно всех крупных учений войск в Европе и приглашения наблюдателей на эти учения. По тем временам это был значимый первый шаг к большей открытости, а значит и стабильности.

А вот следующий, хотя и более решительный, шаг удалось сделать только 11 лет спустя, когда в 1986 году на Стокгольмской конференции было принято специальное, развернутое соглашение по МДБ. В нем не только существенно конкретизировались и расширялись хельсинкские договоренности. Впервые принималось революционное по своей значимости решение государств – ограничить масштабы и периодичность своей военной деятельности, обмениваться ежегодными планами военных учений. При этом также впервые удалось договориться о проведении инспекций с целью проверки того, что происходит на самом деле.

Теперь в Вене пошли еще дальше. Соглашение предусматривало уже ежегодный обмен информацией о военных силах, планах развертывания войск, основных системах вооружений и военных бюджетах. Предусматривалось также создание специальных механизмов уменьшения опасности, связанной с какой-либо необычной военной деятельностью и военными инцидентами, путем контактов между военными (включая посещение авиабаз); посещение частей и формирований с целью оценки предоставленной информации; а также создание сети связи. Кроме того, ежегодно должны проводиться совещания экспертов по оценке выполнения этих принятых мер доверия.

В общем, тогда в Париже был принят важный свод документов, которые закладывали основы новой, построенной на доверии системы безопасности в Европе. Впервые в многовековой истории этого континента исключалась сама возможность ведения крупномасштабных войн и внезапного нападения. Был сделан также хотя и робкий, но важный первый шаг к институализации европейского сотрудничества, что позволило бы создать единое пространство уже коллективной безопасности, равное и неделимое для всех его участников, то есть стран Европы, США и Канады. Обо всем этом много писали тогда газеты и с пафосом говорили политики.

КАК РЕШАЛАСЬ СУДЬБА ИРАКА

Был, однако, еще один очень непростой вопрос, который в публичных выступлениях на этом саммите почти не затрагивался. А вот в кулуарах, в беседах лидеров ведущих государств обсуждался в основном именно он. Даже переброска войск за Урал не могла его затмить. И этим таинственным вопросом было применение силы против Ирака.

Изначально позиции двух сверхдержав здесь были полностью противоположными. СССР и США были сверхдержавами со своими строго очерченными зонами интересов, но теперь речь по сути дела шла о возможности вооруженного вторжения в зону интересов Советского Союза. И за американским вторжением в Ирак многим политикам уже виделось начало передела сфер влияния в мире. Так что же ждать? Или кто-то все же уступит?

Вечером 19 ноября Горбачев приехал в посольство США на ужин. Гостей было всего человек 20. А сам ужин казался не деловым, а дружески веселым. Много пили, смеялись, рассказывали разные истории и анекдоты. Горбачев, Шеварднадзе и особенно Язов хохотали от души. Но главный разговор состоялся перед этим весельем в формате тет-а-тет за коктейлем. Причем Буш четко определил причины этого их уединения:

– Я хотел поговорить с вами наедине по двум причинам: чтобы вы сказать все, что у меня на душе, и чтобы не ставить вас перед необходимостью давать сейчас окончательный ответ.

Но начал издаലെка и поинтересовался, что происходит в Советском Союзе и что делает Ельцин?

– Люди хотят стабилизации, а не раскачивания лодки, – стал жаловаться Горбачев. Людям не нравятся сепаратисты. Они спрашивают, что мешает Горбачеву и Ельцину сотрудничать? Ответ – ничего... Я готов использовать способных людей независимо от их идеологии, даже Ельцина.

После чего Буш перешел к главному – событиям в Персидском заливе.

– В этом вопросе мне нужна ваша помощь. Нам нужно добиться принятия резолюции ООН, которая давала бы санкцию на реализацию необходимых мер, то есть применение силы, чтобы можно было убедить Саддама Хусейна, что он должен выполнить требования ООН.

Откровенно говоря, я не вижу какого-либо другого способа убедить его в том, что он должен сделать то, чего требует от него весь мир.

Горбачев ответил, что он долго думал над этим вопросом, и, как обычно, начал крутить:

– Если мы не докажем сейчас, что в состоянии на этой новой фазе мирового развития справляться с подобными проблемами, то, значит, то, что мы начали, не много стоит. Если мы с вами не в состоянии пресечь агрессию, аннексию, вопиющее попрание международного права, то, значит, чего-то не то делаем... В душе своей я, как наверняка и вы, очень хотел бы, чтобы не было крови, не было жертв, не было гибели американских парней, потому что большая кровь была бы ударом по президенту США. И для простых арабов это тоже было бы очень плохо. Поэтому мы решительно предпочитаем, чтобы урегулирование было достигнуто без кровопролития. И я исхожу из того, что вы тоже за это. Ведь если начнется война, она может оказаться похлеще Вьетнама.

И, наконец, перешел к конкретике:

– Итак, после всестороннего размышления и анализа мы пришли к выводу, что на принятие резолюции Совета Безопасности следует пойти. Мы полагаем, что она должна быть, так сказать, двухъярусная, совмещать ваше предложение и мое.

В первом пункте должно содержаться по существу ультимативное требование к Ираку – выполнить резолюцию ООН. Но мы дадим ему срок, дадим последнюю возможность одуматься. Во втором пункте будет сказано, что в случае невыполнения этого требования могут быть приняты все подходящие меры для восстановления справедливости.

Дж. Буш: *Такой двусторонний подход, мне кажется, имеет большие достоинства. Какой должен быть, на ваш взгляд, срок действия ультиматума?*

М.С. Горбачев: *Скажем, до середины января. После этого было бы разрешено применять все подходящие средства, причем для этого не требовалось бы принятия еще одной резолюции¹¹.*

---

¹¹ *Запись основного содержания беседы М.С.Горбачева с президентом США Дж.Бушем. Париж, 19 ноября 1990 г. С.7–11. Передана из Фонда Горбачева для публикации в сборнике документов «Briefing Book of Declassified Russian and US Documents Prepared for the Mershon Center Conference on US – Soviet Military and Security Relationships at the End of the*

Буш был доволен. Согласие Горбачева на вторжение в Ирак он тогда получил, хотя наш президент прямо об этом не сказал, а продолжал крутить, маскируя это согласие за туманной фразой о разрешении «применять все подходящие средства». И только просил не предавать огласке эту их договоренность до окончания предстоящего визита в Москву министра иностранных дел Ирака Тарика Азиза. Он, видимо, еще надеялся, что Евгению Примакову все же удастся уговорить Саддама Хусейна добровольно уйти из Кувейта.

После этого все «точки над і» были расставлены в ходе беседы Шеварднадзе с Бейкером, которая состоялась сразу же после этого веселого ужина и продолжалась опять далеко за полночь. Нашему министру удалось тогда убедить Бейкера несколько смягчить тон этой резолюции Совета Безопасности ООН, которая будет предусматривать «принятие всех необходимых мер» против Ирака. То, что одной из таких мер может стать применение силы, у обоих собеседников возражений не вызвало и для этого не потребовалось бы какого-либо особого решения Совета Безопасности. Но Ираку все же будет предоставлена «пауза доброй воли», которая даст Саддаму Хусейну последний шанс избежать войны и уйти из Кувейта.

Текст такой резолюции и был согласован тогда поздно ночью обоими министрами. Они договорились также и о том, что согласие Советского Союза с такой резолюцией будет оставаться в строгой тайне вплоть до окончания визита Тарика Азиза в Москву. При этом Бейкер заверил, что проблем с Бушем в отношении текста такой резолюции у него не будет. Теперь оставалось убедить Горбачева, который как всегда крутил: «да» и «нет» не говорил и мог легко сказать, что Буш его не так понял, если на него надавят Примаков и военные.

Поэтому седой лис прибежал к своему очередному хитрому ходу. О результатах своей беседы с Бейкером он никого не проинформировал – даже Горбачева. Но по его указанию Сергей Тарасенко уже следующим утром подготовил строго секретную записку для Горбачева, где детально излагался этот согласованный им текст резолюции и аргументация в пользу ее принятия. Однако и записку эту он велел никому не показывать, а ждать указаний. Судя по всему, министр выжидал подходящего

Cold War, 1988–1991». 15–17 October 1999. Compiled by William Burr, Thomas Blanton, and Vladislav Zubok. The National Security Archive, The George Washington University, Washington, DC.

момента, чтобы поговорить с Горбачевым с глазу на глаз, видимо опасаясь, что Примаков и мидовские ближневосточники смогут убедить его отвергнуть такую резолюцию.

И такой подходящий момент представился во время полета в Москву. Шеварднадзе удалось уединиться с президентом, дать прочитать эту бумагу и получить добро. После чего нашему представителю в ООН Юлию Воронцову пошли соответствующие указания. Вот так порой и решались тогда судьбы мира. Вот так вершилась история на этом полузабытом теперь Парижском саммите.

От мифов униженных к мифам торжествующим дорога, быть может, короче, чем нам кажется. Достаточно лишь придать им социальное звучание. В пору, когда политика так легко говорит о живом опыте людей и о концепции мира, эксплуатирует и чтит основополагающие аффективные порывы, наконец, прибегает к символам и ритуалам, – кто назовет ее невозможной?

Роже Кайуа

**Для того чтобы освободиться
от иллюзии, выйти из низкого
состояния, дух должен искать
свое истинное сознание
и для этого выйти из области
лжепоказаний внешних чувств.**

Лев Тихомиров

Ольга Четверикова

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

ЛАБОРАТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ БУДУЩЕГО: ОККУЛЬТНЫЕ СЕКТЫ КАК ПАРТНЕРЫ ТНК

УДК
172.3

Training of the population for acceptance of a 'new world order' presupposes a leveling of human conscience by way of creation of a global and comprehensive religion. Nowadays 'New Age', an occult and spiritual movement makes a claim for the role of such religion. The distinctive characteristics of 'New Age' movement are syncretism, pluralistic universalism, and global thinking. Spread of this movement in the Western society is carried on under disguise of various new religious movement and sects activities. In Europe these activities have acquired a threatening scale. In conditions of the European liberal moral tolerance domination occult sects employ flexible and mobile methods of penetration. In fact, the sects are penetrating with all spheres of the social, political and economic life and create a parallel network society. Heading for, first of all, education, science, culture, public health, and informatics the sects also actively integrate in the entrepreneurship and develop close contacts with the business world, the more so because the present-day multinational corporations are increasingly acquiring features of quasi-religious entities. Commonness of basic assumptions chiefs of sects and corporation business elite use in appraising a human personality and their own ultimate goals makes sects reliable economic partners of multinational corporations. Actually, sects borrow from multinational corporations their methods of management and control of individual conscience.

Ключевые слова: оккультизм; секты; сайентология; «Нью Эйдж»; корпорационная религия; брэнд.

E-mail: olga-chetverikov@mail.ru

*О да!.. Мы понизили уровень человеческого духа!
Мы упростили его! Такой высоты, которой
достигали иногда люди прежнего человечества,
никто из наших друзей не достигнет – об этом
мы позаботимся!.. все, что мы совершили и еще
совершаем, все наши принципы, все, решительно
все, есть не что иное, как сознательное осуще-
ствление этой одной основной идеи, величайшей
из всех идей, когда-либо появившихся на земле, –
идеи упрощения духа ... кто знает, быть мо-
жет, ее могущество еще более разрастется и
расширится ... (она) станет когда-нибудь все-
ленской!..*

К.С.Мережковский

МНОГОЛИКИЙ ОБЛИК «НЬЮ ЭЙДЖ»: СЕКТЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОККУЛЬТИЗМА

Сегодня уже очевидно, что мировой финансово-экономический кризис используется глобальными элитами как механизм провоцирования глубоких социальных потрясений, в результате которых человечество, ввергнутое в хаос и напуганное призраком всеобщего насилия, должно будет само потребовать вмешательства в ход общемировых дел наднационального арбитра, наделенного диктаторскими полномочиями¹. В этом плане показательно высказывание Дэвида Рокфеллера, автора идеи о транснациональной частной власти, заявившего еще в 1994 г.: «Мы стоим на пороге глобальных перемен. **Всё, в чем мы нуждаемся, это в масштабном кризисе, и тогда народ примет новый мировой порядок** (подчеркнуто мною. – О.Ч.)»². Введение глобального управления и всеобщего наднационального контроля выдвигается в качестве главного требования и стоит в повестке дня всех последних форумов и совещаний представителей мировых элит. К созданию «мировой политической власти» призвал недавно и Папа Римский Бене-

---

¹ См.: Четверикова О. Кризис как способ построения мирового тоталитарного государства // Фонд стратегической культуры. 2009. 14 апреля // <http://fondsk.ru/article.php?id=2070>

² Basano Ch. Clearstream: les dessous politiques de la Guerre du Golfe (1991) L'affaire des fréGATE\$ devient (2006) l'affaire Clearstream qui va devenir Le KUWAIT GATE // <http://www.mondialisation.ca/index.php?context=viewArticle&code=BAS20060612&articleId=2634>

дикт XVI в своей энциклике «*Caritas In Veritate*», приуроченной к июльской встрече «большой восьмерки».

Поскольку глобализация охватывает все сферы общества, наделяя каждую из них соответствующими институциональными формами, призванными в будущем заменить традиционные учреждения, она определяет и те глубинные перемены, которые происходят в настоящее время в духовной жизни европейцев. Для того, чтобы обеспечить психологическую готовность мирового сообщества принять идею всеобщего рынка как единственно возможного и безальтернативного пути развития, необходимо религиозное обоснование нового порядка, которое заставило бы смириться с его наиболее жесткими проявлениями и разрушительными для национальных традиционных форм общежития последствиями. Это предполагает нивелирование человеческого сознания путем создания глобальной и всеохватной «последней мировой религии». Поскольку на пути ее стоят национальные религии и национальные системы ценностей, главным инструментом преодоления их разногласий становится экуменизм. Однако последний является лишь видимой формой единения церковей и остается как бы на поверхности явлений. Реально же объединить может только такое духовное течение, которому не присущи разногласия с кем-либо в силу его изначального универсализма и многообразия, делающего возможным его адаптацию к любой культуре.

Таким Гольфстримом в русле мирового религиозного течения стало движение «Нью Эйдж» (*New Age*), являющееся восприимчиком многовекового оккультизма. Оно претендует на создание последней мировой синтетической религии, призванной заменить собой христианство, на что указывает и само его название: мир живет в переломный период, когда Земля переходит в новый век, в котором утвердится новое состояние человечества. «Нью Эйдж» создает новый тип духовности, пытаясь подменить собой и религию, и науку, приспособляясь ко всему и давая каждому то, что его может удовлетворить. Сегодня оно все больше спекулирует на научном мировоззрении, тем более, что наука в наше время настолько утончила методы своего исследования, что в некоторых областях начинает сближаться с оккультизмом. Главными же чертами, делающими «Нью Эйдж» очень современным мировоззрением, созвучным требованиям времени, являются его плюралистический универсализм и глобальное мышление. Плюрализм означает отказ от понятия истины как абсолютной категории, что создает такую религиозную

перспективу, с помощью которой можно объединить все религии и расы. А глобализм – единство мира как всего живого, требующего установления соответствующего единого порядка, который воплотит идею «коллективизации» души и нивелирования личности. Как написал один из идеологов, люди станут «рябью на поверхности потока постоянно меняющегося сознания».

Основным достижением «Нью Эйдж» можно считать следующее. Те идеи, которые на протяжении веков были принадлежностью эзотерических, то есть тайных, обществ, оно превратило в экзотерические, то есть открытые для широкого распространения. Благодаря этому таким понятиям, как «всеединство», «всеобщая интеграция», «терпимость», был придан определенный **сакральный характер, который не позволяет осмысливать их в рациональных терминах** и, значит, не допускает какого-либо критического подхода к той генеральной линии развития, которую навязывают в наше время мондиалистские круги.

Утверждение всеохватной новой религии стало возможным в условиях переживаемого Европой глубокого духовного и мировоззренческого кризиса. Отход от традиционной системы ценностей и отказ от официальных оценок в пользу религиозного индивидуализма делают сознание западного человека легко манипулируемым. Однако, поскольку он воспитан на плюрализме и терпимости, воздействие оккультных идей осуществляется очень гибко, в многообразных формах, под видом распространения различных новых религиозных движений, культов и сект, активность которых в Европе в последние два десятилетия приняла угрожающий характер.

Большинство этих организаций зародилось в США в конце 50-х – начале 60-х годов, затем они перекинулись на европейский континент, став неотъемлемой частью его религиозной жизни. Самый острый характер проблема сект приняла уже в первой половине 90-х годов с началом геополитической перестройки в Европе. После падения Берлинской стены восточноевропейские страны превратились в поле для миссионерской деятельности, сюда хлынули представители всевозможных культов и движений американского происхождения, как религиозных, так и претендующих на религиозный статус. В Восточной Германии, например, в 1992 году действовало около 300 «альтернативных религий»³. Эта активность сект в Восточной Европе выявила их серьезный

---

³ Kent S. *La controverse américaine contre les Français et les Allemands à propos des*

потенциал в западноевропейских странах, где они имели уже развитые структуры. Одновременно стало очевидным и другое: новые движения обладают крупными финансовыми ресурсами и экономическими возможностями, которые используются ими для проникновения в политические структуры.

Осознание глубины и серьезности проблемы вызвало крайнюю озабоченность европейских властей. В 1992 году впервые на Парламентской ассамблее Совета Европы была высказана обеспокоенность эскалацией активности религиозных неформальных образований и опубликована специальная Рекомендация №1178 по вопросу о сектах и новых религиозных движениях. К проблеме было привлечено внимание общественности, и секты становятся объектом многочисленных и разносторонних анализов, дискуссий, в которых участвуют социологи, историки, психологи. Однако попытки выработать какую-либо определенную государственную линию в этом вопросе натолкнулись на серьезные трудности.

Для того, чтобы бороться с этим явлением на государственном уровне, необходимо было выявить критерии оценки и понятия, дать ему точное общепризнанное определение. Поскольку секты – это явление в первую очередь духовное, естественно, оно требует оценки с нравственных позиций, но это возможно только в конфессиональных обществах, где четко сформулировано понятие греха. Европейским же «либеральным стандартом» это понятие исключается: то, что раньше называли грехом, теперь рассматривают лишь как вариант социально и нравственно приемлемой нормы, тогда как нетерпимость к нравственным порокам считается отсутствием толерантности⁴.

Невозможным оказалось выработать критерии для различения новых культов и с правовой точки зрения. Господствующий здесь принцип светскости исключает возможность вмешательства государства в духовную жизнь личности, предполагая его нейтралитет и корректность в отношении любого религиозного мнения. Поэтому какие-либо попытки дать юридическое определение понятию «секта», которое могло бы служить основой для соответствующей политики, обречены на неудачу,

---

«nouvelles religions», de la scientologie et des droits de l'homme // Marburg Journal of Religion. Vol.6. №1. Janvier 2001.

⁴ *Толерантность. М.: Республика, 2004. С.203.*

так как воспринимаются нарушением грани, хранящей целостность принципа светскости.

Не меньше сложностей вызвала попытка рассмотреть это явление также с социологической точки зрения, поскольку среди социологов не существует единого понимания и видения проблемы. Трудности и дискуссии вызвала попытка дать само определение понятия «секта». Здесь так и не выработали четкого критерия для выделения сектантских движений, поскольку подходы различных авторов зависят от их общих мировоззренческих установок и политических позиций.

Как правило, в своем анализе западные социологи исходят не из нравственных или доктринальных понятий, а из формальных признаков. Достаточно большая часть социологов-религиоведов, близкая по духу многим сектантским течениям, не только относится к ним с симпатией, но фактически их поддерживает, направляя свою критику против анти-сектантских движений, которые, по их (социологов) мнению, преувеличивают опасность новых культов. Когда, например, во Франции в докладе парламентской комиссии (1995) был опубликован список вредных сект, директор Группы социологии религии и светскости Жан Боберо заявил, что публикация этого списка несовместима с реальным уважением принципа светскости⁵. В итоге «научная общественность» добилась того, что французское правительство в мае 2005 года соответствующим циркуляром потребовало пересмотреть заключение парламентских докладов о сектах, подчеркнув, что факт составления списков сект противоречит правам и свободам личности. Характерно, что в Бельгии на парламентских слушаниях о новых культах под влиянием той же «общественности» вообще отказались от составления таких списков. Против любого вмешательства государства в данную проблему выступает также Центр по изучению новых религий (CESNUR), возглавляемый итальянским социологом М.Интровинем, связанным с итальянской неонацистской сектой «Труд, семья, собственность» и являющимся активным защитником сайентологии⁶.

---

⁵ Lenoire F. *Un phénomène diabolisé ou banalisé. Controverses passionnées à propos des sectes* // *Le Monde diplomatique*. Mai 1999. P.26.

⁶ Кроме CESNUR, подобную позицию занимают также организации CAPLS (Координация ассоциаций и частных лиц за свободу совести) и CICNS (Справочно-информационный центр новых культов). Их официальные сайты: www.coordiap.com и www.cicns.net

Подобная ситуация объясняет остроту дискуссий при оценке деятельности сект и, главное, крайнюю осторожность в проведении анти-сектантской политики, характеризующейся непоследовательностью и половинчатостью принимаемых мер. Особое влияние оказывает и внешний фактор – сильнейшее давление со стороны США. В этих условиях у светского европейского общества остается только одно мерило. Как написал французский исследователь сект Ж.-П.Буке, «если бы общее поведение различных движений, называемых сегодня этим словом, не воспринималось как агрессия, не было бы никакого повода для принятия против них защитных мер и их отвержения. Таким образом, первая характеристика секты в современном смысле слова – это их вредность»⁷.

Именно данный критерий и использовался для разработки первой в Европе официальной концепции секты, которую предприняли французские власти. В 1995 и 1999 годах здесь были представлены два доклада парламентских комиссий («Секты во Франции», «Секты и деньги»), авторы которых, признав всю сложность положения и не скрывая необходимости этического выбора, взяли за основу критерий опасности, понимаемой как угроза индивидуальным свободам и общественному порядку.

В качестве главных признаков сект были выделены следующие:

- дестабилизация сознания,
- чрезмерный характер финансовых притязаний,
- навязывание разрыва с прежним окружением,
- покушение на физическое здоровье,
- вербовка детей,
- какие-либо антиобщественные высказывания,
- нарушение общественного порядка,
- привлечение к суду или следствию по серьезным обвинениям,
- утаивание доходов,
- попытка проникновения во властные структуры⁸.

---

⁷ Bousquet J.-P. *Sectes et entreprises: pratiques sectaires et activités professionnelles* //www.psyvig.com/sectes.php?page=8

⁸ *Assemblée nationale. Rapport fait au nom de la Commission d'enquête sur les sectes (document №2468) – Président: M.Alain Gest, Rapporteur: M.Jacques Guyard, Députés. Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 22 décembre 1995*//<http://aipl.free.fr/ovni/sectes.htm>

В соответствии с этим доклад дал определение секты как «группы, стремящейся путем психологической дестабилизации добиться от своих членов безусловной преданности, уменьшения критического мышления, разрыва с общепринятыми установками (этическими, научными, гражданскими, образовательными) и представляющей угрозу для индивидуальных свобод, здоровья, образования и демократических институтов»⁹.

Позже доклады о деятельности сект были подготовлены также парламентскими комиссиями в Бельгии (1997) и Германии (1998), которые за основу определения сект взяли тот же критерий¹⁰. В итоге, хотя сформулированные в докладах положения – это не юридические определения, а только концепция, признание ее уже дало основание использовать действующее законодательство для административных расследований, привлечения налоговых служб и возбуждения дел за злоупотребления и финансовые махинации, осуществляемые сектантскими организациями¹¹.

СЕКТЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: МИМИКРИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

Вплоть до конца 90-х годов численность наиболее опасных сект росла достаточно быстро, они легко находили адептов, поскольку европейское общество было еще плохо знакомо с теневыми сторонами их деятельности. Когда же они оказались в центре внимания общественности и власти стали принимать определенные меры, ситуация изменилась. Численность доминирующих, «классических» сект стабилизировалась, но европейцы столкнулись с новым, более опасным явлением.

Секты стали эволюционировать и мимикрировать, что проявилось в двух взаимосвязанных процессах, в которых со всей очевидностью сказывается ньюэйджевское влияние¹². Во-первых, движения отходят от своей специализации, границы между ними становятся менее строгими

---

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Rapport de la Commission d'enquête parlementaire belge sur les pratiques illégales des sectes – Vers une ébauche de définition – Conclusions de la commission: sectes, organisations sectaires nuisibles, associations de malfaiteurs. 28 mars 1997//www.reseauvoltaire.net/article7315.html*

¹¹ *Qu'est-ce qu'une secte?//www.psyvig.com/sectes.php?page=6*

¹² *Licht D. Les sectes sous influence «new age» // Libération. 13 janvier 2005.*

и более подвижными, что ведет к **сближению и нивелированию всех форм сектантства**, к созданию целой сети периферийных сект и филиалов, предоставляющих широчайший круг услуг и являющих собой некий «суперрынок» сектантских продуктов. Во-вторых, они становятся менее видимыми и различимыми, так как действуют скрыто и распространяются более сложным образом, выступая в качестве атомизированных групп и движений, как бы вкрапляющихся в повседневную жизнь и выступающих с различного рода микроинициативами и проектами, отвечающими потребностям «эмоциональной культуры» современного человека (спортивные праздники, концерты, фестивали, оздоровительные курсы и пр.)¹³. Это ведет к такому, на первый взгляд, парадоксальному явлению, при котором численность доминирующих сект стабилизируется, но само движение расширяется и становится все менее контролируемым. Оно приспосабливается, видоизменяет свою деятельность, и для поверхностного наблюдателя его губительные последствия проявляются далеко не сразу.

Некоторые исследователи «Нью Эйдж», например, утверждали, что с 1997 года начался спад его популярности¹⁴. Однако речь идет о чисто внешних, формальных показателях. Что же касается восприятия самих эзотерических и оккультных идей, то процесс этот углубляется. То, что сегодня происходит в сфере духовной жизни Запада, можно выразить девизом **«Оккультизм – в массы!»** Оккультно-сектантские идеи и понятия перестают восприниматься как нечто чуждое или скандальное, превращаясь в набор стандартных мыслей. Общество становится все менее разборчивым, активно заимствуя и интегрируя и язык, и способ мышления оккультного сектантства, **относясь к ним как к норме**. Например, слова «аура», «космическое мышление», «структурирование пространства», «глобальное измерение» и многие прочие из лексики «Нью Эйдж» и других сектантских движений становятся совершенно привычными и широко употребляемыми. Почти повсеместно оккультные идеи присутствуют в массовой культуре, в музыке и особенно ки-

---

¹³ *Chambre des représentants de Belgique. Rapport fait au nom du groupe de travail chargé d'assurer le suivi des recommandations de la Commission d'enquête parlementaire «Sectes» par M. Jean-Pierre Malmendier (Document 51 2357/001). 23 mars 2006.*

¹⁴ *Introvigne M. Le New Age des origins à nos jours. Courants, mouvements, personnalités. Dervy, 2005. P.13.*

ноиндустрии. К ньюэйджевским фильмам, например, причисляют «Звездные войны», «Бэтмен», «Полтергейст», «Индиана Джонс» и др.

В рамках одной секты и раньше присутствовали компоненты разных учений, но теперь моделью становится такое движение, которое позволяет интегрировать максимум различных идей. Как пишет Б.Шарль, сторонники сект «"выклеивают" справа и слева свои верования... сектантские идеи потребляют и меняют с такой же легкостью, с какой пользуются дистанционным переключателем телевизора»¹⁵. Отсюда рост значения движений «ассоциативного» типа, которые и осуществляют в наши дни особенно интенсивную экспансию.

В первую очередь речь идет об апокалиптических сектах, связанных с «Нью Эйдж», уфологических движениях, различных целительских организациях, проникающих в сферу традиционной медицины и фармакологии. Среди молодежи растет влияние сатанизма, который тоже меняет маски¹⁶. От стадии символической он переходит к активной практике, сливаясь с экстремистскими религиозными и политическими движениями: растет число осквернений и надругательств, черных месс, человеческих жертвоприношений, самоубийств. По словам французского исследователя П.Ариеса, различные течения современного сатанизма «стремятся к объединению, как будто и сатанизм должен глобализироваться и мондиализироваться»¹⁷. Он является «совершенно очевидно симптомом ультралиберальной идеологии. Это не рак в здоровом организме, а метастаза больного общества». Идеи сатанизма активно пропагандируются через Интернет, их распространяют эстрадные и рок-звезды, артисты и режиссеры, журналисты и философы. Важнейшую роль играет музыка «тяжелого металла», представители которой¹⁸ отчетливо проводят в своих песнях темы самоубийства и ритуального убийства с расчленением.

¹⁵ Charles B. *Comment le phénomène sectaire se banalise*/www.psyvig.com/sectes.php?page=9

¹⁶ Идеиные основы сатанизма были заложены англичанином Алистером Кроули, а массовость и масштаб движению придал американец Энтони Лавэй, автор «Сатанинской библии», учредивший в США «Церковь бога Сатаны», превратив ее в разновидность шоу-бизнеса.

¹⁷ *Présentation. Satanisme et vampyrisme. Le livre noir*/www.prevensesectes.com/aries2.htm

¹⁸ Например, «Slayer» – «Убийца» или «KISS» – аббревиатура слов «Ребята на службе сатаны».

На подобные тенденции в развитии сектантского движения было, в частности, указано в последнем докладе французской Межминистерской миссии по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями (*Miviludes*), представленном премьер-министру Франции в конце 2007 года. Здесь отмечалось, что в настоящее время секты проявляют наибольшую активность в сфере психологической подготовки, психоанализа, а также «многоуровневой торговли», вовлекающей адептов в продажу товаров первой необходимости через сетевую систему. Особое внимание было уделено росту сатанизма, в который вовлечено сегодня более 25 тысяч французов, главным образом молодежь до 21 года, вдохновляющаяся нацистской идеологией, а также кельтскими и нордическими мифами¹⁹.

Важным следствием указанных перемен стало и изменение контингента вступающих в секты. 30 лет назад они вербовали своих сторонников среди молодежи и подростков, стремившихся к жизни в общине, объединяющей людей на основе идей единства и братства, а в 80-х – начале 90-х годов обращались к людям среднего возраста, пребывающих в поисках собственного «я». Теперь же они активно вовлекают людей пожилых, которым крайне трудно приспособиться к новым социальным условиям. Многие из них разочарованы в жизни и стремятся к успокоению, либо ищут возможности избавиться от тех или иных недугов, перед которыми бессильна традиционная медицина. Среди привилегированных потенциальных клиентов и адептов сект – безработные и иммигранты. В отношении первых, например, разрабатывает специальные программы Партия гуманистов, созданная сектой «Транснациональная медитация», а «Свидетели Иеговы» очень активны среди мигрантов из Магриба.

Происходит приспособление сект и на уровне организационном. Главная задача, которую они преследуют, создавая свои структуры, заключается в достижении полной неуязвимости. Отсюда их характерные черты: **крайняя гибкость, мобильность, способность удивительно легко трансформироваться, маскируясь под различного рода нейтральные организации.** В случае необходимости они могут быстро провести реорганизацию, поменять вид деятельности, адрес и название,

---

¹⁹ Aridj J. *Ce rapport qui dénonce les nouvelles pratiques des sectes* // <http://www.lepoint.fr/actualites-societe/2008-04-03/ce-rapport-qui-denonce-les-nouvelles-pratiques-des-sectes/920/0/234857>

перебазироваться в те страны, где их не преследуют. При этом главные их структуры носят абсолютно закрытый, непроницаемый характер. Достигается это путем создания двухуровневой организации: на поверхности мы видим ассоциации, преследующие эзотерические или культовые цели, а за ними скрывается теневая сеть, занятая деятельностью совсем иного рода. Главная задача при этом – добиться публичного признания для внешних структур и обеспечить тайный характер деятельности для теневой сети.

Как правило, секты имеют пирамидальное строение, позволяющее узкому слою элиты и гуру сконцентрировать всю власть в своих руках. Между верхушкой и рядовыми адептами существует несколько уровней посредников, число которых сокращается по мере продвижения наверх. Различные уровни находятся в сложных отношениях зависимости, определяющих распределение функций, знаний и власти. Такая система гарантирует создание эффективных «фильтров», ограничивающих доступ к элите и ограждающих ее от основания организма. Это общая схема, не исключаящая, конечно, организационного своеобразия.

Одной из главных организационных опор сект является то, что они представляют собой транснациональную систему, предполагающую наличие «материнской секты» за рубежом и национальных филиалов на местах. Национальный филиал представляет собой единый организм, состоящий, как правило, из трех ветвей. Одна занимается распространением учения; другая объединяет организации, носящие экономический характер; а третья отвечает за недвижимое имущество и состоит из юридических лиц, которые обеспечивают юридическую поддержку вложениям в недвижимость.

Подавляющее большинство сект имеет свой зарубежный центр

- в США (сайентологи, «Свидетели Иеговы», «Семья», мормоны и др.),
- остальные –
- в Японии (секта Аун Сенри-ке, Сока Гаккай, Махикари),
  - в Индии («Общество сознания Кришны», Сахая Йога),
  - в Бразилии (Всеобщая церковь Царства Божия),
  - в Аргентине («Новый Акрополь»),
  - в Австрии (Антропософия),
  - во Франции (Гуманистическое движение, Движение разлитов),
  - в Дании («Хумана-Гвинд»),
  - в Люксембурге («Ангел Альберт»).

Зарубежный центр поддерживает юридические и финансовые связи со своими европейскими филиалами, осуществляет передачу средств для приобретения недвижимости и других целей.

Некоторые исследователи считают, что наличие общих характеристик в организационной структуре сект и удивительная согласованность их действий по некоторым вопросам позволяют признать наличие определенной межсектантской структуры. Существует много примеров сотрудничества между сектами, более того, некоторые организации, формально с ними не связанные, открыто выполняют функции координаторов²⁰. Так, ранее упоминавшийся Центр по изучению новых религий (CESNUR) уже несколько лет используется как трибуна для защиты сектантских движений. С 1996 года эту функцию также взяла на себя новая ассоциация «Омниум индивидуальных свобод и ассоциативных ценностей».

Вместе с тем секты объединяются и формально. В 1992 году по инициативе сайентологов, секты Муна и Движения раэлитов была создана Международная федерация религий и философских меньшинств (МФРФМ). Это своеобразный «картель сект», поставивший задачу объединить различные «новые религиозные движения» и «обеспечить защиту свободы совести и религии в борьбе за уважение прав человека и против несправедливостей, нетерпимости и любой формы дискриминации»²¹. Устав МФРФМ предусматривает создание Комитета по этике, который давал бы оценку фактам дискриминации и предлагал соответствующие рекомендации.

Следующий важнейший аспект деятельности сект – финансово-экономический. В этой сфере они добились за последние годы наибольших успехов. Коммерческая сторона сектантства все больше выходит на первый план, заслоняя собой религиозное начало. Поэтому, например, еще во французском докладе парламентской комиссии «Секты и деньги» (1999) было сказано, что **эта тенденция выражает суть современной эволюции сект**. Крупные секты обладают такими финансо-

---

²⁰ *Assemblée nationale. Rapport fait au nom de la Commission d'enquête sur la situation financière, patrimoniale et fiscale des sectes, ainsi que leurs activités économiques et leurs relations avec milieux économiques et financiers (document №1687). Président: M. Jacques Guyard, Rapporteur: M. Jean-Pierre Brard. Députés. Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 10 juin 1999/www.assemblee-nationale.fr/dossiers/sectes/r1687pl.asp*

²¹ *La FIREHIM/www.prevenects.com/firephm.htm*

выми, юридическими и коммуникационными структурами и средствами, которые превосходят возможности отдельных государств. Например, бюджет сайентологов сравним сегодня с бюджетом стран Бенилюкса. Базовый капитал мормонов превышает 30 млрд. долл.²² При этом надо подчеркнуть, что экономический и финансовый масштаб их деятельности представляется наиболее сложным для исследования вопросом, поскольку закрытый характер, большая гибкость и подвижность организаций делают их коммерческую сеть крайне запутанной.

Доходы организаций имеют различные источники. В первую очередь, они складываются из пожертвований, которые могут быть добровольными или обязательными. Например, пожертвования во французское подразделение «Свидетелей Иеговы» в 1997–1998 годах достигли 13 млн. евро. Часто под видом пожертвований собираются обязательные взносы или принимается плата за раздаваемую продукцию. У разлитов, чтобы стать членом организации, надо заплатить сумму, составляющую 7% от доходов их членов, а для зачисления в «мировое правительство» – 10%²³. Члены секты мормонов также обязаны платить 10% (десятину) от своего дохода, а вместе с другими сборами – 27%. Часто в сектах (у иеговистов и кришнаитов) используется принцип взаимности – дар на дар, когда член секты в случае подарка обязан отдать больше, чем этот подарок стоит. Такая система часто помогает скрыть от налоговых служб доходный характер их ассоциаций. По мнению специалистов, секты могут использоваться и как «прачечные» по отмыванию грязных денег.

Другой важный источник – предпринимательская деятельность, создание широкой сети различного рода товаров и услуг (чтение лекций, проведение семинаров, организация курсов). Секты имеют свои издательские базы (религиозная литература, учебные пособия), фармацевтические предприятия (парамедикаменты), предприятия по производству продуктов питания (биодобавки), турагентства для проведения «паломнических» поездок и пр. Антропософы имеют многочисленные платные школы, сайентологи – развитую сеть книжных магазинов. Причем тут складывается своеобразная система. Во-первых, предприятия эти могут работать автаркично, так как сами члены секты и обеспечивают им рынок сбыта, а увеличение числа последователей делает более доходным

²² Русский предприниматель. 2002. 15 июля //www.sedmitza.ru/index.html?sid=90&did=1607

²³ *Assemblée nationale. Rapport... (document №1687).*

их бизнес. Во-вторых, и это характерно только для сект, здесь существует уникальная возможность снижения издержек производства – использование бесплатной рабочей силы адептов. Члены сект работают на общественных началах, в пользу предприятий в счет уплаты за курсы, стажировки и пр. В издательских центрах «Свидетелей Иеговы», например, работники не получают зарплаты и не рассматриваются как наемные рабочие, они получают только карманные деньги. Фактически речь идет о форме добровольного рабства, основанного на манипулировании сознанием. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Секты обладают крупными коммерческими структурами в промышленной, банковской, страховой, гостиничной и других сферах. Например, во Франции глава секты «Патриарх» (Дианова) создал настоящую экономическую империю, состоящую из многочисленных коммерческих обществ, принадлежащих его ассоциации, и сети ресторанов быстрого питания (*SA New Lunch*). Секте принадлежит холдинг социального и финансового участия (СОПАСОФИЕ), капитал которого достигал в 1999 году 10 млн. франков. Мормоны владеют здесь акциями сетей супермаркетов, газет, радиостанциями. Предпринимательская сеть Антропософии также включает в себя две финансовые структуры: ассоциацию «Новая братская экономика», созданную в целях развития «отношений экономической и финансовой взаимопомощи», и акционерное общество «Финансовое общество новой братской экономики». Секта «Трансцендентальная медитация» Махариши Йога с октября 2002 года выпустила в Нидерландах собственную монету «раам мудра» в количестве, эквивалентном 100 млн. евро. За 1 раам дают 10 евро. Самое интересное, что финансовые власти страны в отношении этого не предприняли никаких мер²⁴.

Коммерческая деятельность позволяет сектам создавать большие имущественные состояния. Кроме промышленного и торгового капитала, они обладают крупной недвижимостью. Она приобретается сектами через строительные компании или фирмы по управлению и торговле зданиями, которые принадлежат ей непосредственно или через подставных лиц. Это также один из способов по отмыванию денег, полученных в качестве пожертвований. Как правило, секты покупают старинные

---

²⁴ *Le Soir*. 4 février 2003.

особняки, замки, крупные здания, представляющие историческую ценность²⁵.

Деятельность сект часто связана с крупными финансовыми махинациями, но привлечь их к ответственности трудно. Так как это организации транснациональные, в случае их разоблачения или каких-либо проблем в связи с неуплатой налогов, они объявляют свои предприятия банкротом и перебазировываются, переводя свои производственные мощности в другие страны с менее строгим трудовым и налоговым законодательством, или просто сбегают, меняют место жительства, открываясь под другим названием. Те же иеговисты, например, после разоблачения их мошеннической деятельности во Франции в конце 90-х годов перевели свою издательскую базу в Ирландию, страну с более либеральными законами о трудовой деятельности и с большей общественной свободой.

Итак, развитые организационные и финансовые структуры позволяют сектам оказывать растущее влияние на различные общественные процессы. Однако одна из их главнейших задач заключается в том, чтобы добиться публичного признания и получения либо статуса некоммерческой организации, либо статуса религии. Статус религиозной ассоциации обеспечивает как налоговые льготы и преимущества, так и более благоприятные условия для распространения своих взглядов. Используя двухуровневый принцип организации своей деятельности, секты стремятся выставить на первый план свою «культовую витрину» (то есть религиозные структуры), оставляя в тени коммерцию. В последние годы некоторые организации специально для этого переписывают свои уставы, а при создании новых структур стараются вообще убрать какие-либо ссылки на старые названия своих организаций. Руководители сект редко появляются в списке руководителей своих структур, прибегая к подставным лицам.

Некоторые сектантские движения, которые изначально отрицали свой религиозный характер, пытаются использовать законодательство о политических организациях, поскольку этот статус также дает им публичное признание, трибуну и финансовые преимущества. Так, «Трансцендентальная медитация» создала на своей основе политические партии в 35 странах под общим названием «Партия естественного закона»

---

²⁵ Fournier A., Picard C. *Sectes, démocratie et mondialisation*. Presses Universitaires de France, 2002. P.36.

(первая из них была образована в Великобритании в 1991 году)²⁶. Партии участвуют в выборах на всех уровнях – муниципальных, парламентских и общеевропейских. И «Гуманистическое движение» создало свою «Партию гуманистов», которая использует также название «Зеленая партия», выдавая себя за экологическую.

Что касается статуса религии, то это требование вытекает из глобальной стратегии сект. Большинство из них называют себя «новыми религиозными движениями» либо самовольно присваивают себе статус религии. Уже указывалось, что неопределенное положение с терминами вносит путаницу и создает для сект выгодное положение, поскольку позволяет им выставлять себя в качестве жертв религиозной дискриминации. Причем они находят достаточно сторонников и сочувствующих в интеллектуальной среде, среди юристов, университетских работников, социологов-религиоведов, и, что очень важно, соответствующую поддержку со стороны правящих кругов США.

НОВАЯ ТЕХНИКА УПРАВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ: ОПЫТ ДЛЯ КОРПОРАЦИОННЫХ СТРУКТУР

Чрезвычайная активизация сектантского движения в последние годы заставила серьезных исследователей сконцентрировать свое внимание уже не на внешней стороне их деятельности и ее вредных последствиях, а на глубинных причинах самого явления. И главный вопрос, который представляется здесь кардинально важным, заключается в следующем. Каким образом и почему современные религиозно-окультные организации, тоталитарные по своей природе, находят себе самую благоприятную почву в условиях либерализованной экономики, главным идеологическим постулатом которой является жесткий индивидуализм? И почему опыт сект оказывается таким привлекательным для управленческих структур ТНК? Ответ на эти вопросы предполагает переход анализа на духовный уровень рассматриваемого явления, поскольку только он дает возможность установить **общность исходных посылок в оценке человеческой личности и конечных целей у оккультного руководства сектантства и корпоративной бизнес-элиты**. Именно это дало основание исследователям назвать

---

²⁶ *Les sectes face à la République //teamalaide.free.fr/dossier_sectes.htm*

секту «лабораторией управления будущего» – термином, примененным впервые П.Ариесом в отношении сайентологии²⁷.

Проблема полного контроля за сознанием в настоящее время приобретает ключевое значение для бизнес-элит. Если раньше они удовлетворяли материальные потребности общества путем подстраивания под вкусы потребителя, то сегодня для обеспечения бесперебойной работы потребительского конвейера им необходимо управлять его сознанием в целях формирования все новых и новых искусственных потребностей, как материальных, так и интеллектуальных. От этого зависит успех и выживание фирмы. Рынок формирует ценностную систему человека, превращая его в простой механизм по потреблению, отсекая все, что может возвысить до понимания всей ущербности подобного положения. Буквально всем явлениям жизни и культуры глобализация стремится придать товарную, а значит отчуждаемую форму меновой стоимости. И рожденный на заре капитализма «экономический человек» сегодня, в условиях приближающегося завершения процесса отчуждения всех ценностей и перевода их на язык обмена, выступает «в качестве нового тоталитариста, по сравнению с которым прежние тоталитарные типы выглядят приготовишками»²⁸.

Информационная революция предоставляет в этом плане неограниченные возможности. Современные информационные и компьютерные технологии, превращая сознание в главный объект своего воздействия, являются в руках заказчиков прекрасным средством формирования такого восприятия действительности, которое полностью отвечает их интересам. Подвергаемый концентрируемому воздействию этих технологий человек становится управляемым и соотносит себя уже не с реальностью, а с внедренными в его сознание ценностями. «Информационные технологии впервые сделали воздействие на сознание качественно более эффективным, чем на неживую природу, не только с точки зрения физических результатов, но и с точки зрения результатов коммерческих: воздействие на сознание начало приносить колоссальную прибыль. Это автоматически расширило сферу их регулярного применения... на все стороны повседневной жизни человеческого общества. Наиболее наглядное проявление этого – мировой бум такой специфиче-

---

²⁷ Ariès P. *La Scientologie: laboratoire du future? Les secrets d'une machine infernale*. Éditions Golias, 1998. P.10.

²⁸ Панарин А.С. *Искушение глобализмом*. М.: Русский Национальный Фонд, 2000. С.123.

ской отрасли, как *public relations*. От рекламы, подгоняющей товар под вкусы клиента, "пиар" отличается тем, что, наоборот, подгоняет предпочтения клиента под уже имеющийся товар, то есть, как и пропаганда, занимается формированием общественного сознания»²⁹.

В этих условиях опыт современных сект – с их жрецами-бизнесменами, воспроизводящими древние магические способы и технику управления людьми, – оказывается крайне актуальным и представляется наиболее ценным для корпорационной элиты. Что же именно представляет для нее здесь наибольший интерес?

Во-первых, методы изоляции и полной привязки к «семье». Секта позиционирует себя как общество «избранных», поэтому ее главная характеристика – это внесистемность, противопоставление себя реальной социальной среде и ее системе ценностей. Пользуясь тем, что современное общество с его размытостью нравственно-ценностных понятий предполагает различное понимание категорий добра и зла, секта претендует на создание нового эталона морали, соответствующего «чистому» образу жизни. Мораль эта формулируется главой секты (гуру), который, паразитируя на религиозном миропонимании, осуществляет тайное духовное, психическое и информационное насилие над личностью. Подчиняясь гуру как носителю высшего сакрального знания, адепт лишается собственной воли, превращается фактически в биоробота или зомби, запрограммированного на беспрекословное подчинение любым приказам руководства³⁰.

Во-вторых, внутри самого культового общества «избранных», в силу существования абсолютного духовного лидера и авторитета (гуру) и отбираемой им олигархии, происходит четкое разделение на элиту и подчиняющихся ей адептов, то есть на высших и низших. Полное спасение могут купить высшие, то есть богатые, а низшие попадают в тотальное рабство. Эта система оправдывает богатство, поскольку используется оно для «спасения». Те, кто средств не имеет, утешаются тем, что приобретают «спасение» в результате беспрекословного подчинения и интенсивного труда. Поскольку духовная власть означает абсолютное смирение, согласие и покорность, элита получает в свое распоряжение

---

²⁹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М.: ИНФРА-М, 2000. С.57.

³⁰ Кривельская Н.В. Причины распространения в России деструктивных религиозных организаций. Информационно-психологическое воздействие на человека // Миссионерское обозрение. 1997. №4 // www.geocities.com/Athens/Cyprus/6460/mreview/4-99.html

дешевую и послушную рабочую силу, которая никогда не поставит под вопрос справедливость данного положения, так как просто лишена собственной воли и способности к критическому мышлению. Возможности сект здесь тем более велики, что они, как уже указывалось, являются внесистемными, внеправовыми структурами, не подчиняющимися общепринятым нормам поведения, так как вся исполнительная, законодательная и судебная власть концентрируется в руках руководства. Оно устанавливает собственные нормы, правила жизни, труда, не опасаясь столкнуться с какими-либо протестами; ведь адепты не борются за повышение зарплаты, улучшение условий труда, они не выставляют вообще никаких социальных требований. Это самые исполнительные работники. Именно в силу своей закрытости секта может производить различного рода психологические эксперименты, заниматься разработкой тех научных исследований, которые не согласуются с медицинской этикой, как это делает, например, секта разлитов в области клонирования³¹.

В-третьих, секта не приемлет дух коллективизма и солидарности, поощряя среди адептов индивидуализм и соперничество. Это кажется парадоксом, так как секта представляет собой сплоченный коллектив, единую «семью», живущую внутригрупповыми ценностями. Но в tomto и дело, что главный мотив жизнедеятельности в секте – это чувство избранности, которую адепт может подтвердить (и подтверждает каждый день) только полностью подчиняясь и выполняя волю своего гуру, так как в секте не существует горизонтальных связей, а только вертикальные – адепт и лидер. При этом гуру всегда прав, и если адепт в чем-то не добивается успехов, то это на его личной совести. Адепты как бы постоянно соревнуются между собой в проявлении верности, доказывая свою избранность. Отсюда подозрительность «братьев» и «сестер» в отношении друг друга, постоянная слежка и доносительство, совершенно чуждые тому чувству братства и любви, которое определяют жизнь в христианской общине. Однако чисто внешне все это выглядит крайне благородно. Например, в одной из книг, изданной сайентологами, социолог Режи Дериккебур, характеризуя их мировоззрение, пишет следующее: «Применяемая религиозная философия воспроизводит ценности и идеалы либерального общества: индивидуальный успех, морализация конкуренции между людьми, с целью избежания одичания, ут-

---

³¹ Fournier A., Picard C. *Op. cit.* P.21.

верждение влияния экономики, науки и техники, обеспечивающих благосостояние, вера в постоянный прогресс цивилизации...»³².

Таким образом, секту можно определить как **духовную бизнес-корпорацию или теократическое предприятие, в котором бизнес осуществляет тотальную духовную власть**. Но такие же цели ставят перед собой корпоративные элиты. Как указывал А.С.Панарин, «современный опыт американизации мира свидетельствует... о том, что олигархия прямо претендует на теократические функции, вынося безапелляционные суждения в области морали, культуры и веры. При этом авторитарный олигархический дискурс, касающийся высших измерений человеческого бытия, обретает характер беззащитной "игры на понижение", развенчания и осквернения святынь»³³. Все сферы жизни человека она подвергает исключительно коммерческому измерению, отвергая все, что сохраняет «некоммерческое воодушевление». В свою очередь, все коммерческие понятия – прибыль, рынок – сакрализуются, а главные агенты экономической власти – менеджеры – превращаются в харизматических, духовных лидеров – гуру.

Действительно, **современные транснациональные компании все больше приобретают черты квазирелигиозных обществ**. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с современной литературой по менеджменту, маркетингу и рекламе. Наиболее показательна в этом отношении книга «Корпоративная религия», написанная шведским предпринимателем Йеспером Кунде. В этой книге вся деятельность современной передовой компании, нацеленная на достижение сильных рыночных позиций, описана исключительно в религиозных терминах, призванных обосновать новую религию – религию брэнда³⁴. Логика автора такова. В сегодняшних условиях, когда на рынке «все есть и всего ужасно много», уже недостаточно предложить товар, необходимо «создать образ товара». А образ товара означает образ компании, все то, что она собой представляет. Привлекательное описание «личности компании» – это и есть ее религия, которую создают ее посланники – менеджеры. То есть покупатели приобретают не просто товар, а идею,

---

³² Цит. по: Ariès P. *Op. cit.* P.14.

³³ Панарин А.С. *Указ. соч.* С.116–117.

³⁴ Кунде Й. *Корпоративная религия. Создание сильной компании с яркой индивидуальностью и корпоративной душой. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.*

определенные отношения³⁵. На примере таких процветающих фирм, как *IBM, Microsoft, Coca-Cola, Nike*, автор показывает, что только иррационализация отношений между компанией и покупателем может обеспечить ее успех. «Наш выбор все более зависит от веры. Именно вкус и вера в превосходство брэнда становятся определяющими». «Брэнды станут религиями, и люди, являющиеся воплощением собственных брэндов, сами станут религиями»³⁶, типичным примером чего стала личность Билла Гейтса, «религиозного вождя рынка и компании». Таким образом, воздействуя именно на иррациональные стороны сознания, на подсознание покупателя, компания накрепко привязывает его к себе. А это и есть манипулирование сознанием. Показательно в этом плане, что первоначальный смысл английского слова *brand* – это «выжигать клеймо», «оставлять отпечаток в памяти».

«Целью корпоративной религии, – пишет Й.Кунде, – является усиление и объединение компании, независимо от рынка. Таким образом, корпоративная религия – это целостная концепция, согласно которой компания выбирает "духовный" менеджмент... Что способствует успеху, так это философия компании, отчетливо сформулированная "духовным" руководством. Именно она побуждает покупателей заинтересоваться качественными, эмоциональными ценностями брэндов. Быстро приближается время, когда появится новое правило – никаких правил. Компании создадут собственные правила через свою философию – свою религию. Религия сплотит компанию вокруг единого видения, миссии и системы»³⁷.

Фактически о том же повествуют в своих книгах – «методических пособиях» – и другие специалисты по менеджменту. Например, автор книги «Кульг брэндов: как сделать покупателя единомышленником» Дуглас Аткин постоянно ссылается на опыт сектантских культов, давая в итоге определение брэнда, напоминающее определение секты. Говоря о брэнде как о «торговой марке, в отношении которой группа потреби-

³⁵ А.С.Панарин в связи с этим пишет: «По некоторым данным, сегодня около 82% рыночной стоимости корпорации составляет ее репутация. Следовательно, организуя через средства массовой информации и другие каналы соответствующие потоки информации, можно, меняя имидж корпорации в ту или иную сторону, решающим образом влиять на ее рыночную стоимость» (Панарин А.С. Указ. соч. С.312).

³⁶ Кунде Й. Указ. соч. С.23.

³⁷ Там же. С.23.

телей выражает сильную преданность и приверженность», он указывает: «...такая группа представляет собой четко ограниченное, преданное сообщество с мировоззрением, отличающимся от общепринятого. Она испытывает исключительную (то есть не разделяемую с другими группами) приверженность, а ее члены на добровольной основе часто становятся активистами и пропагандистами предмета своего почитания»³⁸. Рассказывая, например, о деятельности компьютерной фирмы «Эпл», автор пишет: «"Эпл" построила на зависть сильное сообщество, "основанное на определенном способе мышления". Члены торговой марки "Эпл" (а они в действительности считают себя членами, а не просто покупателями) охарактеризовали бы себя как людей, имеющих другое отношение к жизни, они согласуют его с "Эпл" и другими покупателями этого брэнда... "Эпл" очень умело усилила чувства, связанные с парадоксом культа, чтобы придать своему брэнду статус культового: отчуждение и неприятие, за которыми следует высокая оценка, подготавливающая почву для самореализации»³⁹.

Таким образом, **компания предстает как теократическая корпорация, в которой менеджер становится ключевой фигурой, превращаясь в религиозного лидера.** А ведь речь идет о завершенном типе «экономического человека», назначение которого – бороться «с рудиментами или рецидивами некоммерческого подхода к миру»⁴⁰, со всем тем, что не сулит прибыли. Еще в начале XX века В.Зомбарт, анализируя психику «экономического человека», сравнил ее с психикой ребенка в том смысле, что она крайне упрощает душевные явления, давая оценки, которые «представляют собой необыкновенное сведение всех духовных процессов к их простейшим элементам»⁴¹. Среди свойственного этой психике комплекса ценностей он выделил 4 элемента: чувственная величина (количественная оценка), быстрое движение (скорость), новое и чувство могущества. С тех пор идеалы не изменились, но методы отстаивания их в условиях глобализации приняли очень жесткие формы.

---

³⁸ Аткин Д. *Культ брэндов: как сделать покупателя единомышленником*. М.: АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2005. С.19.

³⁹ Там же. С.32–33.

⁴⁰ Панарин А.С. *Указ. соч.* С.119.

⁴¹ Зомбарт В. *Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. М.: Наука, 1994. С.134.

Менеджер сегодня – это воин, это «крестоносец экономической войны»⁴². Не случайно во многих фирмах на семинарах по подготовке менеджеров сегодня проверяют и их физическую форму. Одна публикация, например, сообщала, что в одной из крупных фирм, специализирующейся в области рекламы, главным стал лозунг «будь киллером», и, чтобы доказать свою способность «не впадать в эмоции», менеджер-стажер должен был убить кошку⁴³. Достаточно подробно о новой стратегии современных менеджеров рассказывается в книге Иoaхима Бюшкена с весьма откровенным названием⁴⁴. Здесь впервые систематически излагаются методы привязки постоянных клиентов к конкретному брэнду, представляющие собой мощное оружие конкурентной борьбы и повышения капитализации бизнеса за счет более качественной клиентской базы.

Миссия сегодняшнего «крестоносца» – обеспечить победу на рынке в условиях жесточайшей конкуренции, превратив компанию в замкнутый организм с абсолютно послушным и преданным персоналом, который никогда не пойдет на предъявление социальных требований и не позволит никакой критики руководства. Методы управления компаний все более напоминают сектантские, при которых персонал находится под постоянным контролем, должен всегда пребывать в распоряжении руководства и быть готовым к выполнению любого поручения. Наиболее востребованным оказывается специфический инструментарий сект, направленный на достижение добровольного согласия работника на подчинение.

Примером соответствующей обработки сознания является применение нейролингвистического программирования (НЛП) и транзактного анализа, которые являются формами реализации схемы скрытого управления. Использование техник НЛП (а они очень многочисленны – от гуманистической психотерапии до приемов латиноамериканских колдунов)⁴⁵ позволяет менеджменту моделировать таким образом ментальные и поведенческие стратегии работников, что какие-либо критические

⁴² Fournier A., Picard C. *Op. cit.* P.55.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ См.: Бюшкен И. *Возьми клиента в заложники: как это делается.* М.: ИД «Секрет фирмы», 2006.

⁴⁵ Шейнов В.П. *Психотехнология влияния. Технология скрытого управления людьми.* М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С.208.

мысли в отношении компании исключаются. Прошедший школу НЛП или трансактного анализа убежден, что руководство предприятия всегда право, а если возникают какие-либо проблемы, то вину за них несет сам работник и только от него зависит возможность исправить ситуацию. Он ответствен и за свое профессиональное поражение, и за успех. Эксплуатация рассматривается персоналом как совершенно естественная, а выдвигать какие-либо претензии считается не только недопустимым, но и ненормальным. Покорности добиваются путем ее добровольного принятия.

Установка на достижение личного успеха, исчезновение понятия коллективной ответственности, поощрение соперничества между работниками – все это в целом ведет к их разьединению, препятствуя возможности проявления какой-либо солидарности для отстаивания социальных прав. В фирме выстраивается уже знакомая нам система вертикальных связей, обеспечивающая жесткую дисциплину. Утверждению этого нового порядка отношений способствует изменение самих условий и форм организации труда. Крупные рабочие коллективы исчезают, растет число частично занятых, временных работников, не охваченных профсоюзами и работающих по соглашению, что крайне ограничивает их контакты. Узкоспециализированное образование также делает работников неспособными осознать общий контекст их эксплуатации. Руководство компаний постоянно меняет способы повышения производительности труда, усиливая соперничество между различными подразделениями и службами, что делает невозможным традиционные формы борьбы и сопротивления.

Таким образом, поскольку данные тенденции общественного развития в последнее время усиливаются, опыт сект становится все более востребованным. И в то время, как европейское общественное мнение убеждено, что сектанство – это глубоко чуждое современности явление, реальное положение оказывается совсем иным. Как пишут А.Фурнье и К.Пикар, деятельность сект – это «главным образом и в первую очередь эксперимент на живом организме, который идет до конца в своих методах и приемах, интересующих весь глобализированный экономический мир», и этот эксперимент соответственно позволяет корпорациям признать секты в качестве своих экономических партнеров⁴⁶.

---

⁴⁶ Fournier A., C.Picard. *Op. cit.* P.27.

СИСТЕМА ПРОНИКНОВЕНИЯ И ЛОББИРОВАНИЯ

Используя созданные ими структуры, секты добиваются сегодня проникновения во все сферы общественно-политической и экономической жизни, создавая как бы **параллельное сетевое общество**. В первую очередь, они устремляются туда, где формируются основные ценности и определяется совокупный уклад жизни народа, – образование, наука, культура, информатика, здравоохранение. Далее, они активно интегрируются в предпринимательскую среду, вступая в контакт с деловым миром, который заимствует и распространяет их методы и приемы. Благодаря этому секты утверждаются как организации профессионально узаконенные, «маркированные» (то есть обладающие профессиональной этикеткой). И, наконец, идет целенаправленная вербовка политических деятелей, через которых осуществляется лоббирование интересов сект, проникновение их на уровень властных институтов.

Образование и культура являются одной из главной сфер проникновения сектантства, так как именно здесь складывается мировоззрение личности. Последние тенденции мирового развития превращают и этот сектор в рынок частных структур, сокращая государственный контроль и предоставляя сектам самые широкие возможности. То же происходит в сфере коммуникаций. Если пока еще нельзя говорить об общем едином фронте, создающемся в соответствии с единой стратегией и обладающем объединенным штабом, то совершенно определенно можно утверждать, что происходит взаимопроникновение крупных сектантских образований и коммуникационных консорциумов, будь они носители (как информационная индустрия) или производители (как индустрия кино) предметов коммуникации. Секты заняты финансированием и спонсированием нужных им и пользующихся большим влиянием на общественность культурных проектов, спортивных мероприятий, научных конференций. В сфере здравоохранения сектантство заменяет традиционную медицину, а их излюбленным занятием является психотерапия и психобиогенеалогия. Отсутствие регламентирования профессиональной деятельности психиатров крайне упрощает их работу, а поскольку число нуждающихся в психиатрической помощи растет, поле деятельности их расширяется.

Однако привилегированной целью сектантских движений являются предприятия крупных корпораций, где сосредоточены и финансы, и

рабочая сила. Они представляют особый интерес не только в силу экономических, но и иных причин. Во-первых, через выявление работников, потенциально полезных с точки зрения их функций, секты приобретают возможность проникать на стратегические объекты (такие как атомные электростанции, закрытые центры научных исследований), получая доступ и овладевая секретной информацией. Во-вторых, осуществляемый таким образом экономический шпионаж может представлять разменную монету при поиске могущественных союзников, уязвимых для шантажа. В-третьих, тайное участие в лобби приносит им ценную информацию о состоянии умов руководства некоторых корпораций и дает дополнительные средства для диалога с политической властью⁴⁷.

Проникновение на предприятия осуществляется с помощью различных способов. Самый распространенный и эффективный – через организации и курсы, занятые переподготовкой кадров, профессиональным образованием и консультированием по менеджменту. Сегодня это обучение играет ведущую роль в жизни предприятий. Но, поскольку данные службы находятся в процессе становления, а занимается ими в основном частный бизнес, здесь и коренится непосредственная опасность натолкнуться на секту и ее методы обучения⁴⁸. Сектантские группы предлагают свои услуги, действуя скрыто, выступая под видом консультантов, психологов, постоянно меняя имена и названия. Не случайно во французском докладе (1999) секты сравнили с термитами, подтачивающими изнутри структуры общества так, что последствия их деятельности выявляются слишком поздно⁴⁹. Как пишут крайне обеспокоенные этим положением французские исследователи, ни одна из фирм, посылающих свой персонал обучаться новым методам управления, не гарантирована от попадания в сферу деятельности оккультизма.

Положение осложняется тем, что реально оценить масштаб проникновения сект в область подготовки кадров трудно, так как курирующие ее организации выдают мизерную информацию и фактически эта тема остается закрытой. Реальная борьба против сект крайне затруднена и для государства (в силу отсутствия юридического определения понятия

---

⁴⁷ Bousquet J.-P. *Op. cit.*

⁴⁸ *Sectes et entreprises. Stratégie de secte: infiltrer l'entreprise par les organismes de développement personnel* // www.unadfi.org/themes/formation.htm

⁴⁹ *Assemblée nationale. Rapport... (document № 1687).*

«секта»), и для групп контроля за профобучением (нет соответствующих механизмов). В итоге компании предоставлены самим себе, и единственное, что они могут сделать, это указать во внутренних регламентирующих актах на недопущение прозелитизма на предприятии⁵⁰.

Наибольшую активность в этой сфере проявляют сайентологи. Плановая инфильтрация их в область бизнеса началась в 1979 году с созданием Мирового института сайентологического предпринимательства (WISE). Институт ставит перед собой задачу внедрения в деловой мир технологий управления Хаббарда, его концепции этики и системы контроля. Приобретая доли или участвуя в определенной компании, сайентологи устанавливают свои методы менеджмента, а персонал заставляют посещать курсы по изучению сайентологического учения. Иногда вербовка людей или передача их адресов руководству секты осуществляется без их предварительного согласия.

WISE связан с целой сетью предприятий, использующих хаббардовскую технологию управления или занимающихся распространением данной продукции и курсов («Этика и выживание предприятия», «Статистика: инструмент менеджмента», «Эффективное лидерство» и пр.). Среди предприятий, которые используют эти технологии, сами сайентологи называют «Дженерал Моторс», «Ланком», «Ситроэн», «Мобил ойл», «Эпсон Америка», «Фольксваген-Ауди» и др.⁵¹ Известно также, что многие предприятия секты работают по общим проектам с компанией «Майкрософт» (над дефрагментаризацией «Виндоус-2000» или программой «Антивирус»). Одно из главных подразделений империи Б.Гейтса – «Экзекютив Софтвэйр» – не скрывает своей принадлежности к организации. Сайентологи находятся и в окружении самого Б.Гейтса: это один из его ближайших сотрудников М.Грег Дженсен, а также его первый биограф Давид Икбайэ⁵². Сайентологи всегда похвалялись тем, что их поддерживает и помогает «Макдональдс», и «Макдональдс» не опровергает этих данных. Трудно установить, какова природа этой помощи, но в соответствии с имеющимися данными, «Макдональдс» поддерживал программу «Фонда счастья» Сайентологии, обращенную непосредственно к детям и совершенно официально финансируемую компа-

⁵⁰ *Le marché de la formation et le risque d'emprise sectaire dans les entreprises// www.psyvig.com/sectes.php? page=7*

⁵¹ *Ariès P. Op. cit. P.80.*

⁵² *Fournier A., Picard C. Op. cit. P.35.*

нией «Кока-Кола». Союз этот представляется совершенно естественным, если учитывать, что «Макдональдс» является самым ярким символом глобализированной экономики. Как пишет П.Ариес, «Макдональдс и Сайентология представляют два лица мондиализации. Макдональдс является лабораторией пищи будущего, а Сайентология – лабораторией управления будущего»⁵³.

Нынешняя деятельность сайентологов была подробно рассмотрена на международной конференции «Секты и Эзотерика: новые вызовы гражданскому обществу в Европе», прошедшей в Гамбурге в конце апреля 2007 года⁵⁴. Здесь, в частности, было указано, что секта представляет собой «самую опасную тоталитарную систему в современном мире»; что на управляемых ею предприятиях внедряются жесткие методы контроля и доносы, а те, кто отказывается их применять, определяются как «подавляющие личности» (ПЛ), в отношении которых допустимы различные способы расправы. Наряду с этим, в последнее время, поскольку секта уже себя сильно скомпрометировала, она использует для конспирации различные «фасадные вывески» и действует под видом организаций по защите прав человека, молодежных, общественно-политических, оздоровительных, экологических ассоциаций и проектов.

Секты налаживают связи с мировой элитой не только через установление отношений партнерства с многочисленными фирмами, но и через оказание влияния на партийных, государственных чиновников, а также на руководство различных международных организаций. Что касается связей с партиями, то наиболее ярким примером здесь является деятельность секты Муна. Антикоммунистический характер секты предопределил поддержку ею крайне радикальных националистических движений. Известно, что во время избирательных кампаний во Франции она оказывала финансовую поддержку партии Ле Пен (Национальный Фронт). Такая же поддержка в США оказывалась Д.Бушу-старшему. В Германии с националистическими течениями, действующими в рамках Лиги защиты природы, поддерживает отношения Антропософия, известная своими связями с нацистским режимом. Во Франции антропософские организации школы Штайнера не раз обвинялись в использовании расистских программ при преподавании, после чего французские

---

⁵³ *Scientologie et McDo: même Combat! // L'Humanite. Le 9 septembre 1999*

//www.prevensesctes.com/aries.htm

⁵⁴ *Гамбургская конференция FECRISa // http://www.iriney.ru/sects/raznoe/022.htm*

антропософы были вынуждены критически пересмотреть труды своих учителей⁵⁵. Самого же большого успеха добилась «Транснациональная медитация» в Великобритании, когда в 1997 году лидером консервативной партии был избран Уильям Хэйг, прошедший обучение медитации по системе этой секты.

Проникают оккультные организации и во властные структуры, но оценить истинный масштаб их влияния здесь очень сложно. Серьезные исследования на эту тему были предприняты во Франции. Здесь вышла недавно книга Сержа Фобера «Секта в сердце Республики», разоблачающая их деятельность в системе образования, Министерстве внутренних дел, Министерстве обороны и даже в Елисейском дворце. Как заявил Дени Бартелеми, у сайентологов «есть четко разработанная стратегия проникновения в правительственные агентства и оказания влияния на государство, а также воля добиться этого. Сайентологию нельзя назвать одной из лоббирующих групп. Сайентология является угрозой внутренней безопасности государства, и наши опасения небеспочвенны»⁵⁶.

С приходом к власти во Франции Н.Саркози⁵⁷ в позиции французского правительства в отношении сект наметились явные перемены⁵⁸. Со всем недавно директор кабинета министров Эммануэль Миньон заявила, что секты во Франции – это не проблема и что список вредных сект, содержащийся в парламентском докладе 1995 года, является скандальным. Характерно также, что именно тогда, когда сайентологи развернули острую критику в отношении Межминистерской миссии по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями, Мишель Аллиот-Мари, министр внутренних дел, отвечающая за культуры, поставила под сомнение деятельность этой антисектантской организации, подчеркнув, что необходимо «раскомплексовать борьбу против сектантских отклонений» и «обеспечить всем свободу вероисповедания». После этого сайен-

⁵⁵ Fournier A., Picard C. *Op. cit.* P.33.

⁵⁶ *Los Angeles Times*. 29 February 2000. – Дени Бартелеми – генеральный секретарь Межминистерской миссии по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями во Франции.

⁵⁷ Н.Саркози, которого связывают дружеские отношения с главным пропагандистом сайентологии Томом Крузом, в своей книге «Республика, религии, надежда» достаточно мягко отзываясь о «новых духовных движениях»

⁵⁸ Nicolas Sarkozy, *la scientologie au service de l'atlantisme* //http://www.alterinfo.net/Nicolas-Sarkozy,-la-scientologie-au-service-de-l-atlantisme-_a20232.html

тологи объявили себя жертвой «нарушения закона 1905 г.» об отделении церкви от государства и потребовали, чтобы им предоставили возможность пользоваться полной свободой совести, которую гарантирует французская конституция⁵⁹.

В последние годы крайне активизировалась лоббирующая деятельность сект в международных организациях (ЮНЕСКО, ОБСЕ) и различных представительских структурах ЕС. Главным каналом их проникновения в сферу мировой политики становятся неправительственные организации, ассоциации, союзы, создаваемые по их же инициативе с помощью подставных лиц. Сегодня в «общественные организации» превратились целые сектантские формирования. В этом смысле особыми способностями инфильтрации обладают те же сайентологи. В последние годы они активно работают в странах Восточной Европы и используют представителей этих государств в ЕС для проведения таких решений, которые позволили бы им осуществление общеевропейских программ. В сентябре 2003 года секта открыла свое новое отделение в двух шагах от институтов Европейского Союза в Брюсселе. Называется оно «Европейское посольство по общественным делам и правам человека» и призвано, по словам его представителей, «обеспечить гласность и конструктивность в проведении диалога по правам человека и социальным реформам». Как заявило в связи с этим Бельгийское движение «Сопrotивление С», борющееся против расизма, религиозного интегpизма и сектантских движений, «это географическое сближение с европейскими институтами не является случайностью. Это идеальная позиция для привлечения новых членов и особенно для оказания давления на тех, кто принимает политические решения»⁶⁰. В 2006 году сайентологи приобрели новое здание в Брюсселе и собираются перевести сюда из Копенгагена свою европейскую штаб-квартиру. Известно, что они пользуются поддержкой Фламандского региона (выделившего им через компании «U Man» и «Ideas» 900 тысяч евро), а также праворадикальных организаций, в частности партии Фламандский интерес⁶¹.

---

⁵⁹ <http://www.lepoint.fr/actualites-societe/sectes-ces-propos-qui-sement-le-trouble/920/0/224824>

⁶⁰ *La scientologie au pied du QG européen. L'article de «Résistance S», reçu le 14 août 2003*
[//www.prevensectes.com/rev0308.htm](http://www.prevensectes.com/rev0308.htm)

⁶¹ http://archives.lesoir.be/les-scientologues-sont-parmi-nous_t-20090123-00LA8U.a.html?&v5=1

* * *

Анализ новейших тенденций развития сектантства показывает, что оно представляет собой отнюдь не периферийное явление. Все очевиднее, что оно используется сегодня в качестве главного механизма реального утверждения ньюэйджевской оккультной религии и проникновения ее в сознание широких слоев населения, и в первую очередь – в сознание элит. Усвоение идеологии сект идет не через формальное вступление в эти организации, а через приобщение к определенному мировоззренческому полю, внешне крайне многообразному, но по сути отличающемуся удивительным внутренним единством, определяемым даже не столько общностью взглядов, сколько особым мистическим отношением к жизни. С помощью этого оккультизм стремится добиться духовного лидерства, превратив фактически в закрытую секту само западное христианство. Осознавая эту угрозу, Ватикан еще в 2003 году издал специальный документ, посвященный комплексному рассмотрению движения «Нью Эйдж». Последнее, согласно этому документу, представляет собой «двойной вызов, религиозный и культурный одновременно, и в отношении Церкви, и в отношении общества», поскольку утверждает, что «христианство должно исчезнуть, чтобы уступить место глобальной религии и новому мировому порядку»⁶².

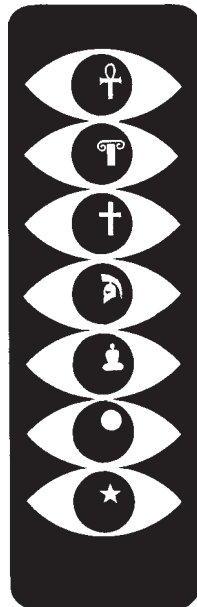
⁶² *Jésus-Christ le Porteur d'eau vive. Une réflexion chrétienne sur le «Nouvel Âge». Conseil Pontifical de la culture, Conseil Pontifical pour le dialogue Interreligieux. Le document Vatican sur le Nouvel Âge (3 Fév. 2003). CESNUR/www.cesnur.org/2003/vst_na_fr.htm*

Так как изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях, в убеждениях и без этого предварительного ... изменения оно не может насупить, то очевидно, что эта материальная революция не может быть причиной психической, а может быть только ее следствием: оно только как бы символ, выражающий это психическое изменение.

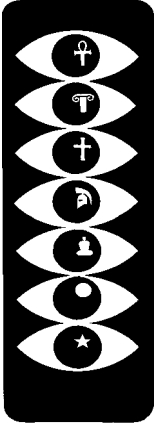
Питирим Сорокин

**Русское просвещение обязано
бытием своим правительству, – вот
один из отличительных признаков
нашей истории.**

М. Погодин

Владимир Лапин

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОССИЯ И ЕВРОПА: ПОГОНЯ НА ПОЛЕ ТЕХНОЛОГИЙ

УДК
93/94

In the Russian historiography studies in the field of technological history are traditionally 'equidistant' from investigation of its impact on social, economic, and cultural development of a society while foreign historians have investigate interaction between technology and socio-cultural environment which is contemporary to a particular technology. Russia has accepted innovations that came from the West in waves selectively. It should be noted that a series of national development peculiarities proved to act as brakes to introduction of some technological innovations. The countryside turned out to be the least adapted for acceptance of Western technologies. Peasants and landlords were not ready for transition and latter-day methods of agronomics and cattle breeding. A feeling of lagging behind the West engendered a peculiar cultural phenomenon which the author takes liberty to designate as 'Levshism'. The designation is derived from the name of N.S.Leskov's short novel hero Levsha, a craftsman from Tula who hacked the English flea.

Ключевые слова: Петр I; Николай I; Н.Лесков; А.Энгельгардт; социально-политическая и экономическая модернизация России, технологический прогресс.

E-mail: history@eu.spb.ru

**Соревнования в технике –
обязанность великой
державы...**

14 сентября 1854 года береговые батареи Севастополя расстреливали корабль «Три Святителя», который упорно не желал тонуть у входа в гавань. В тот момент уже несколько

судов лежали на дне, заграждая своими корпусами путь британским и французским пароходам...

В середине XIX века боевой корабль был самым высокотехнологичным изделием рук человеческих, соревнование держав в военном судостроении являлось одновременно смотром их достижений в науке и технике. И эти достижения России оказались пригодными только для того, чтобы лечь подводным препятствием, как списанные на слом баржи. До Крымской войны техническое превосходство европейцев не являлось предметом раздумий ни государственных деятелей, ни общества. Тревоги по этому поводу отдельных лиц не меняли общей картины. Помощник шефа жандармов Л.В.Дубельт в 1847 году записал в своем дневнике результат беседы со своим непосредственным начальником А.Ф.Орловым (имевшим огромное влияние на Николая I) о необходимости поддерживать равенство в вооружениях с западными державами: «Английский флот стал заводить винтовые корабли. Мне пришлось в голову, что, ежели их флот будет двигаться парами, а наш останется под парусами, то при первой войне наш флот тью-тью! Игрушки под Кронштадтом и пальба из пищалей не помогут... Эту мысль я откровенно передал моему начальнику и сказал мое мнение, что здравый смысл требует, ежели иностранные державы превращают свою морскую силу в паровую, то и нам должно делать то же и стараться, чтобы наш флот был так же подвижен, как и их. На это мне сказали: "Ты, со своим здравым смыслом, настоящий дурак!" Вот тебе и на!»

Под Севастополем со всей очевидностью обнаружилось, что героизм русских солдат и офицеров, проявленный в Крымской войне в не меньших масштабах, чем в Отечественной войне 1812 года, не послужил противовесом европейским нарезным ружьям и боевым винтовым судам. Россия увидела новое поле соперничества – технику, – проигрыш на котором грозил военными неудачами, а вслед за ними и утратой статуса великой державы.

В Новое время легитимация покорения неевропейских народов, культурная и территориальная экспансия европейцев базировались на представлениях о превосходстве христианства над верованиями покоряемых. В XVIII–XIX веках в обосновании этого превосходства все

большую роль стало играть европейское научное знание и его материальное воплощение – эффективные технологии в области материального производства, энергетики, управления, образования, военного дела. Несмотря на всю непатриотичность тезиса о том, что «технологические волны» катились с запада на восток, его приходится признать обоснованным. В Новое время Россия являлась страной-реципиентом новшеств в самых разных областях – от военной сферы до сельского хозяйства, обогащая при этом мировую технологическую культуру идеями и разработками отечественных умов.

Помещение истории технологий в контекст культурного развития России дает новый ракурс рассмотрения самых актуальных вопросов отечественного прошлого, в том числе и такого вечного, как «В чем особенность нашего пути?» Самым решительным и продуктивным шагом на этом пути выглядит работа Д.Ю.Гузевича «Кентавр, или к вопросу о бинарности русской культуры». Ее автор предлагает ответ на вопрос: почему волна технических новшеств, накатившаяся на Россию с Запада в конце XV – начале XVI века, разбилась о монолит национальных традиций, а в XVIII столетии та же страна оказалась в состоянии восприятия колоссальные объемы специальной информации практически во всех отраслях человеческого знания? По мнению Гузевича, реформы Петра Великого разрушили защитные фильтры, доставшиеся российской «мегакультуре» в наследство от культуры великорусской. Созданная в первой четверти XVIII века наднациональная культурная система оказалась в состоянии перенести и освоить информационный массив, невысказанный в более ранние времена, когда гомогенная национальная культура пыталась переварить слишком большой объем «новизны», к тому же во многих случаях «чужеродно» маркированной¹. Здесь сразу возникает мысль о том, что кампания 1950-х годов по доказательству отечественного происхождения большинства научных открытий, известная ироническим слоганом «Россия – родина слонов», являлась, кроме всего прочего, и своеобразной защитной реакцией на чужие маркеры. В условиях регулярных «охот на ведьм», характерных для сталинской эпохи, выгодно было называть иностранное своим, не опасаясь обвинений в «низкопоклонстве», «космополитизме» и еще бог знает в чем. Если сравнить отношение к западной культуре в России допетровской и России послеленинской, то общего можно найти больше, чем отличного.

---

¹ Гузевич Д.Ю. *Кентавр, или к вопросу о бинарности русской культуры*. М., 2000.

Методы и темпы модернизации России по европейским образцам стали причиной разделения страны с начала XVIII века на два культурных слоя, сохранявших высокую степень автономности друг от друга. Один слой, безусловно господствующий в политической и социальной сфере, состоял из вестернизированного бюрократического аппарата; из вооруженных сил, которые с начала XVIII столетия практически не отличались от европейской военной машины; из дворян, интеллигентов-разночинцев и части предпринимателей, принявших западные культурные ценности. Другой слой – многомиллионное крестьянство, большая часть духовенства и значительная часть торгово-промышленных кругов, ориентированных на православные идеалы и традиционную культуру. Это были два настолько различных мира, что объединение их в статистическом измерении так же неправомерно, как включение просторов арктической тундры в расчеты средней урожайности или обеспеченности транспортом. Эти различия следует принимать во внимание при оценке темпов и направлений технологического прогресса в России XVIII–XX веков.

Модернизация и улучшение в современном лексиконе – почти синонимы, но в нашем понимании – не более чем замена одних проблем другими. Модернизация – непрерывный и все более ускоряющийся процесс замены прежних технологических схем более производительными, ресурсосберегающими и т.д. с соответствующим влиянием таких изменений на социокультурную сферу. При этом сама эта сфера активно реагировала на технологические «интервенции» в диапазоне от активного отторжения до такого же активного восприятия. Технологии интернациональны по своей сути, поскольку основываются на природных свойствах материалов, на естественных физических, химических и биологических законах. В то же время изменения технологий в большинстве случаев требуют больших или меньших перемен в организации производства. Эти перемены и являются основными формами воздействия техники на общественное развитие. Нередко культурные, политические, социальные особенности общества оказывались препятствием на пути этих перемен, иногда, наоборот, имел место удивительный резонанс культурных феноменов, возникших в совершенно иной эпохе, при восприятии суперсовременных технологий. В случае непримиримости противоречий выход мог быть найден в адаптации технологий к социально-экономическим и культурным реалиям общества-реципиента либо в деформации этих реалий усилиями государства или под воздействием общества.

**В России история техники
робеет выбираться
из своего княжества...**

Изучение социальной истории техники осложняется вполне объяснимой робостью гуманитариев перед естественными науками, традиционным разделением этих сфер знания

на удельные княжества со своими законами и ревностным обережением границ от «чужаков». Особенность отечественной историографии (этот тезис относится с небольшой оговоркой и к зарубежной историографии) заключается в том, что историки игнорируют знания, накопленные представителями смежных дисциплин. Так, например, опубликованная в 1998 году книга Л.В.Милова о влиянии агрокультуры на социально-экономическое развитие дореволюционной России² едва ли не впервые в отечественной историографии являет собой пример использования трудов по агрономии, почвоведению, климатологии и т.д. При этом место такой литературы в общей информационной базе данного интереснейшего исследования более чем скромно.

Зарубежные историки с гораздо большим вниманием относятся к влиянию технологий на жизнь людей в исторической перспективе. Ф.Клемм разделил историю науки и техники на семь этапов. *Первым* пунктом он обозначил греко-римскую технологию, главные признаки которой – разделение труда, изобретение метательных орудий, развитые архитектурные навыки, довольно высокий уровень горного дела. *Второй* этап – средневековье. Оно, по мнению Клемма, вовсе не было периодом упадка: наряду с понижением технического уровня в отдельных производствах можно наблюдать технические усовершенствования в других областях. Особо Клемм выделяет высокие по тем временам технологии мусульманского мира и развитие военного дела. *Третий* этап – период ренессанса (итальянские инженеры-художники, немецкое горное дело, появление и развитие научной механики). *Четвертый* период – эпоха барокко, когда установилась прочная связь науки и технологии, родилась патентная система. *Пятый* период Клемм называет эпохой рационализма, когда на первое место в прогрессе выдвинулись конструкторы. Либеральная экономика способствовала развитию техники и обеспечила лидерство Англии в технологиях. *Шестой* период отличается от предыдущих широким распространением паровых двигателей, торжеством фабричной системы про-

² Милов Л.В. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* М., 1998.

изводства. Знак этой эпохи – немецкая научная технология. Последний, *седьмой*, этап хронологически совпадает с Новейшим временем (электротехнические технологии, авиация и радио, высокоразвитая химия, атомная энергетика, автоматика)³.

В книге М.Адамса «Машины как мерило человека» центральным является вопрос о правомерности ставить знак равенства между ростом технологий, развитием промышленности, транспорта и прогрессом человечества. Автор указывает на то, что именно технологическое доминирование Запада над всем остальным миром является основанием технократической картины вселенной. Особый интерес представляют рассуждения о том, что две мировые войны, знаменовавшие собой торжество рожденных в Европе военных технологий, положили начало жесткой критике технократической линии развития человечества⁴.

Д.Кип и А.Рибер отмечали огромную роль военных в проведении реформ Александра II. Необходимость модернизации армии и флота, прежде всего за счет технического переоснащения диктовала движение по пути социально-экономических и даже политических преобразований. При этом бремя расходов предполагалось возложить на безгласное общество, а сама модернизация должна была проводиться исключительно в интересах государства⁵. Особый интерес представляет книга И.Брэдли об организации производства легкого стрелкового оружия в России после Крымской войны. Значение этой работы выходит за рамки военной истории и тем более истории техники или промышленности. Автор раскрыл механизм действия казенного предприятия как экономической, управленческой структуры, полностью вписанной в контекст российской культуры производства материальных ценностей середины XIX столетия. Брэдли считает, что жесткое разделение гражданского и военного секторов в российской промышленности задерживало движение потока научно-технической информации, препятствовало быстрому освоению новых технологий. Государственная политика по отношению к частным предпринимателям, практика заключения и выполнения до-

³ Klemm F. *A History of Western Technology*. London, 1965.

⁴ Adams M. *Machines as the Measure of Men. Science, Technology and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca and London, 1992.

⁵ Кип Д.У. *Русский военно-морской флот и проблема технического переоснащения: экономический базис военно-промышленного развития 1853–1876 гг.* // *Великие реформы в России. 1856–1874 гг. М., 1992*; Рибер А. *Групповые интересы в борьбе вокруг великих реформ* // *Великие реформы в России. 1856–1874 гг. М., 1992*.

говоров на казенные поставки не оказывали стимулирующего воздействия на частные заводы в плане их реконструкции и модернизации. Риск понести неоправданные расходы на переоборудование был излишне велик из-за политики явного предпочтения казенных заводов. Правительство боялось в таком важном деле, как обеспечение армии оружием, оказаться «в зависимости» от частного производителя.

Существенным изъяном российской экономики был дисбаланс между центром и периферией, что сдерживало «перекрестное опыление» науки и практики, важнейшую, по мнению Брэдли, черту современной индустрии. Кроме того, отдельные отрасли, а внутри отраслей отдельные крупные предприятия жили в режиме самодостаточных княжеств, проявляя интерес друг к другу только при дележе пирога государственных заказов, причем и этот «контакт» осуществлялся не в форме открытого технического конкурса. Такового просто не могло быть из-за специализации казенных монстров, не имевших конкуренции в области «своего» производства. Заводы спорили о величине ассигнований, и главным здесь оказывалось влияние заводского начальства и высокопоставленных «интересантов».

В то же время эта самоизоляция легко пробивалась усилиями «сверху», поскольку военная дисциплина оказывалась действенным инструментом административного управления казенными заводами и играла важную роль в адаптации новых технологий. Американские промышленники, главные наставники русских в массовом производстве стрелкового оружия, использовали механизацию, чтобы компенсировать нехватку умелых рабочих. В России же механизация и другие новые технологии применялись с другой целью – добиться массового производства и преодолеть самоизоляцию заводов при наличии квалифицированной рабочей силы.

Ограниченные ресурсы, различные институциональные препятствия на пути новшеств и отсутствие весомых стимулов для радикальной модернизации выработали, по мнению Брэдли, особую модель технического и технологического прогресса – склонность к копированию и постепенному совершенствованию западных прототипов. Все вышесказанное И.Брэдли вполне применимо и для других сфер технологической истории России⁶.

---

⁶ Bradley J. *Guns for the Tsar. American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia*. Illinois, 1990.

Уже упоминавшийся американский историк А.Рибер считает, что проблема восприятия западных технологий – одна из ключевых проблем развития России в Новое время. Он рассмотрел вопрос: почему самодержавие не смогло продолжать здравую политику Петра Великого по созданию общества, основанного на технике и конкурентного по технологиям уровню Западной Европы? И предложил ответ: идеи царя-реформатора о культурной революции, которая могла бы создать институты, восприимчивые к внедрению технологий, вступили в противоречие с мощными силами внутри общества. По мнению А.Рибера, самые влиятельные группы – дворянство, церковь и Академия наук, способные стать союзниками царя, – оказались в оппозиции этому курсу. Дворянство сопротивлялось техническому обучению, церковь – научным исследованиям, Академия наук – практической работе. В конце концов, компромисс был достигнут за счет отказа от идеала общества, в котором господствует техника. А.Рибер видел три аспекта технологической политики Петра Великого: прямое государственное вмешательство в экономику, военное обучение как средство набора и тренировки технического персонала, широкая культурная трансформация социальных ценностей. По его мнению, петровская стимуляция промышленности и торговли была во многих случаях искусственной и произвольной. Важным тезисом работы А.Рибера является утверждение о том, что население России удовлетворяло свои потребности самостоятельно, а также силами ремесленников, не испытывая потребности в промышленности. Последняя же без особых изменений в социальной и культурной сферах сумела обеспечить потребности главного государственного института – вооруженных сил.

Модернизация в аграрной стране – сопротивление людей и природы...

По нашему мнению, социально-политической и экономической модернизации России мешало прежде всего многомиллионное крестьянство – носитель традиционной культуры. Становым хребтом экономики страны было сельское хозяйство, в котором было занято около 90% населения и которое давало основную часть национального валового продукта. Именно эта агро-сфера из-за своего социокультурного своеобразия оказалась наиболее маловосприимчивой к новшествам.

Принципиальное отличие сельскохозяйственного производства от промышленного (ремесленного) заключается в следующем. Основные

производственные технологические процессы здесь идут без прямого вмешательства человека, поскольку в основе этих процессов лежат естественные биологические, биохимические и биотехнические явления, возможность активного воздействия на которые появилась у человека только на рубеже XX–XXI веков. Без прямого участия человека наливаются зерна в колосьях, в вымени коровы образуется молоко, а на ветвях яблони завязываются плоды. В промышленном и ремесленном производстве, наоборот, все процессы напрямую связаны с усилиями мастера – физическими и умственными, работник в состоянии запустить процесс, ускорить его, замедлить и остановить. Уже в XVII – первой половине XIX века наука дала объяснение большинству технологических прорывов в промышленной сфере. Более того, теоретики стали вносить все более весомую лепту в создание практически применимых новинок. В сфере биологии и сельского хозяйства такие успехи были не столь впечатляющими, а влияние теоретиков на практиков не столь очевидным.

В природе растения и животные занимают ту нишу, которую им удается отвоевать у своих конкурентов и где они укрываются от естественных противников. Яростная борьба за выживание – основа жизни дикой природы. Большинство исходных видов культурных растений и домашних животных имели ограниченные ареалы распространения, и даже само перемещение их в иные природные условия накладывало на человека весьма серьезные обязательства. В некоторых случаях акклиматизация происходила очень успешно и «новички» оказывались в более выгодных, чем на родине, условиях. В большинстве же случаев земледелец и животновод брали на себя значительную часть усилий по обеспечению выживания своих питомцев во враждебной им среде. Повышение продуктивности и урожайности неизбежно вело к понижению резистентности животных и растений, увеличивало их требовательность к питанию и уходу. Чем больших успехов добивались селекционеры, тем больше забот появлялось у животноводов-практиков, ветеринаров и агрономов.

Процессы производства в сельскохозяйственной сфере идут в основном за счет естественной энергии солнца. В промышленности XVII–XIX веков использовались мощные, но громоздкие водяные и паровые машины, приводившие в движение станки, выполнявшие сравнительно простые и однообразные операции. Сельское хозяйство требовало мобильных источников энергии, сложных механизмов, которые появились только в XX столетии. Крестьянское хозяйство оказалось в неком за-

колдованном кругу: применение энергии было ограничено спецификой технологий, а слабая энергетическая вооруженность делала его игрушкой в руках природы.

Одной из главнейших проблем села была технологическая трудность применения машинного труда, механической тяги в основном производстве. Если в промышленности сила пара и электричества напрямую была связана с повышением производительности и рентабельности, то в сельском хозяйстве эта связь была не только не очевидна, но даже нередко приводила к обратным последствиям. На рубеже XIX–XX веков самой «европейской» в России была «Лесная ферма», принадлежавшая академику архитектуры Ю.Ю.Бенуа на окраине Санкт-Петербурга. Здесь имелись теплые и просторные скотные дворы, множество машин и механизмов, электростанция и большой штат высокооплачиваемых работников. Предприятие приносило одни убытки, компенсированные только утешенным самолюбием своего владельца⁷. Данные о количестве паровых молотилок, жнеек и других «иностранных штучек» – лукавая цифра, поскольку нет достоверных сведений об их применении. Во-первых, известно, что дороговизна инвентаря заставляла крестьян использовать усовершенствованные инструменты вне своего хозяйства, для извлечения прибыли на наемных работах⁸. Во-вторых, низкая стоимость рабочей силы часто оказывалась препятствием на пути распространения сельскохозяйственных машин, порождала уродливые явления в области их применения. В ряде губерний жатки, косилки и сеялки годами не покидали мест хранения и служили исключительно для того, чтобы одной угрозой своего появления сбивать цены на сезонные работы⁹. Тем самым в российском крестьянине взращивалась люта я ненависть к заграничным железкам, с помощью которых хозяева «пили его кровь».

Особенности агротехники влияли на характер землепользования. Так, интенсификация хозяйства, применение передовых методов требовали прекращения переделов земли, без которых невозможно реализовать народные представления о справедливости, понимаемой прежде всего как уравнительность. Лен, например, требовал клевера как пред-

---

⁷ Анфимов А.М. *Крупное помещичье хозяйство Европейской России. (Конец XIX – начало XX вв.) М., 1969. С.226–227; Нужды деревни. 1906. №13–14. С.489–491.*

⁸ Анфимов А.М. *Указ. соч. С.73.*

⁹ Там же. С.76, 108.

шественника, а травосеяние как таковое было практически несовместимо с общинным пользованием землей.

В силу особенностей крестьянской технологии каждое крестьянское хозяйство – обособленный мир, вернее, часть огромного аморфного целого. Колоссальная способность к регенерации, отсутствие жизненно важных центров, цикличность процесса, возможность мобилизации природных (неисчерпаемых) сил природы делали примитивные крестьянские технологии безнадежно консервативными, легкоуязвимыми и в то же время «возрождаемыми» без особых финансовых вливаний и административных усилий. Крестьянское хозяйство отказывалось от технологий, предусматривавших борьбу с природой, как «богопротивных». Языческие пережитки, прочная связь религиозных представлений с окружающей природой не могли не сказываться на отношении к западным сельскохозяйственным технологиям. Селянин был вынужден вживаться в природу, оставлявшую минимум пространства для хозяйственного маневрирования. Следование же природе ставило непреодолимые препятствия на пути повышения урожайности и продуктивности скота.

Отношение к нововведениям по определению было негативным, поскольку ими занимались власти, государство в лице чиновничества, воспитавшего в деревне стойкое недоверие к себе. Ответом на весьма полезные и в большинстве случаев бескорыстные меры было упорное сопротивление со стороны крестьянства. Эта сельская «дикость» вполне понятна, если мы вспомним о неразрывности производства и быта в крестьянском хозяйстве. Передел угодий, найм пастуха, начало пахоты, сенокос – все это были не просто рабочие операции, а неотъемлемая часть деревенской жизни, в высокой степени ритуализованная. Изменения в этой сфере в глазах крестьян выглядели покушением на все их устои. Сила действия равна силе противодействия – мощное вторжение в крестьянскую жизнь со стороны помещика вызвало столь же мощную ответную реакцию. Презрение к крестьянским ценностям обернулось демонстрацией презрения к ценностям барским, т.е. европейским.

Наиболее проблематичным было продвижение новшеств в крестьянской среде. Любое обновление здесь по определению встречалось в штыки. Кроме объективных трудностей, обязательно связанных с нововведениями, здесь существовало стойкое отторжение на социокультурном уровне. Сама организация крестьянского сообщества, основанная на традиции, на устной схеме передачи информации с неизбежными в таких случаях искажениями, противоречила принципу рацио-

нального обновления процесса производства на основе достаточно строгой технологической дисциплины. Масштабные стихийные бедствия (саранча, засуха, ранние заморозки, эпизоотии и т.д.) были в равной степени губительны для передовых хозяйств и тех, кто предпочитал придерживаться дедовских способов. Это обстоятельство также снижало притягательность новшеств, так как только «чудодейственность» могла переломить настроения традиционно ориентированного крестьянина.

Слабые знания в области ветеринарии, микробиологии, микологии, энтомологии не позволяли понять истинные причины болезни или гибели растений (животных). Иначе как «гневом божьим» крестьянин не мог объяснить неожиданную напасть. Распространение высокоурожайных сортов вело к вспышкам болезней, к распространению вредителей, что также подрывало веру в «прогресс». Отсутствие явной связи между агротехническими и зоотехническими действиями и результатами таких тормозили распространение уверенности земледельцев и животноводов в возможности эффективного регулирования процесса производства.

В Европе развитие сельского хозяйства – напряженная борьба с природой, обход препятствий, которые ставит природа на пути повышения урожайности и продуктивности, поскольку это сопряжено с понижением жизнеспособности. Селекционеры добивались максимально возможного отрыва от исходных природных форм, все более и более сближая сельское хозяйство с промышленным производством.

Крестьянское хозяйство в России отказывалось от борьбы с природой из богобоязни – вспомним нежелание крестьян страховать от огня или грозы. Здесь сказались особенности религиозного восприятия, православной этики, вступавшие в противоречие с интересами передовой западной сельскохозяйственной технологии. Не случайно гнездами новинок в сельском хозяйстве оказались страны с протестантским населением. Мир обязан большинством продуктивных пород скота Голландии, Англии, Швейцарии, Северной Германии, Дании. Аграрная революция началась в Голландии и была перенесена в Британию.

О цельности крестьянской технологии свидетельствует невосприимчивость российского крестьянства к технологиям немцев-колонистов. Русское правительство, поощряя иммиграцию немцев, рассчитывало на их цивилизующее воздействие, но ошиблось в своих расчетах. Немцы жили в полной культурной самоизоляции от остального населения. Как писал один путешественник, особый модус вивенди немцев не вызывал

неприятия со стороны русских крестьян: «немцы есть немцы, а русские есть русские, и все тут». В то же время, наряду с признанием за немцами таких качеств, как честность, трудолюбие, чистоплотность, сохранялось к ним несколько насмешливое отношение¹⁰.

Существовало три пути внедрения технологий в связи с тремя типами хозяйства в дореволюционной России: государственный, помещичий и крестьянский. Каждый тип имел свои особенности, связанные с восприятием технологий вообще и технологий сельскохозяйственных в частности. Доля государства в деревне была ничтожной. Здесь бюрократы попадали в неловкое для себя положение невозможности прямого административного действия. Необходима была агитация, убеждение, стимулирование. В условиях устойчивого взаимного недоверия общества и государства друг к другу подобные меры также были малодейственны.

Русский барин – локомотив модернизации села...

Дополнительной проблемой было отсутствие необходимых для этого структур. Наибольшие шансы для внедрения передовые технологии априори имели в помещичьих хозяйствах. Здесь само пространство хозяйственной деятельности четко определено и в принципе подвержено волевому воздействию со стороны владельца. Уровень европеизации значительной части помещиков был довольно высок, и обособление в сфере бытовой (усадебная находилась вне деревни) способствовало и созданию иного типа производства. Многие помещики видели в интенсификации хозяйства путь к повышению доходности имения. В то же время непроизводительные расходы, практически неизбежные при «истинно дворянском» образе жизни (поддержание большого дома, парка, многочисленной прислуги, дорогих выездных лошадей, охоты, оранжереи, сада и т.п.) создавали реальную угрозу рентабельности. Аналогичные «излишества» буржуазии отличались «производительным» характером, так как были свидетельством прочности экономического положения фирмы, укрепляли доверие к ней со стороны банковских структур, создавали условия для неформальных и очень важных для бизнеса контактов с представителями власти. Для значительной части дворян преклонение перед иностран-

---

¹⁰ Оболенская С.В. *Образ немца в русской культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. М., 1991. С.160–181.*

ным было составной частью мировоззрения, их не отпугивал «нерусский» дизайн европейских машин. Жнейки и локомобили, пылившиеся в сараях, так же служили символами прогресса, как подшивка газет и книжная полка – символом либеральных взглядов, а репродукции картин – знаком приближенности к искусству.

Но внедрение передовых технологий «через образованного барина» затруднялось тем, что у большинства крупных землевладельцев имения были разбросаны по нескольким уездам и даже губерниям. Практика собирания земель, создание единого комплекса угодий была практически неизвестна в России. Это автоматически лишало даже активного и прогрессивного хозяина возможности личного участия в управлении имением. Менеджмент, как известно, не менее важная составляющая часть производственного процесса, чем собственно производство продукции. В условиях же товарного производства управление хозяйством играет особую, во многих случаях определяющую роль. Следует помнить и о том, что в помещичьих дореформенных и даже в пореформенных хозяйствах натуральность, даже автаркичность была достаточно высока. Роль управления в производстве была занижена, так как эффективность ее затушевывалась внутренним потреблением. Помещики не имели должной «школы» управления. Сама структура дворянского землевладения ставила едва ли не непреодолимые препятствия на пути совершенствования методов хозяйствования. Управляющие имениями блюли в первую очередь свои собственные интересы, их заинтересованность в повышении эффективности производства была невысокой. Многие из них рекрутировались из крестьян, которые не выходили из рамок традиционных форм организации производства и потому оказывались неспособными к прогрессу в области производственных технологий и менеджмента. Редкие исключения только подтверждали правило. В системе общественных ценностей XVIII–XIX веков служба стояла неизмеримо выше хозяйственной деятельности, и сидевшие в деревне дворяне должны были чувствовать себя социальными аутсайдерами. Более того, для благородного сословия существовало наказание: ссылка в родную деревню!

Барин, решивший заниматься хозяйством, поневоле должен был «омужичиваться», что рассматривалось, по меньшей мере, как эпатаж. «...В настоящее время тот, кто хочет заниматься хозяйством самолично, кто хочет сам распоряжаться как технической, так и коммерческой стороной хозяйства, кто не имеет возможности держать много прислуги для личных услуг, тот должен все изменить, начиная с костюма и кон-

чая расположением построек в усадьбе... Барский костюм до такой степени отличен от мужицкого, приспособленного к образу жизни всего населения страны, что человек, носящий барский костюм, по необходимости должен носить с собой и всю обстановку, соответствующую этому костюму...» – писал знаток сельского хозяйства смоленский помещик А.Н.Энгельгардт¹¹.

Этот землевладелец, которого в своих трудах похвалил даже В.И.Ленин, понимал необходимость комплексной перестройки всего хозяйства, бесперспективность приобретения каких-то отдельных новинок: «...положим, вы ввели посев льна и клевера, – сейчас же потребуются множество других перемен, и если не сделать их, то предприятие не пойдет на лад. Потребуется изменить пахотные орудия и вместо сохи употреблять плуг, вместо деревянной бороны – железную, а это в свою очередь потребует иных лошадей, иных рабочих, иной системы хозяйства по отношению к найму рабочих и т.д.»¹².

Животноводство держится на трех «китах» – кормлении, содержании и племенной работе. Недостаточное внимание хотя бы к одному из этих компонентов обесценивает усилия, прилагаемые к другим направлениям: беспородный скот не оплачивает привесами и надоями усиленное кормление, а племенные животные не проявляют своих лучших качеств при скудном кормлении и скверном содержании. Скот находится в большей зависимости от хозяина, чем растения от земледельца, и потому фактор производственной и общей культуры в животноводстве имеет гораздо большее значение, нежели в земледелии. Технология требовала, чтобы это был наемный работник, свободный от забот о собственном хозяйстве. Толковый, хозяйственный и сумевший заработать «деньгу» мужик стремился обзавестись своим домом и скотом, уйти из тягостного батрацкого состояния. Работник, как бы хорошо ни оплачивался его труд, не мог занять равноправное положение со своими односельчанами, ретировался как наймит. В скотники шли только откровенные социальные аутсайдеры, которым трудно было доверить дорогой породистый скот, от которых невозможно было добиться строгой технологической дисциплины. В значительной степени такое отношение крестьян к скотникам сформировалось из-за того, что в усадьбах проштрафившуюся дворню посылали убирать навоз, «неудачных» лакеев разжаловали в свиарии, а конюшня вообще

---

¹¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987. С.49.

¹² Там же. С.69.

прочно ассоциировалась с телесными наказаниями. Знаменитый селекционер И.А.Бабин писал по этому поводу в 1867 году: «...У нас не исчезло еще то мнение, что только за наказание поступают в скотники и скотницы, надо искоренить это предубеждение, надо сделать так, чтобы в эту должность поступали с охотой, а этого нельзя сделать иначе, как поощрительными мерами»¹³.

Для того, чтобы как-то пробить брешь в крестьянской косности, дать возможность желающим приобрести знания в агрономии и зоотехнике, правительство и общественные организации создавали учебные центры разного уровня. Так, в 1905 году функционировало 193 сельскохозяйственных школы 1-го и 2-го разрядов, несколько десятков специальных технических училищ, 18 средних специальных учебных заведений, 2 вуза сельскохозяйственного профиля. В 1912 году в 62 губерниях работало 20 413 пунктов распространения сельскохозяйственных знаний, которые посетило более полутора миллионов слушателей. Даже если эти цифры «лукавы», как почти всякий продукт официальной статистики, они свидетельствуют о доступности агрономических и зоотехнических знаний для российских хозяев. С 1760 по 1880 год появилось 36 отдельных изданий по практическому животноводству. В следующие 40 лет эта цифра увеличилась почти втрое (96 книг). С 1841 по 1880 год в свет вышла 551 книга. Не менее быстрыми темпами увеличивалось число и тираж периодических изданий: в 1765–1798 годы в России выходило 9 журналов, в 1799–1864 годы – 59 журналов, в 1865–1900 годы – 136 журналов, в которых рассматривались хозяйственные сюжеты. Многие рекомендации не были адаптированы к российским условиям и не только не оправдывали возлагаемые на них надежды, но и нередко наносили урон излишне доверчивым и «начитанным» хозяевам.

**Хочешь внедрить новинку –
умей вертеться...**

Петр Великий сделал науку и технику царским делом, спуск на воду крупных боевых кораблей стал обязательным пунктом в череде придворных церемоний. Все последующие самодержцы, объявляя себя наследниками царя-реформатора, вне зависимости от личной склонности к «железкам» хотя бы в ритуальном объеме должны были проявлять интерес к новинкам науки и техники.

¹³ Цит. по: Лобашев М.Е. *Очерки по истории русского животноводства*. М.; Л., 1954. С.39.

Эта роль «царского завещания» была едва ли не более значимой, чем заведение многочисленных мануфактур в первой четверти XVIII столетия. Николай I, испытывая крайнее подозрение к гуманитарным дисциплинам, которые считались почвой для произрастания ненавистного ему вольнодумства, сделал многое для развития технического образования и науки в России. Были основаны несколько высших специальных учебных заведений, ассигновывались значительные суммы на научные исследования. Три последних императора – Александр II, Александр III и Николай II – склонности к технике не имели и занимались новинками только в той мере, которая «полагалась» самодержцу по неписаному реестру их интересов. Неповоротливость бюрократического аппарата была главной причиной того, что технические новинки имели шанс быть реализованными только при наличии у изобретателя способностей «выбить» финансирование.

Так, строителю подводной лодки С.К.Джевецкому удалось решить вопрос о финансировании своих изобретений в 1880-е гг. с помощью связей в правительственных кругах и незаурядного мастерства придворного. Вот как кораблестроитель А.Н.Крылов описал испытания лодки, проведенные в Гатчине в «высочайшем» присутствии: «...Джевецкий несколько дней бороздил по озеру, изучая царскую пристань и как ловчее к ней пристать. Зная, что Александр III неразлучен с царицей Марией Федоровной, Джевецкий заказал букет самых великолепных орхидей – любимых цветов царицы. Настал день испытаний. Царь и царица сели в шлюпку, на которой и вышли на середину озера, а Джевецкий, пользуясь прозрачностью воды, маневрировал около этой шлюпки, иногда проходя под нею. Наконец, шлюпка подошла к пристани, царь и царица вышли и остались на пристани. Джевецкий с ловкостью пристал, открыл горловину, вышел на пристань, преклонил колено и подал царице великолепный букет орхидей, сказав: «C'est le tribut de Neptune à Votre Majesté» («это дань Нептуна Вашему величеству»). Царица пришла в восторг, рассыпалась в комплиментах; царь остался очень доволен, благодарил Джевецкого и приказал дежурному генерал-адъютанту рассказать об этих опытах военному министру П.С.Ванновскому, чтобы он озаботился возможно спешной постройкой 50 лодок, с уплатой Джевецкому 100 000 руб.»¹⁴.

¹⁴ Крылов А.Н. *Мои воспоминания*. М., 1982. С.129.

**Первый в мире тюнинг –
подкованная блоха...**

Важной причиной появления особого отношения к западному техническому превосходству было то, что оно ярко и убедительно проявлялось именно в военной сфере – наиболее

важной для России, где военная составляющая была главной в экономической, социальной и политической жизни. Не случайно тульский мастер Левша в повести Н.С.Лескова не удивлялся различным западным техническим ухищрениям, но «вздыхал» по поводу плохого качества отечественных ружейных стволов. Повесть «Левша» является сочинением, характеризующим отношение в России к техническому превосходству Запада, осознанному после Крымской войны. Одним из главных средств противоборства стала насмешка. Немец (европеец вообще) в России выглядит все более и более смешным, нелепым, его индивидуальные качества оказываются предметом насмешек и издевательств со стороны россиян, даже несмотря на то, что многие анекдотичные ситуации складывались из-за бытовой неустроенности или диких административных порядков России. Достаточно прочитать роман «Железная воля» для того, чтобы оценить причины того, почему иностранцы предпочитали в России жить отдельными колониями.

Мы рискуем даже предложить термин «левшизм» для названия этого явления – агрессивной и болезненной иронии, иронии с элементами юродства. Корень левшизма гнезился в том, что преимущество техническое рассматривалось как хитрость, не зафиксированная в документах, не отраженная в чертежах. И хитрость эта для русского человека не считалась «невидалью». Не случайно атаман Платов говорил Александру I по поводу интереса последнего «...к чему-нибудь иностранному»: «...у нас дома свое не хуже есть...». Генерал М.И.Платов был героем Отечественной войны 1812 года, олицетворением ее народного духа, представителем силы, неожиданно появившейся на исторической сцене, силы, которая обрушила военную мощь наполеоновской армии, спасла Россию и освободила Европу. Платов был не дикарь, привезенный смотреть диковинные вещи, а благодетель, спаситель, носитель воинских доблестей и ценностей, которые по российским меркам были выше ценностей гражданского, буржуазного общества. И это Платов демонстрирует безудержно: по поводу различных ухищрений для военнослужащих (для конницы смолевые непромокабли) он заявляет: «Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего

этого воевали и двенадцать языков прогнали». Он же обнаруживает русское происхождение удивительного по качеству пистолета.

Устами Платова Лесков объясняет причины кажущегося отставания русских мастеров: «...государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши – на что взглянут – все могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собой имеет, а через то в нем совсем другой смысл...».

То, чем можно было переплюнуть иностранных мастеров, изготовлялось как подвиг, как большой секрет, как воплощение озарения, как божественное служение. Работа началась не с раздумий, не с составления чертежей и не с изучения устройства доверенного механизма. Работа началась с паломничества в чтимый тульскими мастерами храм в городке Мценске, с поклонения иконе Святого Николая Мирликийского. Важность этого действия подчеркивается тем, что времени им было отпущено совсем немного – две недели. От Тулы до Мценска – около 130 верст, так что половина отпущенного времени ушла на богомолье. Общение с иконой вида «грозного и претрашного» оправдывалось огромным значением вдохновения в этом деле.

Это ярчайшее свидетельство принципиально иного подхода к производству. Одним из важных моментов является изменение ориентации в определении преимущества одного народа перед другим: на первое место здесь вышло искусство производственное, не военная сила и не богатство. Здесь ясно показано огромное значение религиозного воодушевления, которое стало стимулом для «ударного» труда: ведь мастера работали не за деньги, не под страхом наказания. Стимулом была профессиональная честь, в данном случае совпадавшая с честью нации. Характерен и режим работы мастеров – без сна, без отдыха, без пищи, с потерей интереса ко всему окружающему. Это типичный российский режим работы-подвига.

О характерности ремесленного подхода к изготовлению продукции говорит и то, что туляки ничего конкретного Платову не обещали, и, судя по всему, не по знаменитой тульской хитрости, а потому, что на момент разговора они и сами не знали, что будут делать. Ремесленное изделие живет до своего рождения не в чертеже или модели, а в голове и душе мастера. Поэтому ремесленник-виртуоз должен иметь талант, без которого длительный тренинг, кропотливая передача опыта настав-

ником не даст необходимого результата. Обучение промышленного мастера на европейский манер имеет совсем другой характер: передача трудовых навыков происходит по оптимальной схеме, обеспечивающей максимальный педагогический эффект.

Соединение законов сказочного повествования и отражение действительного характера российского производства проявилось в описании получения готового изделия Платовым: к моменту его приезда «...заколачивался последний гвоздик» – это можно рассматривать как неумение распределять рабочее время, что является одной из важнейших составляющих технологической дисциплины и организации производства.

В этой же повести нашло свое отражение и стремление императора Николая I развивать техническое образование и технику в России. Его радость по поводу успеха тульских мастеров была искренней, т.к. подкованная блоха символически устраняла отставание страны, намеки на которое очень болезненно воспринимались царем.

Англичане, восхищенные мастерством Левши и его товарищей, в то же время сразу отметили коренной порок русского чуда: не зная четырех действий арифметики, они не рассчитали нагрузки подков, в результате чего блоха не смогла танцевать. Но практическая сторона русских мастеров и не интересовала. Ремесленное изделие при своей близости к искусству может страдать от недостатка практической, технической проработки. Ремесленник в своем подходе к изделию сближается с художником, который не считается с возможностью практического применения своего творения. В результате эстетические начала могут подавлять начала практические или, по меньшей мере, эти практические начала теснить. Художественное оформление ремесленных изделий сильно отличается по своей сути от промышленного дизайна, который почти полностью подчиняется задачам технологии конкретного производства и отражает иные эстетические установки.

Лесков признает, что машинное производство нивелировало уровень специалистов: «...машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд. Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью...»

«Технологические» проблемы восприятия элементов западной культуры появляются на страницах многих произведений Н.С.Лескова. В повести «Запечатленный ангел» он показал, как обыкновенный русский кузнец нашел способ обрезки мощных стальных креплений, не понижая их качества и не прибегая к сложным механизмам. В повести «Загон» приведен известный анекдот о графе Перовском, который ратовал за широкое распространение современных сельскохозяйственных орудий, и в том числе английских плугов. Во время пробной пахоты, убедительно демонстрировавшей преимущество этого орудия не только над среднерусской сохой-ковырялкой, но и над тяжелым украинским плугом, к министру государственных имуществ подошел старик-крестьянин и между ними произошел такой разговор:

– Где так пашут?

– В Англии...

– Значит, там, где у нас хлеб покупают?

– Да, там...

– А где тогда мы будем хлеб покупать, если таким плугом пахать станем?

Граф не нашел должного ответа на крестьянский софизм.

Особенно примечательно злорадство, с которым об этом эпизоде говорили в столице, радуясь тому, как здорово русский мужик «срезал» англофильствующего министра. Эти настроения разделял и император Николай I.

Отношение к нововведениям с трудом могло быть позитивным, поскольку ими занимались власти, государство в лице чиновничества. Ответом на весьма полезные во многих случаях и меньшем числе случаев бескорыстные меры было либо упорное сопротивление со стороны крестьянства, либо не менее действенная фронда со стороны «образованного» класса. В повести «Загон» рассказывается о неудачном опыте помещика Всеволожского, который решил поселить крестьян в просторных кирпичных домах. Селяне наотрез отказались жить в них, «...купили себе самые дешевенькие срубцы, приткнули их где попало, на задах, за каменными жильями, и стали в них жить без труб, в тесноте и копоти, а свои просторные каменные дома определили "ходить до ветру", что и исполнили... По учреждении такого порядка на всех подторжях и ярмарках люди сообщали друг другу с радостью, что "райские мужики своему барину каменную деревню всю запакостили"... За что они на него злобствовали, этого, я думаю, они и сами себе объяс-

нить не могли, но только они как оцетинились, так и не приняли себе ни одного его благодеяния».

Н.С.Лесков разделял мнение тех, кто считал, что ведение хозяйства в России по европейским нормам практически невозможно: большинство иностранцев, которые вели дело в России, не сообразуясь с национальными особенностями, прогорали, а как только брались за дело «по-простому», т.е. по-русски, дела у них шли на лад.

Одной из причин недоверчивого отношения к западным техническим новшествам является распространение в XIX столетии массы шарлатанских изданий, чего следовало ожидать в условиях триумфального шествия печатного слова и появления возможности этим печатным словом заработать кусок хлеба. Отсутствие механизмов, способных отсеять откровенно безумные сочинения, приводило к наводнению рынка подобного рода творениями. Это все происходило на фоне тотального невежества и столь же тотального стремления это невежество преодолеть с помощью уже упомянутого печатного слова. Сама агрономическая и зоотехническая наука по многим вопросам бродила в потемках. Сказывалось и качество переводов с иностранных языков: недочувшившиеся студенты и даже гимназисты лихо переводили научные статьи, не владея специальными терминами и, что самое главное, не понимая смысла переводимого материала. Последствия применения таких переводов на практике комментариев не требует. Многие рекомендации были не адаптированы к российским условиям и не только не оправдывали возлагаемые на них надежды, но и нередко наносили урон излишне доверчивым и «начитанным» хозяевам.

В этом отношении характерны высказывания А.Н.Энгельгардта, европейски образованного человека, который стал смоленским помещиком, имея за плечами опыт работы в области химии и других естественных наук, т.е. он был человеком, который ориентировался в мире агрономии, по крайней мере. «Во всей этой массе книг и журнальных статей поражает отсутствие здравого смысла, практических знаний и даже способности вообразить реальное дело. ... Сейчас видно, что все эти книги пишутся людьми, которые никогда не хозяйничали. ... Учености в каждой статье тьма, а дела нет... Отчего в статьях по садоводству и огородничеству чувствуется живая струя, а от агрономических статей пахнет мертвечиной, кастрацкою вялостью? ... Не оттого ли, что статьи по огородничеству пишутся людьми, которые занимались своими огородами, а иногда от огородов своих только и получали средства

для своего существования, между тем как статьи по агрономии и скотоводству пишутся людьми, которые клевер сушили только для гербариев и много если разводили на грядках, скот видели только на выставках, а сливки видели только кипяченые – с пенками?... Недостаток агрономических книг у нас полнейший, хотя книг много. Беда тому, кто начнет хозяйничать при помощи этих книг. Недаром сложилось у нас понятие, что, кто хозяйничает "по агрономии", тот разоряется»¹⁵. Советы, которые давались земледельцам в различных агрономических изданиях, были фактически неприменимы на практике.¹⁶ Энгельгардт занимает особую позицию по отношению к «общей» линии развития земледелия и животноводства, которая большое значение придавала развитию техники. По мнению этого опытного землевладельца, «...различные факторы в хозяйстве, по их значению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут, потом работник, потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мертвым; хозяйство не фабрика, где люди имеют второстепенное значение, где стругающий станок важнее, чем человек, спускающий ремень со шкива; в хозяйстве человек – прежде всего; потом лошадь, потому что на дурной лошади плуг окажется бесполезным; потом уже машины и орудия. Но ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его улучшить могут только хозяева...»¹⁷.

Россия Нового времени старательно и в целом успешно перенимала у Запада технологические новинки в области промышленного производства, транспорта, военного дела и управления. Поскольку действие рыночных механизмов не могло стать достаточным стимулом для модернизации, главную роль по внедрению новшеств играло государство с его финансовыми и административными ресурсами. Но бюрократической системе свойственны известные изъяны, следствием которых были случаи технического отставания. После Крымской войны признание превосходства европейцев в технике стало одной из «заноз» в национальном самосознании, и один из способов уменьшения «боли» – особое насмешливое отношение к этому превосходству, которое

---

¹⁵ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С.131–132.

¹⁶ Там же. С.114–119.

¹⁷ Там же. С.166–167.

мы рискнули назвать «левшизмом». Наиболее невосприимчивым к новинкам оказалось сельское хозяйство в силу непоколебимости традиционной культуры земледелия и скотоводства, а также жесткой экономической эксплуатации деревни. Неравномерность развития России в различных сферах приводила к тому, что одни имели более «космополитический» облик, другие менее и в силу этого отличались способностью воспринимать чужеродные элементы. Одни технологии в силу имманентных свойств провоцировали отторжение национальной культурой, другие – не видели в новшествах «враждебных знаков».

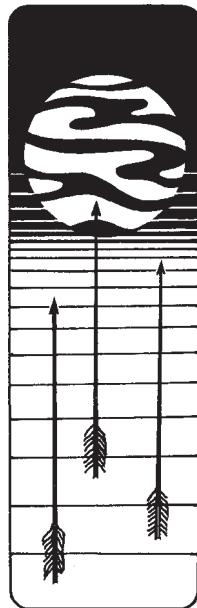
(Продолжение следует)

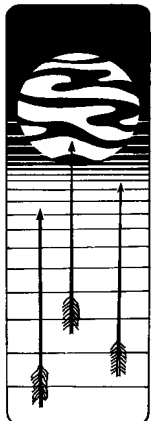
Истинное ядро Иларионовой мысли не теоцентрично, но скорее антропологично. Основной его интерес сосредоточен на истории... Это не просто часть греческой традиции, поскольку история, а особенно национальное толкование истории, не является излюбленным греческим подходом к богословию. В данном случае на русского писателя оказала влияние кирилло-мефодиевская мысль. Но Иларион воспринял ее с такой свежестью и смелостью, что она кажется

собственным его созданием, новым духом, оживляющим византийскую традицию. Позднее станет ясно, что этот пафос присущ не только Илариону, но и в целом молодому русскому христианству.

Г.П. Федотов

Владимир Мильков

ДУХОВНАЯ ДРУЖИНА РУССКОЙ АВТОКЕФАЛИИ: ИЛАРИОН КИЕВСКИЙ¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
27
930.2

The author reproduces and comments a set of little known book and epigraphic sources that are used as the basis for a detailed reconstruction of the most ancient phase of the Russian Church organization history. A set of measures aimed at assertion of the church organization autonomous from Byzantium is analyzed by the example of activities and creative works of Lukas Jidyata. The author appraises Lukas as the ally of Ilarion, the autocephalous Metropolitan. Lukas and Ilarion jointly substantiated the sovereign ideology of independent state power and of the Church independent of Greeks. The author concludes that there were contradictory tendencies in interrelationships of the Body of Priesthood and the Temporal Power that resulted in acute fluctuations of Prince Yaroslav the Wise that ended with the autocephaly winding down.

Ключевые слова: я древнерусская церковь; я автокефалия; я Иларионя Киевский; я ЯроЯтавя Мудрый; я идеология независимого я ОударЯтваяя автономной церкви. я

E-mail: яr_milkov@mail.ruя

¹Первую статью цикла («Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята») см.: Россия XXI. 2009. №2.

Иларион – старейший из отечественных мыслителей, чьи творения сохранились до наших дней. В ряду славных заслугами предков это одна из наиболее крупных личностей, значение которой выходит далеко за рамки своего времени. Яркое, выразительное и разностороннее дарование Илариона проявилось в переломную эпоху, на стыке язычества и христианства, когда новая вера ширилась и укоренялась, когда страна переживала мощный подъем в деле государственного, культурного и церковного строительства. Наследие мыслителя играет ключевую роль для выявления сути обозначившихся к середине XI столетия перемен. Заключение в его творчестве идеи во все последующие времена сообщали могучие импульсы русской духовности, искавшей в рамках православия собственных путей самовыражения.

Религиозно-политическая обстановка на Руси во второй четверти XI столетия

Деятельность Илариона приходится на время, которое не без основания называют золотой эпохой Ярослава. Выдающийся мыслитель-богослов, талантливый писатель и стратег духовного развития отечества был ярчайшей фигурой из ближайшего окружения древнерусского властителя. Многие начинания, включая разработку идеологии государственной независимости, осуществлялись при непосредственном участии верховного настоятеля молодой Русской церкви, в том числе и в период, предшествующий восхождению Илариона на ступень высшей церковной власти Руси. Тесное взаимодействие Ярослава и Илариона можно назвать редким примером плодотворного сотрудничества Царства и Священства, которое развилось на основании союза правителя и мудреца. Сотрудничество между двумя выдающимися личностями было достаточно кратковременным, поскольку оно приходится на киевский период биографии князя. К тому же их взаимодействие не было ровным и осложнялось политическим лавированием светской власти, неоднократно менявшей приоритеты в церковной политике. Однако на пике взлета Руси несомненным было совпадение устремлений этих двух выдающихся представителей светской и духовной элиты, результатом чего стала такая значимая веха в русской истории, как введение автокефалии. С именами Ярослава и Илариона, представлявших две ветви высшей власти, так или иначе были связаны наиболее крупные достижения и новшества в стране. Поэтому и Иларион, наряду с его всемогущим покровителем, также вполне заслуженно может считаться знаковым лицом эпохи.

Скульптурный портрет князя Ярослава Мудрого, выполненный по черепу из погребения в Софии Киевской (реконструкция М.М.Герасимова)

Время Ярослава и Илариона – это время свершений, преобразований и бурного расцвета Руси, это необычайно плодотворный период в государственном строительстве и формировании новой культуры на основе христианства. Начатая при Владимире Крестителе религиозная революция в годы правления его сына дала свои первые и весьма зрелые плоды. Появились неведомая прежде каменная культовая архитектура и принципиально новые виды искусства (мозаика, фреска, темперная живопись, книжная миниатюра). Росли и развивались Киев и другие древнерусские города, которые меняли свой привычный облик и из военно-политических образований превращались в культовые и книжные центры. Церковное строительство шло рука об руку с быстрым развитием ремесел и торговли, а потребности богослужения и государства дали толчок к широкому распространению грамотности. Наряду с освоением христианского наследия стало возможным читать труды собственных писателей и книжников. Практически минуя стадию ученичества, русские грамотники интенсивно формировали и накапливали бесценный фонд переводной и оригинальной письменности. Появились неизвестные христианским учителям древних русичей жанры литературы (летописание, «Русская Правда»), а также сочинения вне жанров (к ним относится «Слово о Законе и Благодати» Илариона и «Слово о пол-

ку Игореве»). Городская Русь становилась феодальной, христианской и грамотно-книжной.

Зримые явственные перемены происходили на глазах одного поколения и, конечно, не могли не отразиться в литературных произведениях той поры. Осмыслению нового качества страны, по сути дела, было посвящено все творчество Илариона. Кардинальные сдвиги и их оценка получили отражение в летописании. Наблюдения за изменениями и новшествами в самом центре Руси вдохновили одного из летописцев на возвышенно-поэтическую оценку достижений: «Заложил Ярослав город великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотых воротех святыя Богородица Благовещенье, посемь святого Георгия монастырь и святыя Ирины. И при семь нача вера хрестьяньска плодитися и расширяти(ся), и черноризьцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьце, и книгамъ прилежа, и почита е часто в нощи и въ дне. И собра писце многы и прекладаше от грекъ на словенское писмо. И списаша книги многы, ими же поучашеся вернии людье наслажаются ученья божественного. Яко же бо се некто землю разореть, другый же насеет, инии же пожинають и ядят пищу бескудну, – тако и съ. Отець бо сего Володимеръ землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветивъ. Съ же насея книжными словесы сердца верных людей; а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть истоцища мудрости; книгамъ бо есть неизетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть... Ярослав же сей, яко же рекохомъ, любимъ бе книгамъ, и многы написавъ положи в святей Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными, в ней же обычныя песни Богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по местомъ, поставляя попы и дая имъ от имения своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже темъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ. И умножишася прозвутери и людье хрестьянстии. Радовашеся Ярославъ, видя множество церквий и люди хрестьяны, зело, а врагъ сетовашеться, побежаемъ новыми людьми хрестьяньскими»².

² *Повесть временных лет. СПб., 2007. С.66–67.*

Приведенная здесь оценка результатов княжения Ярослава Мудрого помещена в «Повести временных лет» под 1037 годом, но, по мнению большинства исследователей, она дает обобщенную характеристику результатов всего правления второго в династии Рюриковичей христианского властителя. Естественно, к таким результатам Ярослава привел долгий, тернистый, с переменчивой удачей путь политика, а многие из деяний в начале этого пути князем вряд ли даже планировались. До середины 20-х годов XI века еще ничто не гарантировало, что вождь-деленный киевский стол окажется в распоряжении «хромца» (так за физический недостаток современники называли князя). После смерти отца Владимира все силы молодого князя уходили на устранение соперников. В 1015 году он выступил против Святополка, который был обвинен в убийстве Бориса и Глеба, и после трехмесячного стояния у Любеча одолел силы соперника. «Отъни и дедни» стол оказался в руках молодого и энергичного князя, распоряжавшегося до этого только новгородским уделом. Но, видимо, отношения с киевлянами не складывались, и вошедший в столицу победителем Ярослав вынужден был покинуть Киев. В следующем, 1017, году князь снова появляется в стольном граде. На сей раз пребывание в столице также не способствовало утверждению на отцовском княжении и было отмечено пожаром киевских церквей. Еще спустя год (1018) Святополк призвал в помощь поляков во главе с Болеславом. Совместные силы союзников нанесли сокрушительное поражение войскам Ярослава на реке Буг. В смятенном состоянии разбитый претендент на Киевское княжение снова бежал в Новгород и даже намеревался скрыться от своих противников за морем. Только благодаря решительности новгородцев, которые заставили утратившего волю к сопротивлению князя-неудачника продолжить борьбу, был осуществлен новый поход на юг.

Вскоре ситуация резко поменялась. Объединенные силы Святополка и половцев были разбиты на Альте набранным новгородским войском (1019). Ярослав вновь ненадолго овладел Киевом, но на главном княжении в Русской земле ему по-прежнему не удавалось закрепиться. Уже в 1023 году новгородского князя попытался вытеснить оттуда брат Мстислав, приведший под своими знаменами хазар и касогов. При решении спора на поле брани, овеянный славой победителя касожского князя Редеди, Мстислав нанес поражение Ярославу при Листвене (1024).

Однако фортуна неожиданно оказалась на стороне побежденного: взявший верх соперник неожиданно уступил «огень стол» Ярославу и предложил ему разделить сферы влияния в Русской земле на две облас-

ти, а границей считать линию Днепра. Правда, «счастливчик» осторожничал и не решался покинуть Новгород ради Киева вплоть до заключения мирного договора (1026), подкрепленного демонстрацией внушительных воинских сил: «и не смяше Ярослав ити в Киевъ, дондеже смириастя. И седяше Мьстиславъ Чернигове, а Ярославъ Новгороде... В лето 6534 (1026) Ярославъ совокупи воя многы, и прииде Киеву, и сотвори миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городьца. И разделиста по Дненпръ Русьскую землю...»³. Затем братья вместе ходили «на ляхов», воевали Червенские города, а приведенный полон расселялся по реке Роси, где возводилась оборонительная линия со стороны Степи (1031, 1032). Укреплению северо-западных границ русских владений в тот период служило основание крепости Юрьев в Прибалтике (1030). Активизация политики на внешнем направлении стала прямым следствием прекращения внутренней смуты и распрей.

Дуумвират, как прообраз будущей коллективной формы правления сыновей самого Ярослава⁴, был рожден обстоятельствами неустойчивого равновесия сил. Впервые за долгие годы в стране установился хрупкий мир. Несмотря на шаткость ситуации, именно сложившийся на основе этого дуумвирата порядок обеспечил стране столь желанную передышку и политическую определенность, без которой невозможна никакая созидательная деятельность. Летописец с удовлетворением констатировал: «И начаста жити мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли»⁵. Однако прославившие Ярослава культурные свершения были еще впереди. Фортуна же вновь оказывалась на стороне неутомимого соискателя Киевского стола.

Полновластным хозяином Русской земли Ярослав становится не на поле брани и не в результате тонко проведенных политических интриг. Неожиданная смерть его соправителя и соперника в 1036 году была очередным подарком судьбы и сделала вчерашнего новгородского князя полновластным хозяином всей Руси: «Мьстиславъ изыде на ловы, разболеся и умре... Посемъ же перяе власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Рустей земли»⁶.

С учетом уже начавшейся налаживаться мирной жизни, складывались предпосылки для дальнейшего перенесения усилий с ратных забот на созидательные. Не случайно церковные преобразования, культурные

³ Там же. С.65.

⁴ Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С.79.

⁵ Повесть временных лет. С.65.

⁶ Там же. С.66.

свершения и масштабное храмовое строительство приходится на 1037–1039 годы – пору постоянного пребывания князя в Киеве. До этого он вряд ли располагал временем, средствами и возможностями проводить независимую от брата церковную политику. Только в условиях внутренней политической определенности и мира во всей полноте могло развернуться восхищавшее современников строительство, собирание книг и распространение грамотности. Сосредоточение всех бразд правления в руках Ярослава стимулировало разработку собственной идеологии державного управителя большой, могущественной и «слышимой во всех частях мира» страны.

Конечно, подобные заботы требовали больших людских, интеллектуальных и финансовых ресурсов. И такие возможности объективно сложились. Поэтому поворотной хронологической точкой отчета кардинальных перемен в стране следует считать 1036 год. Именно тогда фиксируются первые шаги по утверждению церковной автономии в бывшем севернорусском уделе Ярослава. Это выражалось в самовластном, без участия митрополита и греческих церковных властей, назначении Луки Жидяты Новгородским епископом. Далее будет показано, что в это же время к участию в религиозно-политических и идеологических мероприятиях власти был призван Иларион. Характерно, что на арене политической жизни Лука и Иларион появляются вместе и сходят с нее практически одновременно (середина 1030-х – середина 1050-х годов). С деятельностью этих фигур оказались связаны новые веяния в церковной политике Ярослава: за репетицией автокефального устройства Новгородской епархии последовало провозглашение автокефалии всей Русской церкви. Переход к единодержавию удачливого сына крестителя Руси открывал оптимальные возможности для проведения автономной церковной политики и утверждения независимой от греков общерусской митрополии.

Новаторские преобразования, конечно, не были бы возможны в условиях смут и войн. Государственным умом Ярослав это хорошо понимал. Установившееся внутри страны спокойствие обеспечивалось целенаправленными мероприятиями власти, которая проводила активное укрепление рубежей и превентивные военные походы против внешних врагов Руси. Успехи на этом поприще были весьма и весьма значительными. В 1037 году Ярослав отразил у стен Киева (на месте, где была возведена затем София), последнее в его правление нашествие половцев. В том же году он замирился с Польшей и скандинавскими странами. Сам ходил на ятвягов (1038) и посылал сына Владимира на Ямь

(1042). Активной внешней политикой единоподержавный князь предотвратил угрозу нападения воинственных соседей и надежно укрепил границы. При нем военные действия вообще были перенесены за пределы Русской земли: в 1043 году был организован военный поход русских войск на Византию, а в 1047 году состоялся союзнический с поляками поход против восставших мазовшан.

Начиная с конца 30-х годов мир с ближними и дальними странами укреплялся не только ратными, но и дипломатическими усилиями. В 1039 году князь всей Руси женит старшего сына Изяслава на дочери Казимира Гертруде, а сам Казимир по некоторым данным в 1039–1043 годах берет в жены сестру Ярослава Марию-Добронраву. С 1034 по 1046 год Киев служит политическим убежищем для сыновей венгерского герцога Ласло, а один из них – Андрей – вступает на Руси в брак с дочерью Ярослава Анастасией и впоследствии становится королем Венгрии. В 1043 году еще одну дочь – Елизавету – выдают замуж за норвежского принца Гаральда Грозного, который ушел с военной службы у Константина IX Мономаха как раз в год начавшейся войны русских с греками. Тесные взаимосвязи Руси с католическими дворами Европы и западные политические приоритеты надо учитывать при выяснении причин русско-византийской войны 1043 года. Демонстративное упрочение контактов с Западом происходит в преддверии схизмы на фоне разрыва отношений с Византией и провозглашения автокефалии. В 1048 году устраивается знаменитый брачный союз Генриха I и Анны, ставшей королевой Франции. Крепкие матримониальные союзы с королевскими домами Франции, Норвегии, Венгрии, Польши способствовали сохранению внутреннего мира, упрочению границ, создавали условия для внутренней созидательной деятельности и концентрации сил в противостоянии с Византией (опять-таки за границами собственных владений). Заключение мира с греками (1052) было закреплено женитьбой сына Ярослава Всеволода на дочери Константина. От этого брака в 1053 году, всего за год до смерти Ярослава, родится знаменитый в последующем правитель страны и писатель – Владимир Мономах.

Ярослав оставил своим наследникам собранные под его управлением русские земли, укрепленные границы, процветающие в условиях мирного строительства города. Но главное – перед смертью он «урядил своих сынов» и дал им отцовскую заповедь: пребывать в любви и не жить во вражде, дабы не губить земли, добытой делами предков. Более того, он распорядился во всем повиноваться старшему из братьев, которого приказал воспринимать наследником «в отца место»: «...имейте в

собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери (в отличие от потомства Владимира. – *В.М.*)... Аще ли будете ненавидно живущие, в распряхъ, в распряхъ и которающа, то погыбнете сами, и погубите землю отцев своихъ и дедъ своихъ.... но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе место старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киеву; сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будете в мене место»⁷.

Из собственного опыта князь знал, к каким издержкам и пагубным последствиям ведет стихийное соперничество внутри правящей семьи за верховное господство в стране. Ведь он пролил много крови, когда участвовал в отвоевывании владений Владимира, не «урядившего» наследование власти. Считается, что завещание Ярослава фиксирует новый порядок властного устройства в государстве – майорат. Впоследствии он будет многократно нарушаться, а инициаторы войн и конфликтов будут ориентироваться не на завещание Ярослава, а на право сильного. И тем не менее установленный Ярославом порядок на протяжении нескольких столетий будет единственной легальной силой на путях преодоления междоусобий. Сыновья Ярослава – Изяслав, Святослав и Всеволод – попытаются реализовать завет отца и на некоторое время составят триумvirат, который на деле окажется ненадежной формой прикрытия взрывавшего удельного размежевания. Объективным индикатором грядущего распада при Ярославичах являлась Церковь. Единая во времена Ярослава, она в соответствии с новыми политическими границами дробилась на три митрополии.

Происходившие в стране процессы не были однозначными. В условиях складывавшегося триумvirата сыновья Ярослава даже пытались в определенном смысле продолжить церковную политику отца, поскольку титулярные митрополии Переяславля и Чернигова возглавили русские по происхождению иерархи – Ефрем и Иоанн соответственно. Только считавшийся общерусским Киевский стол, за исключением кратковременного пребывания на нем в 1096 году Ефрема, последовательно закреплялся за греками⁸.

---

⁷ Там же. С.70.

⁸ О церковном строительстве в рамках своеобразной политической системы см.: Поппэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. Т. XXVIII. М., 1968. С.85–110; Т. XXIX. М., 1969. С.95–105; Шапов Я.Н. *Государство и церковь в Древней Руси: XI–XII вв.* М., 1989. С.56–62; Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* М., 2001. С.545–546.

От той динамичной эпохи культурного взлета сохранилось не так много рукописных книг и далеко не все возведенные за годы резкого подъема страны постройки. Но из исторических источников известно, что за период правления в Киеве Ярослава был построен и украшен величественный митрополичий собор (Киевская София, 1037–1040-е годы); возведены городские укрепления (т.н. Ярославов город) с каменными Золотыми воротами и Благовещенской церковью на них; появились первые монастыри (Киево-Печерский, основанный духовным сподвижником Илариона Антонием; ктигорские княжеские монастыри – Георгиевский и Иринин). Небывалый размах строительства в Киеве приходится на 1036–1050-е годы, когда Ярослав окончательно переместился из Новгорода в Киев и стал чувствовать себя там полноправным владыкой и хозяином⁹. Обстановка способствовала благоденствию на широких пространствах Руси (в том числе и в не находившихся под контролем киевского князя владениях). Появились величественные храмовые постройки и в других городских центрах: Новгородская София (1045–1050); Полоцкая София (середина XI в.); Спасский собор в Чернигове (1030–1040-е годы). Увеличение числа культовых сооружений требовало умножения книжных богатств и расширенного производства «узорочья церковного». Ювелирные изделия церковного назначения той поры поражают разнообразием, изяществом и богатством.

Деяния по налаживанию государственного устройства выражались не только в форме упоминавшегося выше политического завещания Ярослава. Происходившие изменения в социальной и религиозной жизни страны получали юридическое оформление. После успешного похода на Киев в 1016 году Ярослав дал новгородцам Правду и Устав, который был первым законодательным актом¹⁰, регулирующим отношения в социальных верхах, в среде горожан и с пришлыми варягами. Как исходная часть пополнившейся «Русской Правды», действие этих установлений в годы правления Ярослава в Киеве распространилось и на другие области Руси. Совместно с Иларионом было разработано церковное законодательство, которое в полном соответствии с церковной автономией страны порывало с греческими юридическими традициями (об этом подробнее ниже). Входила в обиход практика титулования Ярослава каганом (более высоким титулом, чем князь) и царем (подоб-

---

⁹ *Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987. С.179.*

¹⁰ *Приписанный Владимиру Крестителю Устав, как доказано, является документом XII–XIII веков.*

но византийским василевсам). И возведения пышных построек, которые призваны были затмить размерами да красотой греческие церкви, и тенденциозное введение в обиход обращений к князю как к цесарю, и многозначные уподобления киевского правителя библейским персонажам да византийскому императору Константину, наконец, подобное греческим монархам вмешательство князя в дела Церкви, а также издание собственных гражданско-правовых и церковно-юридических установлений – все стимулировалось соперничеством Руси с Константинопolem и единоверными греками¹¹.

Апофеозом этого соперничества, осуществлявшегося одновременно с активным усвоением христианских ценностей и перестройкой общественного сознания на основах библейско-монотеистического мировоззрения, стало введение автокефалии (1051), которое было обставлено демонстративным возведением на митрополичий престол русского по происхождению кандидата. Выдвинутый князем на этот пост и утвержденный собственными епископами, Иларион не имел даже святительского сана, да и монашество, судя по всему, приближенный к князю иерей принял накануне процедуры избрания и на stolования. Одобрения патриархией избранника Ярослава мы не видим, как не видели мы участия митрополита в назначении Луки.

---

¹¹ По сути дела, сначала Ярослав, а затем его ближайшие преемники, закладывали стереотип взаимоотношений духовной и светской власти, который во многом повторял модель взаимоотношений византийских императоров с высшим греческим духовенством. Практика командных гегемонистских вмешательств князей в дела финансово зависимой от них Церкви была фактически повсеместной. Церковные иерархи лишь придавали таким назначениям видимость каноничности, утверждая на церковных должностях необходимых властителям кандидатов. Даже после того, как греки получили право назначать митрополита, на епископских должностях (за редкими исключениями) оказывались княжеские назначенцы из местных кадров. Князя определяли назначения на высокие церковные должности, но выглядело это, при реальном распоряжении с их стороны делами церковно-политическими, как выдвижение кандидата на поставление (позднейшие примеры см.: Полное собрание русских летописей //Далее – ПСРЛ/. Т.1. М., 1962. Стб.280–281, 283, 292, 296; ПСРЛ. Т.2. М., 1962. Стб.274, 277). Греческие иерархи вынуждены были терпеть зависимость Священства от Царства (данная особенность на обширном эмпирическом материале детально рассмотрена в следующих исследованиях: Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т.2. Первая половина. М., 1901. С.359–361; Русское православие: веки истории. М., 1989. С.23; Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т.1. М., 1991. С.187, 215, 223, 233; Макарий, митр. История Русской церкви. Кн.II. М., 1995. С.263, 398.

Несомненно, реализация автокефального проекта, венчавшего самодержавные устремления, является одним из наиболее важных деяний властелина Руси. Но Иларион был вторым по счету главой Русской церкви, а до него на этом посту летописи под 1039 годом фиксируют пришлого из Византии грека Феопемпта¹². Резкая перемена курса трудно объяснима. Так или иначе, летописи отразили какие-то колебания и изменения в проведении внутренней и внешней политики. Под 1037 годом в них сообщается, что освящение храма Св. Софии непосредственно было связано с учреждением митрополии как института: «...того же лета священа бысть церковь святыя Софииа въ Киеве. Устави митрополю. И устави Ярославъ митрополию, и распространи наипаче, и две церкви постави...»¹³. Если митрополия, согласно летописи, учреждается Ярославом в 1037 году, то действия греческого первоиерарха впервые фиксируются только несколькими годами позже – греческий ставленник Феопемпт на митрополичьем престоле появляется в 1039 году. Буквально несколько лет спустя (1043) организуется крупномасштабная военная экспедиция против Византии. Еще через 8 лет (1051) митрополичий престол занимает поставленный с нарушением канонических правил (а по сути дела, назначенный князем) русский первоиерарх. Автокефалия продержалась недолго. После смерти Ярослава Русская церковь снова переходит под греческое подчинение (с 1055 года стол занимает греческий митрополит Ефрем)¹⁴. Сложно сказать, планировал ли Ярослав переход к иерархическому подчинению Русской церкви грекам после утверждения на посту митрополита Илариона. Зато достоверно известно, что приход к церковной власти высшего греческого духовенства сопровождался переосвящением (как еретических) киевских храмов и вытеснением национальных церковных кадров с арены церковной жизни.

Неустойчивость организационных форм древнерусской Церкви при Ярославе и резкие изменения ее юрисдикции до сих пор не получили убедительного истолкования. Отставка с политической арены крупных церковных деятелей, пастырским тружением и творчеством обеспечивавших идеологию государственной власти, свидетельствует о смене ориентиров и о перестройке отношений между Священством и Царством. Видимо, колебания были связаны с тем, что в соответствии с кано-

¹² ПСРЛ. Т.1. Стлб.153.

¹³ ПСРЛ. Т.9. М., 2000. С.80. Ср.: Т.6. Вып.1. М., 2000. Стб.177; Т.43. М., 2004. С.53.

¹⁴ ПСРЛ. Т.4. Ч.1. М., 2000. С.118; Т.3. С.54–55; Т.6. Вып.1. С.183; Т.9. С.91.

ническими принципами Ярослав готов был пойти на административные уступки Константинополю, но одновременно хотел сохранить дела церковные в своем подчинении.

Как волевое назначение князем новгородского святителя не вполне уязвляется с последующим появлением греческих первоиерархов в Киеве, так же сложно объяснить скорую замену грека Феопемпта на русского Илариона. Предшественник русского первоиерарха пробыл на своем посту всего несколько лет (надо думать, до начала войны 1043 года). Трудно полагать, что учреждение митрополии не планировалось заранее. Приглашая греческого митрополита, Ярослав скорее всего рассчитывал придать вид законности как новгородской епархии, так и всей церковной организации. Тем не менее, решив установить константинопольское подчинение после 1037 года, он обгоняет события и назначает новгородского епископа Луку еще до водворения греческого митрополита в Киеве. Можно считать, что, непосредственно и единовластно (без высших духовных властей) устраивая дела новгородской епископии, князь сделал первый шаг в проведении церковной реформы. Не исключено, что свободу действий по контролю за церковными институтами в подвластных землях он планировал совместить с соблюдением канонических норм. Последующие размирие с Византией и прямое введение автокефалии обнаружили изъяны такой модели взаимоотношений с Константинополем. Возвращение из Византии изувеченных русских пленников после неудачной кампании 1043 года мало способствовало сближению стран и Церквей¹⁵. Надо полагать, что вмешательство в русскую жизнь греческого духовенства, несклонного потворствовать нарушениям канонов, с его оглядкой на имперские интересы быстро отрезвили древнерусского властителя. В прояснении данных вопросов исследователи неизменно встают на зыбкую почву гипотез. Отсутствие прямых свидетельств в некоторых случаях заменяет реконструкция духовного климата эпохи.

Своеобразие идейно-религиозной ситуации на Руси на начальной стадии ее христианизации

Из-за крайней скудости документальной базы и гипотетичности реконструкций в понимании начального этапа истории Русской церкви до сих пор остается много неясного и противоречивого.

---

¹⁵ *Как враги империи, пленники подверглись ослеплению и отсечению рук (см.: Кузьмин А.Г. Ярослав Мудрый // Великие государственные деятели России. М., 1996. С.31).*

Характеристика идейного климата в стране на начальной стадии ее христианизации должна выявлять тенденции и закономерности всего раннехристианского периода, а не только княжения Ярослава. Некоторые особенности приобщения страны к новой вере лучше просматриваются в исторической перспективе.

Весьма красноречиво умолчание византийских источников о самом факте принятия Русью христианства¹⁶. От первых упоминаний иерархов на Руси отталкиваются исследовательские ретроспекции и гипотезы. Тем не менее целый ряд авторов склонен связывать подчинение Русской церкви грекам непосредственно с крещением Руси при Владимире¹⁷. На этом фоне смена грека на русского, а затем русского на грека (Феопемпт – Иларион – Ефрем) объясняются тем, что выдвижение русского кандидата не нарушало изначально установившегося порядка подчинения Константинополю и формально было санкционировано греческой патриархией. Канонического самоуправства и конфликта Руси с греками на почве автокефалии такие исследователи не усматривают. С этих позиций отрицается и сам факт церковного раскола, а история назначения Илариона расценивается как «акт непросвещенного благочестия»¹⁸. Ни отсутствие прямых свидетельств русских и греческих источников об устойчивых связях первого поколения русского духовенства с Константинополем, ни различные версии крещения Владимира, которые могут отражать соперничество различных христианских общин в борьбе за влияние на Руси, ни данные о специфическом характере первоначально-

¹⁶ Глухие упоминания о русском митрополите при Владимире ближайшими современниками – Яхьи Антиохийским (ум. ок. 1066 г.) и Иаковом Мнихом (в «Памяти и похвале Владимиру») – обобщенно стереотипны и не подтверждаются другими источниками.

¹⁷ См.: Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси... С.23–32; Laurent V. Aux origines de l'Eglise russe: L'établissement de la hiérarchie byzantine // *Echo d'Orient*. 1939. T.38. P.279–295; Honigmann E. *Studies in Slavic Church History*. A) The Foundation of the Russian Metropolitan Church According to Greek Sources // *Byzantion*. 1944/1945. T.17. P.128–162; Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039 // *Osteuropa und der deutsche Osten*. Bd.6. Köln; Braunsfeld, 1959. S.48–52; Poppe A. *Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku*. Warszawa, 1968. S.8–28.

¹⁸ Соколов Пл. Русский архиепирей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С.50. – Ср.: Поппэ А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси... С.95–96; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С.149; Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // Мюллер Л. *Понять Россию: историко-культурные исследования*. М., 2000. С.92.

го русского христианства, наконец, ни прямые свидетельства о повторном освящении греками русских храмов и показательная история княжеского ставленника Луки Жидяты, подвергнутого преследованиям греческого митрополита, в расчет не принимаются. В системе доказательств сторонники такой трактовки начальной истории Русской церкви, за неимением прямых свидетельств, вынуждены оперировать поздними данными, в которых проблема церковного подчинения русских решалась задним числом.

Поскольку канонический взгляд предполагал подчинение вновь обращенной страны Матери-церкви, то исследователи изыскивали указания об иерархических связях Русской и Греческой церквей и о присутствии в стране митрополитов. Естественно, что, за отсутствием прямых источников, основные усилия были сосредоточены на поиске косвенных свидетельств древности русской митрополии в византийских, арабских и других документах. Характерно, что сначала средневековые авторы, а затем и опирающиеся на их тексты ученые исходили из того, что **должно быть** согласно церковной традиции и канонам. Проблема остро ощущалась уже в домонгольскую эпоху и в произведениях этого времени задним числом прописывались имена «недостающих» первоиерархов. Так, уже в «Уставе Владимира», составленном в XII–XIII веках, первым русским митрополитом называется то Михаил, то Леонтий, при том, что в списке первых митрополитов фигурируют оба, только в разной очередности¹⁹. Согласно составленным в XV веке спискам предстоятелей Русской церкви первые митрополиты у нас появились сразу после принятия крещения. Перед Феопемптом, Ларионом и Ефремом составитель перечня поместил Леона, Михаила, Иоанна²⁰. Брешь первого полувека закрывается также известием «Книги Степенной царского родословия», в которой на основе легендарных данных приводятся недостоверные сведения о митрополите Леонтие²¹. Макарий в «Истории Русской церкви», опираясь на достаточно произвольные ретроспективные описания средневековых авторов, к числу первых митрополитов относил Михаила (988–992), Леонтия (992–1008), Иоанна (1008–1035)²². Только последний в этом ряду упоминается в заслуживающих доверия

¹⁹ См.: *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / Изд. подг. Я.Н.Щанов. М., 1976. С.15, 16, 19. Ср.: С.18, 22, 30.

²⁰ ПСРЛ. Т.4. Ч.1. С.624.

²¹ ПСРЛ. Т.21. Вып.1. СПб., 1908–1913. С.113.

²² Макарий, митр. Указ. соч. Кн.II. С.27, 32.

источниках, хотя не во всех. Митрополит Иоанн I упоминается под 1008 годом в Никоновской летописи, но среди заведомо фантастических известий²³. Это фигура легендарная, поскольку митрополит выведен современником Владимира Крестителя и строителем отсутствовавших на то время церквей. Срабатывала известная уже по прежним отсылкам логика – закрыть брешь, ибо Церковь в стране не может существовать без предстоятеля. Характерно, что Иоанн в древнерусских агиографических текстах фигурирует то как митрополит, то как архиепископ²⁴. Еще А.А.Шахматов считал, что первый русский иерарх имел титул архиепископа, а не митрополита²⁵. Присутствие в Киеве архиепископа с таким именем подтверждается сообщением Титмара Мерзебургского, описывавшего вступление польских войск в стольный град в 1018 году²⁶. Все вместе скорее свидетельствует об отсутствии митрополита в Киеве в указанный период и о какой-то особой организации церковной жизни в стране в эти годы. Именованию архиепископа митрополитом мы обязаны все той же логике должного. Проблематичной фигурой Иоанна, о функциях которого нам ничего не известно, «брешь» между 988 и 1037–1039 годами не закрывается. Тем более, что даже сторонники изначальной зависимости Руси от Константинополя признают недостоверность сведений о Михаиле и Леонтии²⁷.

²³ ПСРЛ. Т.9. СПб., 1862. С.69. – См. об этом: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С.206.*

²⁴ *Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подг. Д.И.Абрамович. Пг., 1916. С.17–19, 53–59.*

²⁵ Шахматов А.А. *Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. 1914. №4. С.54.*

²⁶ См.: Назаренко А.В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С.187.*

²⁷ И Михаил, и Леонтий значатся в списке А.В.Назаренко как гипотетические фигуры (См.: Назаренко А.В. *Архиереи Русской Православной Церкви (кон. X – сер. XIII в.) // Макарий, митр. История Русской церкви. Кн. II. М., 1995. С.663*). Оба первоиерарха, как убедительно показал А.В.Поппэ, ошибочно воспринимались составителем «Устава» современниками патриарха Фотия и в то же время Владимира Крестителя. При этом Михаил смешивался с Михаилом Синкеллом и одновременно с епископом для крестившейся в 867 году Руси, а второй – с автором полемического трактата об опресноках, который не мог появиться ранее 1054 года (См.: статью А.В.Поппэ в: *Byzantion. Bruxelles. 1965. Т.35. P.524–527; Поппэ А.В. Митрополиты Киевские и Всея Руси (988–1305 гг.). С.192; Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси... С.57; Подскальски Г. Указ. соч. С.44, 48*).

Упоминание в перечне подчиненных Константинополю кафедр некой России (помещенной в документе между митрополиями Помпейуполиса и Алании) не может служить веским аргументом в пользу мнения о нахождении страны под властью патриарха уже при Владимире²⁸. Во-первых, неясно, о какой из многих Росий идет речь, а во-вторых, составление списка отстоит на два–три столетия от анализируемых событий и никаких прямых указаний на Киевскую Русь не содержит. Серьезным аргументом в пользу учреждения митрополичьей кафедры на Руси в ближайшие к принятию новой веры годы могли бы быть ранние свидетельства о существовании Софии Киевской²⁹. Но летописные данные 1036 года об описании битвы с половцами, «идеже стоит ныне с(вя)тая Софья, митрополя Русьская»³⁰, не позволяют однозначно соотносить с каменной Софией выявляемые исследователями более древние свидетельства об одноименном храме. Достаточно надежные упоминания летописей о строительстве митрополичьей постройки вскоре после 1036 года не укладываются в концепцию ранней датировки храма Софии. Одноименный храм действительно мог существовать в Киеве, но только на ином месте и митрополичьим не был³¹. Намерение удревнить

²⁸ См.: Darrouzès J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981. P.343, 349, 381,388.

²⁹ Летописи дублируют сведения о закладке Святой Софии под 1017 и 1037 гг. (ПСРЛ. Т.6. Вып.1. Стб.129, 177; Т.4. Ч.1. С.108, 114; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950). Факт существования Софии к моменту занятия Киева Болеславом в 1018 году вроде бы подтверждается Титмаром Мерзебургским, но этот рассказ читается в контексте абсолютно неправдоподобного упоминания четырехсот киевских церквей (см.: Назаренко А.В. *Немецкие латиноязычные источники... С.141–143; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С.329*). Однако нет полной уверенности, что речь идет об одном и том же храме. Бесспорен только факт пожара в Киеве в 1017 году, во время которого пострадала церковь Софии, но то могла быть одноименная и к тому же деревянная постройка (см.: Назаренко А.В. *Древняя Русь на международных путях... С.472–475*).

³⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб.151.

³¹ В последнее время исследователи, отталкиваясь от ранних упоминаний Софии, предпочитают попытки датировать завершение строительства ныне существующей каменной Софии последними годами жизни князя Владимира, а данные 1017 года связывают с восстановлением храма после пожара и его росписью. Основанием служит принятие датировки Петра Могилы, который заложение Софии относил к 1011 году, а также искусствоведческие соображения, опирающиеся на эту датировку (Описи Київського намісництва 70–80 років XVIII ст.: Описово-статистичні джерела. Київ,

Софию с опорой на выделение пласта ранних граффити³² также гипотетично и вызывает обоснованные возражения³³. Аргументы о существовании храма с 1017 года не могут быть безоговорочно приняты. В первую очередь, в силу того, что София не стала усыпальницей ее предполагаемого основателя (Владимира Крестителя). Как известно, первым погребается в ней сам строитель Ярослав, а затем потомки Ярослава по линии Всеволодовичей. Из всего следует, что главным храмом Руси до Софии была Десятинная церковь. Поэтому гипотезу об учреждении Киевской митрополии сразу или в первые годы крещения нельзя признать абсолютно бесспорной.

В историографии также обосновывается и противоположная точка зрения, сторонники которой приходят к выводу об изначальной независимости русского христианства от восточнохристианского центра³⁴, а первым митрополитом-греком считают Феопемпта³⁵. Документальные основания для такого понимания процессов имеются. Кроме переработанных и дополненных списков русских первоиерархов, существует перечень русских митрополитов, начинающийся с Феопемпта. Список

1989. С.32, 189, 292; Никитенко Н.Н. *Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С.237–244; Она же. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 2004. С.72–73, 88, 341).*

³² *Высоцкий С.В. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.) Вып.2. Киев, 1976. С.9–12; Он же. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. С.20–39.*

³³ *Поптэ А. Граффіті й дата спорудження Софії Київської // Український Історичний журнал. 1968. №9. С.94–97; Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2005. С.512–513.*

³⁴ *См.: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С.17–43 (критику развиваемой М.Д.Приселковым концепции церковной зависимости Руси к Греческой церкви в процессе борьбы национального и византийского начал см.: Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. 1914. №4. С.30–60); Карташев А.В. Указ. соч. Т.1. С.159–161. – К мысли об изначальном кратковременном существовании автокефальной от Константинополя митрополии склонялся Е.Е.Голубинский (См.: Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т.1. Первая половина. М., 1901. С.229–234).*

³⁵ *См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.44; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С.164; Кузьмин А.Г. Начало Руси. М., 2003. С.352.*

перечня обнаружен в Польской Национальной библиотеке и относится к последней четверти XV века. По своему происхождению этот текст более ранний, чем осложненные позднейшими включениями списки русских первоиерархов в новгородских летописях. Источник датируется периодом между 1283–1308 годами³⁶. Изначальность данной традиции подтверждается сведениями летописей. Кроме «Повести временных лет», Феопемпта именуется первым русским митрополитом Новгородская первая летопись младшего извода³⁷. Тот же счет предстоятелей Русской церкви отражает и Устюжский летописец, в котором поставленный в 1051 году Иларион назван вторым митрополитом³⁸. Весьма симптоматично, что митрополиты начинают попадать в поле зрения летописцев начиная только с Феопемпта, ранее которого митрополичьи печати на Руси неизвестны³⁹. Ту же хронологическую глубину митрополичьего института в стране фиксируют данные синодиков⁴⁰. Все вместе отражает существенный сдвиг в характере церковно-политических взаимоотношений Киева и Константинополя. В первую половину княжения Ярослава греческие нормы практически не оказывали влияния на быт властных верхов, о чем свидетельствует безбородое изображение князя на монетах и печатях. Это может означать только одно: существенные перемены в церковной жизни страны происходят после появления греческих иерархов.

³⁶ См.: *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной республики* / Сост. Я.Н.Шапов. Вып.1. М., 1976. С.51; Вып.2. С.139; *Письменные памятники истории Древней Руси*. СПб., 2003. С.106–107.

³⁷ См.: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / Под. ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950. С.163. – К сожалению, этот список дошел до нас в дефектном виде: не упоминается Ефрем, есть перестановки и другие изъяны. Тем не менее, тенденция очередности не была нарушена.

³⁸ ПСРЛ. Т.37. Л., 1982.С.27.

³⁹ См.: Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т.1. М. 1970. С.44, 174. №41. – Еще одна печать этого святителя, место находки которой не выяснено, хранится в США (См.: Янин В.Л., Гайдуков П.А. *Актовые печати Древней Руси*. Т.3. М. 1998. С.27, 261. №41).

⁴⁰ *Синодик Новгородского Софийского собора (Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С.572); Синодик из собрания РГБ. Муз. №4416. Л.88 а (лицевой синодик боярина Бориса Михайловича Лыкова – после 1644 г.); Синодик из собрания ГИМ. Боряч. №337. Л.29 б (текст датируется временем после 1652 г. – Феопемпт в нем упоминается в одном ряду с Иоанном).*

Реальная действительность всегда богаче умозрительных схем (тем более что в рамках христианства в ту пору действовали далеко неоднозначные тенденции), а светская власть при своем выборе веры руководствовалась прежде всего целями сохранения политического суверенитета. Исходя из этих установок, совершенно закономерной выглядит попытка Владимира сначала реформировать язычество и лишь затем принять ту версию христианства, которая оставляла руки максимально свободными. Так же и Ярослав – сначала ломает установленный отцом церковный порядок, а затем экспериментирует с назначением Луки. Сначала призывает греков, а затем, неудовлетворенный привносимыми Константинопольской патриархией порядками, делает резкий шаг в сторону автокефалии. По сути дела он возвращается к автономной церковной политике отца, только уже на основах иерархического построения духовных институтов и четкой субординационной зависимости Священства от Царства. Последовавший в 1054 году уход из жизни князя-экспериментатора открывает возможность для восстановления церковной зависимости Руси от Византии. Логика поступков повторяется, как будет она повторяться затем при Изяславе Мстиславиче (митрополит Климент Смолятич), Андрее Боголюбском (Федорец), Дмитрие Донском (Митяй). Споры об этих судьбоносных для отчества событиях прошлого не утихают на страницах печати, но редко кто выстраивает линию преемственности между этими явлениями. Чтобы правильно понять всю цепь событий, надо определиться с исходным звеном. А в его понимании единства как раз и не наблюдается.

В решении сложных и необеспеченных источниками проблем нет однозначных ответов. И в таких случаях бесполезен поиск различных возможных тенденций в религиозной истории страны. Другими словами, проблему церковного устройства вряд ли плодотворно рассматривать только в рамках взаимоотношений Русь – Византия, особенно с учетом широчайшего международного контекста нашей истории. Еще известный историк Русской церкви А.В.Карташов обращал внимание на то, что с точки зрения политической целесообразности светская власть принимала превентивные меры, дабы не попасть под влияние Константинопольской патриархии, являвшейся одним из инструментов гегемонистских устремлений василевсов.

На Руси знали о посягательстве на государственный суверенитет славянских стран со стороны Византии. На Руси вполне могли использовать опыт болгар (а позднее сербов), боровшихся за автокефалию, которая обеспечивала максимальную независимость от греков. Нельзя

исключать и сознательной опоры русских на давно отжившие в Греческой церкви раннехристианские порядки. В частности, в древней славянской Кормчей воспроизводились 123-я и 137-я новеллы Юстиниана, рекомендовавшие избрание епископа при участии наиболее достойных из мирян⁴¹. Право национальной Церкви на то, чтобы иметь собственного митрополита, также гарантировалось 28 правилом IV Вселенского собора⁴². Оно предписывало избрание кандидата в митрополиты окружным собором епископов с последующим утверждением патриархом (аналогично и 6 правило Сердикийского собора)⁴³. Подобные установления вполне могли бы устраивать русских князей, которые тем самым получали возможность проводить своих людей через соборы местных епископов.

Однако ко времени Ярослава в Константинополе прочно утвердился практика выдвижения синодом нужной для императора фигуры⁴⁴. Уже сам факт возможности выбора «выгодных» для русской власти рекомендаций мог служить оправданию ее действий, направленных на достижение религиозного и политического суверенитета страны. Но такое прочтение правил не могло удовлетворить Константинополь, с его выработанной методикой по нейтрализации шагов к обретению церковной автономии дочерних Церквей. Политическая конъюнктура корректировала практику церковной организации. Редакции славянских церковно-юридических кодексов сохраняют установления, которые из греческих законодательных сборников вычеркивались по мере устранения из обихода соответствующей практики. А если выбрасывалось не все, то оставалась возможность прочтения установлений «в свою пользу». Ситуация с переводами церковного законодательства очень близко напоминает отбор книг Кириллом и Мефодием, а затем другими славянскими переводчиками. Ими была востребована христианская классика и игнорировалась современная книжность Византии. Выборочный подход четко обозначал идеологический вектор в противостоянии-усвоении христианизированными «варварами» наследия их цивилизованных единомыслителей. Впрочем, в обстановке недоверия и противостояния ничто не мешало искать иных контактов.

---

⁴¹ *Карташев А. В. Указ. соч. Т.1. С.159, 168.*

⁴² *См.: Каноны, или книга правил святых апостолов, святых Соборов вселенских и поместных, и святых отцов. СПб., 2000. С.55.*

⁴³ *Там же. С.151.*

⁴⁴ *Карташев А. В. Указ. соч. С.166.*

Древняя Русь непосредственно соприкасалась с представителями таких христианских традиций, которые не признавали иерархической зависимости от мировых центров христианства. Таковыми, например, были ирландские общины, которые в римской зоне слыли «греками», а на деле лавировали между Римом и Константинополем. В литературе отмечаются следы влияния Ирландской церкви (которой в одинаковой мере было свойственно терпимое отношение к языческому прошлому, тяга к знаниям и любовь к мудрости) на раннее русское христианство. К тому же в ирландских христианских общинах назначение епископов осуществлялось без участия высшей церковной иерархии. Например, прямое избрание на должность святителей св. Патрика, или св. Бригитты. Подобная практика разъясняет непризнание Колумбаном (миссионером из Ирландии) передачи дара Св. Духа через верховного главу Церкви⁴⁵.

Как и ирландцы, на позициях признания единства христианского мира стояли просветители славян – Кирилл и Мефодий, а также их последователи. Общеизвестно, что миссия Кирилла и Мефодия, а затем их последователей в славянских землях, была тесно связана с мероприятиями властей по обретению церковной и политической самостоятельности. Введение богослужения на родном языке было действенным средством обеспечения церковной и политической независимости молодой славянской государственности. Достижению цели служило также лавирование просветителей между Константинополем и Римом, соперничавшими за влияние на славянские государства. На этом основании даже делались попытки охарактеризовать кирилло-мефодиевскую традицию либо как антикатолическую, либо как протестантскую. На деле же братья воплощали в жизнь идеологию религиозной автономии и последовательно отстаивали принцип единства всех христиан, который не

⁴⁵ Кузьмин А.Г. *Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. Вып.25. М., 1980. С.7–35; Он же. Падение Перуна. М., 1987. С.171–172; Мильков В.В. Источники учености Кирика Новгородца // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения. М., 2006. С.22–23; Stauber J. Influences irlandaises dans la christianisation des Slaves polabes et des Polonais // Etudes slaves et Est-Europeens. Vol.3. 1958/1959. Fasc. et 4. О специфических чертах Ирландской церкви см. также: Милкова Е. Крещение Ирландии и ирландская церковь V–IX веков // Альфа и Омега. 1995. №4; Chadwick N.K. *The Age of the Saints in the Early Celtic Church. L., 1961; Dodd B.E, Heritage T.C. The Early Christians in Britain. L., 1966.**

устроивал ни Запад, ни Восток⁴⁶. Получается, что культовая инициатива древнерусского христианизировавшегося государства по учреждению автокефалии находится в русле кирилло-мефодиевской традиции. Неудивительно, что начинания братьев, так же как и впоследствии факт крещения Руси, не были замечены в Византии. Кстати, и папские буллы неоднократно называли славянское письмо еретическим.

Русь с полным основанием можно считать восприемницей и хранилищем кирилло-мефодиевского наследия с отличными от византизма чертами. Восходящий едва ли не к глаголическому протографу древнейший список «Жития Мефодия» в своем языке несет смесь грецизмов и латинизмов⁴⁷. Не подвергшаяся переработкам версия «Жития Кирилла» по латинскому образцу именуется Богородицу Марией⁴⁸. Созданный Кириллом «Закон судный людям» был включен в состав «Мерила праведного». Последнее вместе с переработанной братьями «Синтагмой 50-ти титулов» включалось в древнерусские сборники юридического характера. Эти славянские тексты отразили нормы и понятия западного церковного права. Законодательными статьями рекомендовались более мягкие наказания, чем в действовавшей на территории Византийской империи «Синтагме 14-ти титулов»⁴⁹. От Кирилла и Мефодия Русь восприняла краткую редакцию Евангелий, которая отличалась от византийских образцов некоторой ориентацией на римскую и антиохийскую практику богослужения⁵⁰.

⁴⁶ См.: Сказания о начале славянской письменности / Подготовка изд. Б.Н.Флори. М., 1981. С.23–24, 36–41; Великая Моравия: Тысячелетняя традиция государственности и культуры. Прага, 1963. С.85–96; Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С.327–370.

⁴⁷ См.: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С.188–198; Мецкерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978. С.11.

⁴⁸ См.: Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С.1–39; Сказания о начале славянской письменности. С.70.

⁴⁹ См.: Вашица И. Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. Вып.7. М., 1963. С.13; Соболевский А. Церковнославянские тексты моравского происхождения // Русский филологический вестник. Т.43. Варшава, 1900. С.169–171; Никольский Н.К. К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право // Библиографическая летопись. Т.III. Пг., 1917; Пихоя Р.Г. Древнерусское покаянное право как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. н. Свердловск, 1974. С.26 и след.

⁵⁰ См.: Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. Вып.7. М., 1967. С.79.

Заслуживают внимания и другие черты отличия древнерусского и греческого христианства. В Десятинной церкви⁵¹, хранилась часть открытых Кириллом и Мефодием мощей Климента Римского. Здесь же были созданы «Слово о чуде св. Климента» и текстуально схожее с ним «Слово на обновление Десятинной церкви». В обоих произведениях, которые датируются 30-ми – 60-ми годами XI века, прославляется общий с Римом святой и проводится идея единства всех христианских народов⁵². Существование культа папы Климента в эпоху Ярослава подтверждается календарем «Остромирова евангелия» (1056–1057), где память святого приурочена к 30 января. Празднование святому прямо увязано с инициативой Кирилла и Мефодия по перенесению мощей (в Западной церкви Климент чествуется 25 ноября). Открытые Кириллом и Мефодием мощи второго по счету Римского папы воспринимались на Руси сакральным символом церковной автокефальности – в 1147 году мощами Климента была осуществлена хиротония (рукоположение) Климента Смолятича⁵³. Такое отношение к святому подтверждается и древнейшим русским Прологом, где тот назван патроном Русской земли. В «Слове на обновление Десятинной церкви» проводится идея о том, что христианская вера на Руси утвердилась благодаря Клименту: «благодать... пришествиемъ святаго Климента створися и утвердися»⁵⁴. Автор «Слова» смотрит на Климента Римского как на «заступника стране Русей»⁵⁵.

⁵¹ Название связано с выделением на ее нужды десятой части княжеских доходов. Обычай, известный в некоторых европейских странах и не свойственный Византии (См.: Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С.219–220).

⁵² См.: Бегунов Ю.К. Русское слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // *Slavia. R.XLIII. S.1. Praha, 1974. S.38–41*; Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С.16; Ужанков А.Н. Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о Законе и Благодати» // *Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С.91*.

⁵³ В 1147 году «постави митрополита Клима. калугера. Русина особь с шестью епископы» (ПСРЛ. Т.1. Стб.315). Ипатьевская летопись уточняет, что утверждение кандидатуры князя натолкнулось на сопротивление некоторых из участвовавших в Соборе епископов, но в итоге хиротония была осуществлена мощами Климента папы Римского (ПСРЛ. Т.2. Стб.340-341).

⁵⁴ Лавров П. Памятники христианского Херсонеса. Вып. II: Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. М., 1911. С.174.

⁵⁵ Там же.

На значимость дела Кирилла и Мефодия для древнерусских идеологов церкви и государства указывает еще один факт: дата освящения главного храма государства (Софии Киевской) приходилась на 11 мая – день памяти первоучителей славян. К этому сроку было приурочено чествование Кирилла-Константина и Мефодия. Дата празднования совместной памяти солунских братьев под этим числом подтверждается «Похвальным словом Кириллу и Мефодию», которое читается в Успенском сборнике конца XII – начала XIII века⁵⁶. В Греческой церкви, согласно разъяснению Месяцеслова Василия, в тот же день отмечалась передача столицы Византии под покровительство Богородицы («памят бытью Костянтина града»). Таким многозначным выбором сакрального срока могла подчеркиваться значимость новой церковной столицы Руси по аналогии с рождением церковной столицы в Царьграде, проводилось сопоставление Ярослава с Константином, заявлялось о равенстве с греками и одновременно демонстрировалась суверенность в делах религиозных. Все вышесказанное позволяет заключить, что с опорой на наследие солунских братьев в Древней Руси утверждалась столь важная и для творчества Илариона идея равного достоинства молодой христианской державы и православной Византии.

Как мы попытались показать, в первые десятилетия христианства на Руси отсутствовал внешний идеологический контроль. Это создавало условия для определенной свободы, стимулировало искания, широту взглядов. Автокефалия при Ярославе также способствовала религиозному творчеству. Многие из идей Илариона вписываются в этот своеобразный идейный контекст. Обстановка духовной раскрепощенности, радостного переживания успехов державы и радужных надежд на будущее во многом предопределила столь несвойственную христианской книжности оригинальность творчества иерарха, писателя и мыслителя. Вышедшие из-под пера автокефального митрополита тексты не имеют прототипов среди классических образцов христианской литературы и несут на себе печать благотворной идейной атмосферы той эпохи. Иларион, на первых порах мудрый церковнослужитель, приближенный к княжеской власти, а впоследствии высший администратор Церкви, не стоял в стороне от деяний, которые летописец приписал одному Ярославу. Он не только по долгу службы и пастырскому призванию содействовал церковному строительству и духовному просвещению своих

---

⁵⁶ ГИМ. Усп. №4. Л.109 в – 115 г. – См. об этом: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С.183.

сограждан, но и как выдающаяся творческая личность, сам непосредственно закладывал фундамент отечественной книжности.

Вехи жизни и творчества Илариона

К сожалению, данных о биографии Илариона несоизмеримо мало в сравнении с тем грандиозным вкладом, который он внес в развитие отечественной книжности. Зато каждое из сохранившихся свидетельств самым непосредственным образом связано с судьбоносными для страны событиями. Древнейшее из сообщений содержится в «Повести временных лет», где под 1051 годом помещен рассказ об избрании Илариона общерусским митрополитом: «Постави Ярослав Лариона митрополитомъ. Русина. в (свя)тей Софьи. собравъ еп(иско)пы»⁵⁷. Это был первый случай, когда высший церковный пост занял русский по происхождению кандидат, да к тому же избранный русскими святителями. Акт, который утверждал суверенитет молодой Русской церкви и государства, выглядел весьма необычно. По сути своей он резко расходился с тогдашней практикой взаимоотношений Константинопольского патриархата и его дочерних Церквей⁵⁸. Как явствует из летописи, посвящение в сан проходило в незадолго до того построенной Софии Киевской (1037–1040-е годы), куда специально для этой цели власти созвали епископов. Из святителей в процедуре возведения в сан предстоятеля Русской церкви, конечно же, принимал участие новгородский епископ Лука Жидята – единственный из отмеченных летописями святителей того времени. Ни имена, ни деятельность других епископов в русских землях источникам неизвестны.

Несколько столетий спустя представители древнерусского духовенства хорошо понимали необычность акта возведения Илариона на митрополичий стол, поэтому в прибавление к Ипатьевской летописи под 1050 годом задним числом вносится «исправляющая» нарушение церковных установлений правка: «Иларион поставлен бысть митрополитом Киеву от патриарха Михаила Керулария». Попытка сгладить пикантность ситуации 1051 года предпринята в приуроченной к этому году статье Патриаршей (Никоновской) летописи. Там сказано, что избравшие Илариона русские епископы действовали в соответствии с 1-м Апостольским канонном, по которому нескольким епископам разрешалось

---

⁵⁷ ПСРЛ. Т.1. Стлб.155.

⁵⁸ См.: Карташев А.В. Указ. соч. Т.1. С.168.

возводить достойного кандидата в святительский сан. Такое разъяснение позволило автору летописной записи утверждать, что «Русстии епископи поставиша Илариона, Русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающесе отъ православныхъ патриархъ и благочестия Греческаго закона...»⁵⁹. Искусственность поздней конструкции очевидна. Она возникла неслучайно. Инициатором составления летописной компиляции является митрополит Даниил (1522–1539), а при нем вопрос законности поставления митрополита своими епископами вновь стал актуален и был вынесен на соборное обсуждение в 1531 году. Но вместе с тем, как и в случае с «досочинением» перечня митрополитов, здесь видна тенденциозная ретроспективная корректировка: так должны выглядеть события с позиций благопристойности. В новейшее время в оценке нетипичного для взаимоотношения Константинополя и Киева казуса виден не менее пристрастный интерес⁶⁰.

⁵⁹ ПСРЛ. Т.9. С.83.

⁶⁰ Л.Мюллер предпринял попытку доказать, что летописной записи 1051 года вообще нельзя доверять. Немецкий ученый пришел к выводу, что статья не имеет собственной источниковедческой ценности и соответственно нет оснований говорить о возведении Илариона на митрополичий стол против воли патриарха. Конфликт Киева с Константинополем объявляется мнимым (см.: Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество. С.91–92; Müller L. Ilarion und die Nestorchronik // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge; Mass., 1990. V. 12/13. P.324–345). Исследователь без документального подтверждения постулирует, что избрание Илариона осуществлялось патриаршим советом в Константинополе. Подобная направленность доказательств лежит в одной плоскости со стремлением увидеть историю Русской церкви в соответствующем каноне свете. Л.Мюллер не объясняет, как в Константинополе могли позволить, чтобы митрополию возглавил человек, не прошедший необходимых степеней церковного посвящения. Немецкий исследователь исходит из того, что добрых отношений между породнившимися правителями Руси и Византии было достаточно для одобрения избранника киевского князя. Однако по данному поводу надо вспомнить, что выдача греческих принцесс за варваров считалась унижительной, а на примере брака Владимира можно убедиться в политических уступках греков, идущих на такой шаг. К тому же, судя по рождению у Всеволода наследника в 1053 году, брак состоялся после занятия Иларионом митрополии. Обстоятельства последствий войны 1043 года здесь также не учитываются, а в последнее время выдвинуты довольно резонные соображения об успешном продолжении ратных действий русских против греков (Брюсова В.Г. Русско-Византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. №3. С.51–62). Так что события 1051 года могли венчать завоевание церковной независимости. В отличие от Л.Мюллера, А.Поппе считает, что выдвижение Илариона произошло вопреки воле Константинополя, правда, с последующим утверждением выбора русского митрополита (см.: Poppe A. Państwo i

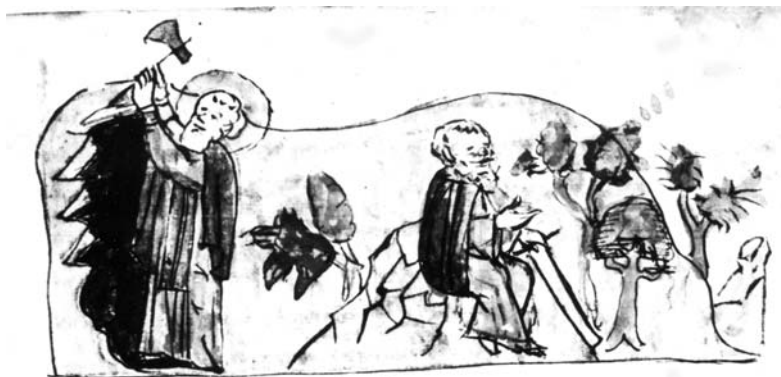
Постановление Ярославом Мудрым первого русского митрополита Илариона в соборе святой Софии в Киеве. Радзивилловская летопись (XV век)

До возведения на митрополичий престол Иларион не занимал высоких церковных должностей, однако был близок к князю. Согласно летописному «Сказанию чего ради прозвася Печерський монастырь», будущий митрополит был священником церкви Святых Апостолов в княжеской пригородной резиденции Берестово. В «Сказании» в очень краткой и емкой форме с теплотой и симпатией рисуется образ предстоятеля Русской церкви. На тексте лежит отпечаток пристального взгляда наблюдателя, с благорасположением отмечающего сердечные отношения

Kościół na Rusi w XI wieku. S.131–151). А.Ю.Карпов также не считает возможным говорить о разрыве с Константинополем в связи с обретением собственного митрополита. Он считает, что шаги русских были направлены не против Византии, а против патриарха Михаила Кирулария. По его мнению, на Руси были солидарны с монашеской оппозицией Михаилу Кируларию, имевшему императорские амбиции (см.: Карпов А. Ярослав Мудрый. С.420–421). А.Н.Ужанков трактует ситуацию так: Русь приняла только церковно-административное подчинение патриархату, при этом сами князья никогда не подчинялись византийскому императору и распоряжались митрополитами так же, как император патриархами (см.: Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы XI – первой трети XVIII вв. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М., 1999. С.141). Абсолютному большинству исследователей не свойственно скептическое отношение к анализируемому летописному свидетельству, что не исключает разные трактовки его.

между князем и его избранником: «Бо(го)любивому бо князю Ярославу. любящу Берестовое. и церк(о)вь ту сушу. С(вя)тых Ап(осто)ль. и попы многы набдящю. в ни(х) же бе презвутерь. именовъ Ларионъ мужь бл(а)гъ. книженъ и постникъ. И хожаше с Берестоваго на Днепръ на холмъ, где ныне ветхый монастырь Печерьский. и ту м(олит)ву творяше. бе бо ту лесъ великъ. ископа печерку малу двусажену. и приходя с Берестоваго отпеваше часы и моляшеся ту Б(ог)у втайне. посемъ же Б(ог)ъ князю вложи въ сердце. и постави и митрополитомъ в с(вя)теи Софьи»⁶¹. В выдвижении Илариона решающую роль, скорее всего, сыграли его личные качества: незаурядный ум, литературно-публицистические способности и праведный образ жизни. Ведь в «Сказании» подчеркивается аскетическое подвижничество полюбившегося князю пресвитера. И, наверно, не последнюю роль сыграла любовь Илариона к своей земле и его страстное желание видеть Русь свободной, независимой, процветающей.

Посемъ оубѣдлвша добри члвци. приходящекснему.
итриносашемѡ патрѣ былмъ. и про слѣ великии илѣтѡмѣ
и. итри хѡщекснемо. прѡшахѡ оумего блго словельмѣ. по
семъ истрѣстлвше шѡ в лико мѡкъ мѡю мѡ славо. итри и

Антоний Печерский в пещере, выкопанной Иларионом.
Миниатюра Радзивилловской летописи (XV в.)

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 155–156.

В том же «Сказании» с именем Илариона связывается возникновение Печерской обители. Около пещерки, в которую он удалялся для молитвенного уединения, в скором времени поселился вернувшийся с Афона Антоний – будущий основатель монастыря. Антоний «прииде на холмъ иде бе Ларионъ ископаль пещерку. и възлюби место се. и вселися в не»⁶². Скоро вокруг бывшей пещерки Илариона появились новые, а над ними вырос знаменитый Печерский монастырь.

Нам известны автобиографические сведения Илариона о себе, которые не противоречат приведенным выше источникам. Эти данные были присоединены Иларионом к подборке собственных творений, сохранившихся в копии XV века. После возведения в высокий церковный сан митрополит запечатлел это событие буквально в нескольких строках, близких по жанру к дневниковой записи. Запись помещена после «Исповедания веры», которое, в свою очередь, объединено в блок со «Словом о Законе и Благодати» и «Молитвой». Исследователи не без основания рассматривают подборку перечисленных текстов как собрание сочинений сановитого писателя, который собственноручно объединил тексты в рамках такой композиции. В автобиографической заметке Иларион называет себя иеромонахом и описывает процедуру возведения его на митрополичий стол: «Азь, милостию човеколюбивааго Бога, мнихъ и прозвиреть Иларионъ, изволениемъ Его, от богочестивыхъ епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицемъ и богохрапниомъ граде Кывеве яко быти ми въ немъ митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си въ лето 6559, владычествуещу благоверному кагану Ярославу, сыну Владимиру. Аминь». Порядок избрания описывается точно так же, как и в летописи, только опущено, что инициатива всего мероприятия принадлежала князю.

К моменту восхождения на высший церковный пост Иларион не имел высокого сана, а это противоречило существовавшему порядку выдвижения на пост митрополита. По данным летописи, в бытность священнослужителем Берестовского храма Иларион даже не был монахом. В послании Симона из «Киево-Печерского патерики» читается ссылка на несохранившееся Житие Антония, в которой засвидетельствовано, что будущий митрополит принял постриг от основателя Киево-Печерской обители⁶³. Антонию, как уже говорилось, он оставил сооруженную собственноручно пещерку. Надо полагать, что пещерное уеди-

⁶² Там же. Стб.156.

⁶³ См.: *Древнерусские патерики. М., 1999. С.21.*

нение Иларион закончил в связи с переходом к исполнению митрополичьих обязанностей. Следовательно, до своего избрания русскими епископами на высший церковный пост в стране он был рядовым пресвитером в ближайшем окружении Ярослава⁶⁴. Впрочем, приступить к реальному руководству церковными делами выдвигенец властителя мог гораздо раньше прохождения процедуры избрания и посвящения. После начала войны с греками (1043) и до 1051 года кто-то должен был исполнять эти обязанности, а наиболее вероятным претендентом на эту роль являлся приближенный любимец князя. Если допущение верно, то Иларион некоторое время возглавлял церковный институт в стране, подобно тому, как не имевший духовного сана Анастас Корсунянин руководил делами Церкви при Владимире.

Вряд ли следует сомневаться в том, какая реакция последовала на церковную инициативу русских со стороны Константинополя. Последующий ход событий довольно наглядно это демонстрирует. Митрополит Ефрем заместил автокефального и занявшего должность с нарушениями канона местного иерарха сразу после смерти его покровителя. Вскоре началось судебное преследование духовной гвардии Ярослава и под суд угодил соратник Илариона – Лука. Поскольку санкций в отношении самого Илариона не последовало, к этому моменту его, по видимому, уже не было в живых. Но пришлым греком была проведена важная акция, которая удостоилась того, чтобы быть зафиксированной письменно. Согласно данным месящеслова Мстиславова евангелия, киевским митрополитом Ефремом 4 ноября⁶⁵ было осуществлено освящение Софийского собора в Киеве: «въ ть ж д(е)нь (о)с(вя)щение с(вя)тыя софия. иже есть въ кыеве гра(де). (о)с(вя)щена. ефремь митрополитьмь»⁶⁶. Речь идет о повторном освящении построенного в

---

⁶⁴ *Принятие пострига непосредственно перед возведением в сан митрополита не вписывалось в обрядовые стереотипы. В период средневековья практика выдвигения на высокие церковные должности простеца существовала тем не менее в Ирландской церкви, а процедура избрания несколькими епископами имеет соответствия в раннехристианской практике. Не исключено, что русская митрополия утверждалась на основе порядков независимых от Византии христианских общин. На это неоднократно обращал внимание А.Г.Кузьмин (см.: Кузьмин А.Г. Падение Перуна. С.88–94, 226–227; Он же. Принятие христианства на Руси. С.34–35; Он же. Мудрость бо велика есть // Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков. М., 1990. С.19–24).*

⁶⁵ *Год в тексте не обозначен, хотя логично относить акт к числу первостепенных мероприятий митрополита.*

⁶⁶ *Мстиславово евангелие XII века. Исследования. М., 1997. С.390. – Аналогичную дати-*

1037–1040-х годах кафедрального собора, и эту процедуру в поставтокефальный период проводит прибывший из Константинополя первоиерарх. Аналогично действовал в 1039 году мирополит-грек Феопемпт, который вскоре после своего прибытия из Византии переосвящал Десятинную церковь⁶⁷. Клир Десятинной церкви, судя по всему, не имел иерархического подчинения патриархии, а источники не зафиксировали ни одного иерарха в сане митрополита среди духовенства при Владимире Крестителе. Видимо, греческие церковные власти такими действиями указывали на еретический характер древнерусской церковной автономии. Повторявшиеся акты переосвящения киевских храмов трудно расценить иначе, как восстановление церковного подчинения русской митрополии патриарху. Своими действиями прибывавшие на Русь греческие иерархи подчеркивали, что Константинополь воспринимал главные храмы Руси как оскверненные, и причиной тому в обоих случаях вполне могла быть автокефалия.

Иларион известен нам, прежде всего, как книжник⁶⁸. Сегодня очень немного можно сказать о том, к каким иным созидательным свершениям своего времени непосредственно приложил руку первый митрополит из русских. Конкретных данных историческая память почти не сохранила. Из общественно значимых деяний известно об участии предстоятеля в освящении Георгиевского храма. Согласно проложному «Сказа-

---

ровку освящения дает Пролог XIII–XIV веков из Софийского собрания РНБ. Память освящения под этой датой закреплена Прологами, в которых под 4 ноября с XIV века читалось «Сказание об освящении церкви Софии в Киеве» (Известия Императорской Академии наук по ОРЯС. Т.VI. Вып.IV. 1857. Стб.305–306; Т.X. Вып.VI. 1863. Стб.670–671; Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С.143–144).

⁶⁷ ПСРЛ. Т.1. Стб.153.

⁶⁸ *Высказывалось также мнение, что Иларион был причастен к летописанию (См.: Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С.66–70; Розов Н.Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // Летописи и хроники. М., 1974. С.31–36), хотя такое предположение весьма и весьма гипотетично. Вопрос возможности такого рода деятельности, не говоря уже об объеме и характере книжных занятий сановитого писателя, требует углубленных дополнительных исследований. Специально проблему атрибуции митрополиту Илариону древнерусских произведений исследовали А.В.Горский и Н.К.Никольский (См.: Горский А.В. Памятники духовной литературы времен князя Ярослава I // Прибавление к творениям отцов в русском переводе. Ч.2. М., 1844. С.1–91; Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб. С.91–93).*

нию об освящении церкви великомученика Георгия в Киеве», по инициативе князя Ярослава, «наре(чен)ного в с(вято)мь крышеньи Георгии», была создана церковь «пред враты с(вя)тыя София»⁶⁹. 26 ноября, в день памяти священномученика Георгия, церковь, посвященная небесному покровителю князя, была освящена Иларионом: «и с(вя)ти ю Лариономь митрополитомь»⁷⁰. Весьма показательно, что вводятся новые – отсутствующие в греческих календарях – сроки праздника святому, приуроченные к широко известному в последующем Юрьеву дню. Власть демонстративно устанавливает собственный, независимый от Греческой церкви культ святого великомученика. Появляется новый сакральный символ державы. Введение культа Георгия Победоносца, который со временем становится общерусским, демонстрирует церковную автономность и антивизантийскую направленность политики Ярослава Мудрого⁷¹.

Очень ценно прибавление к проложному «Сказанию», сообщающее о том, что с момента освящения Гергиевского храма в Киеве Ярослав «заповеда по всей Руси» ввести праздник святого Георгия, а к самому торжественному событию приурочено было «настолованье новопоставивымь еп(иско)пам»⁷². В духе прокламированного установления можно рассматривать учреждение в Новгороде Георгиевского монастыря во время правления Луки Жидяты, посвящение Георгию придела в Софии Киевской, а также предпринятое Ярославом строительство двух городов, названных в честь князя и его святого покровителя (Юрьев в Прибалтике и Юрьев на реке Роси). С учетом дат, освящение Георгиевской церкви в Киеве в 1051 году придавало демонстративный государственный статус Георгиевскому культу, зарождавшемуся уже задолго до этого. Границы государства и сама столица подобными действиями отдавались под защиту святого воина, который призван был стать небесным оберегом и самого властителя, и его владений. И освящение Георгиевского храма в Киеве, и основание Георгиевского монастыря в Новгороде были приурочены к неизвестному греческой Церкви празднику – Юрьеву дню 26 ноября. Таким образом, сведения из Пролога

⁶⁹ Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV века*. М., 2009. С.325.

⁷⁰ Там же. С.326.

⁷¹ См. об этом: Мурьянов М.Ф. *Фрагмент культурной истории древних славян // Мурьянов М.Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч.1. СПб., 2007. С.227–228.*

⁷² Лосева О.В. *Указ. соч.* С.327.

добавляют малую крупицу в наши представления о стратегической важности Георгиевского культа для молодой древнерусской державы и о совместных мероприятиях Священства и Царства по приданию культу государственного значения в целях установления церковно-политической автономии Руси.

Из крупных, общественно значимых мероприятий, в которые был вовлечен Иларион и которые получили отражение в исторических документах, можно назвать работу по составлению церковного Устава. Проводилась она по инициативе и при непосредственном участии верховной светской власти. Суть работы, которая осуществлялась в период древнерусской автокефалии, сводилась к целенаправленной замене греческого церковного законодательства собственным: «...кн(я)зь великий Ярославъ, с(ы)нь Володимеровъ, по данию о(т)ца своего сгадал есмь с митрополитом киевским и всея Руси Иларионом, **сложихом греческий номоканон** (выделено нами. – В.М.); еж(е) не подобает сихъ тяж судити кн(я)зю, ни бояром его, ни соуд(и)ям его, дал есмь митрополиту и еп(и)с(ко)пом...»⁷³. Процитированная преамбула из «Устава князя Ярослава о церковных судах» в научной литературе оценивается как отказ от использования византийских юридических постановлений, в результате которого были разработаны собственные церковные законы, существенным образом отличавшиеся от византийского права⁷⁴. Такой вывод подтверждается и анализом самого документа.

В ходе реформы Ярослава–Илариона был создан «Устав Ярослава о церковных судах», время появления которого приходится на краткий период занятия Иларионом высшей церковной должности в государстве, но до смерти киевского князя, когда было возможно сотрудничество двух выдающихся представителей Священства и Царства (т.е. 1051–1053 го-

⁷³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С.86. – Нельзя не отметить скепсис Л.Мюллера, который, не приводя доказательств, отказывается в доверии процитированному источнику (см.: Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество. С.92). Как и в других интерпретациях свидетельств о «митрополите-русине», исследователь отвергает то, что не вписывается в концепцию греческого протектората над Русской церковью при Иларионе. Лучшим доказательством обратного является автономный от греков характер законодательства Ярослава–Илариона. Абсолютное большинство исследователей с доверием относятся и к этим данным, и к другим крупным свидетельствам об Иларионе.

⁷⁴ См.: Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. Т.31. М., 1971. С.71–78; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С.237.

ды)⁷⁵. Устав определял нормы поведения в быту и всесторонне регламентировал права и обязанности Русской церкви как института. В ее ведение отдавалось регулирование семейно-брачных отношений, находившееся прежде в сфере действия обычного права. Фактически Царство передавало Священству надзор за нравственно-религиозным состоянием общества. Полностью в подконтрольном положении у духовенства находились все население страны, выведенное из-под юрисдикции светских властей⁷⁶. Социально-регулятивная роль Церкви как института существенно повышалась и под это подводилась солидная правовая база.

При создании «Устава Ярослава» его разработчики ориентировались на нормы древнерусского права. Статьи документа по целому ряду позиций противоречат предписаниям греческих церковных правил, а иногда даже и канонам⁷⁷. Многие из зафиксированных «Уставом» традиционно русских казусов вообще не были известны Византии, но в то же время к некоторым архаическим пережиткам закон был весьма снисходительным. Для нашей темы важным представляется следующий вывод Я.Н.Щапова – авторитетного исследователя древнерусского церковного законодательства: «Система церковного права устава Ярослава, действительно, значительно отличается от системы, существовавшей в Византии и зафиксированной в "греческих номоканонах", в частности в номоканоне XIV титулов. Это отличие выражается, во-первых, в отнесении в уставе Ярослава исключительно к церковной юрисдикции поступков, которые по византийским нормам ей не принадлежали, а были подвержены светской власти и облагались церковью, как грехи, епитимьей»⁷⁸.

В древнерусском законодательстве и в установлениях, разработанных при Ярославе с участием Илариона, не было законов, требующих жестоких наказаний (смертная казнь, физические увечья). Известные на Руси немногочисленные случаи членовредительства в процессе судо-

---

⁷⁵ Правда, в копии XVI века известен т.н. «Список Ярослава», который содержит всего десять статей и датирует подборку этих церковных правил 1032 годом (См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С.138; Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы. С.24). Данный документ позволяет предположить, что работа по составлению церковного законодательства по поручению Ярослава могла вестись Иларионом еще в бытность его пресвитером.

⁷⁶ Подробнее об этом: Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1976. С.287–288, 291, 301.

⁷⁷ См.: Там же. С.303.

⁷⁸ Там же. С.304.

производства были связаны исключительно с показательно организованными греческим духовенством процессами, в которых демонстративно применялись установления византийского права. Случаи проведения судебных процессов на основе имперских законодательных норм⁷⁹ говорят о том, что прибывшие на Русь греческие иерархи привозили с собой византийские юридические постановления и пытались внедрить их в практику судопроизводства⁸⁰. Эпизодичность такого рода прецедентов свидетельствует об отторжении имперских прививок. В древнейших списках древнерусского Номоканона, в частности, Номоканона Ефремовской редакции, суровые нормы византийского законодательства отсутствуют.

В законотворческой деятельности Ярослава–Илариона получали развитие церковно-правовые принципы, которые закладывались еще в эпоху борьбы южных и западных славян за свою политическую и церковную независимость⁸¹. Установлено, что, по крайней мере, уже к середине XI века в правовом обиходе находился созданный Мефодием «Закон судный людям». Данный юридический кодекс представлял собой существенную переработку греческой Эклоги. В нем совмещались светские и церковные меры исправления проступков, при этом в отличие от греческих образцов законоположения не рекомендовали телесных наказаний и много внимания уделяли воспитательным мерам⁸². Кроме того, в «Законе судном людям» отразилось знакомство с нормами римского права⁸³. Сам же юридический кодекс попал на Русь через контакты с Западом (через Чехию) по линии трансляции кирилло-

⁷⁹ Кроме членовредительства, нанесенного по решению суда холопу новгородского епископа Луки (Дудике), жесточайшим телесным наказаниям (в виде отсечения руки и ослепления) был подвергнут самозваный владыка Федорец (Владимирский летописец // ПСРЛ. Т.30. М., 1965. С.70). Важно, что оба процесса были связаны с непосредственной реакцией греческих духовных властей на проявление автокефалии в стране.

⁸⁰ См.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие... С.235–237. – Считается, что на Русь могла попасть Эклога (свод законов, принятый при императоре Льве III Исавре в 726 году), Прохирон (сборник норм византийского права, созданный в 879 г.) и отдельные подборки императорских законоустановлений.

⁸¹ См.: Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию... С.71–78; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие... С.237.

⁸² См.: Максимович К.А. **Законъ судный людьмъ**. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С.16, 29–32, 36, 37, 38, 54.

⁸³ См.: Там же. С.55.

мефодиевской традиции⁸⁴. Это значит, что на Руси до реформы Ярослава–Илариона действовали нормы правового законодательства, созданного одним из солунских братьев. Правовые нововведения, как и другие свершения Кирилла и Мефодия, идейно вооружали борющихся за свою независимость славян. На Руси подобные законодательные нормы вполне могли быть востребованы еще при Владимире, с его независимой церковной политикой. В правление Ярослава они уже служили примером для разработки собственного законодательства, как образец для развития автокефальных тенденций в сфере права. Да и сами положения «Закона судного людям» не были отвергнуты и были включены в официальный кодекс канонического права Русской церкви.

Созданный с участием Илариона «Устав Ярослава о церковных судах» зафиксировал новую форму церковной организации на Руси. Перестройке подверглись базовые принципы взаимоотношений между Священством и Царством. Осуществилось разделение духовной (по сути дела гражданской) и уголовной сфер права. Если ранее на содержание Церкви шла десятая всех государственных доходов, то теперь источником денежных поступлений оказывались штрафы, установленные церковным судом. Это были немалые доходы. За проступки устанавливались очень высокие штрафы. Даже светское законодательство не знает пени, исчисляемую в гривнах золота (1 гривна золота равнялась 60 гривнам серебра). Масштабные поступления призваны были материально обеспечить церковные структуры, которые еще не обладали земельными владениями.

Единому государству требовалась иерархически структурированная и нацеленная на выполнение четких социальных функций церковная организация. В ее ведение и были переданы законодательно закрепленные функции нравственно-дисциплинарного надзора за населением. Другими словами, светская власть ставила перед Священством грандиозные задачи религиозного преобразования общества на путях его реальной, а не формальной христианизации. Памятники письменной и материальной культуры русского народа убедительно демонстрируют, что и в самих городах, и тем более в далекой от религиозных (городских) центров труднодоступной сельской периферии пережитки язычества цепко держались столетиями. О благополучии в этом отношении при Иларионе говорить не приходится. Составляющие устав запреты рисуют идеальную, желательную картину на перспективу. Иларион разработал устав, который

---

⁸⁴ См.: Там же. С. 18–19, 56, 72–73.

должен был обеспечить обновленному водой крещения новому народу еще и новый образ мыслей.

Итак, «Устав Ярослава», а точнее было бы сказать – Илариона, отвечает на конкретные запросы русской жизни и отражает реакцию светской и духовной властей на них. К русскому обществу законодательство развитой Византии применить было трудно, да и стремление к церковной автономии способствовало поиску собственных норм законодательного регулирования жизни в стране. Поэтому объективно и закономерно большинство положений устава Ярослава–Илариона расходятся с церковно-правовыми греческими установлениями. Налицо также отступление от целого ряда рекомендаций «Закона судного людям», преемственность с которым сохраняется главным образом в выражении обособления от византийской традиции. Общая тенденция церковного законодательства времен Ярослава вполне вписывалась в идейную направленность творчества Илариона⁸⁵. Их роднит дух свободы и независимости от Византии. Идейно-политическая направленность «Устава» – убедительный аргумент, устранивающий сомнения в церковной автокефалии Руси. Характер церковно-законодательных инициатив устава не позволяет безоговорочно реабилитировать Илариона перед лицом греческой гегемонии и легализовать его статус в глазах патриархии, как бы к этому ни стремились некоторые авторы.

Наконец, надо затронуть еще одну очень важную тему. Иларион отличался глубокими богословскими познаниями и был едва ли не самым образованным для своего времени автором. Где Иларион получил блестящую богословскую подготовку – неизвестно. Исследователи обращают внимание на воспроизведение в «Слове» западной литургической формулы, а также на свойственную очевидцу картинную конкретность сравнений Руси с Византией и Европой. Поэтому не исключается знакомство автора таких пассажей со странами католического мира⁸⁶. В произведениях Илариона к тому же отразились тексты, отсутствовавшие в то время в славянских переводах⁸⁷. Если познакомиться с ними

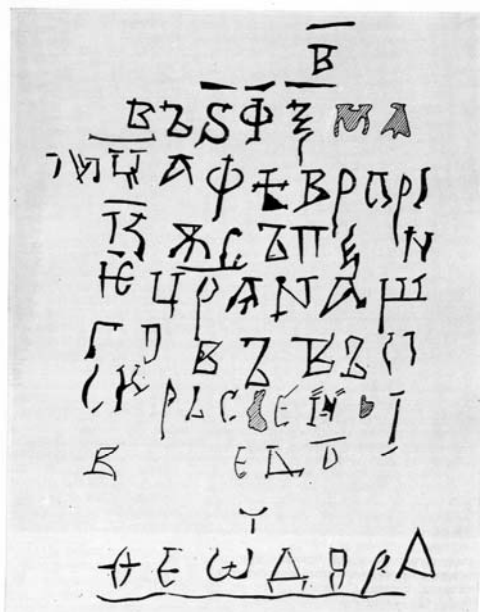
---

⁸⁵ *Пожалуй, только охранительные установки, пресекающие контакты с иноверцами, не согласуются с идеологическим кредо Илариона. Не согласуются они и с широчайшей практикой установления недозволённых уставными положениями контактов с западным миром (браки, союзы, торговля). Возможно, это позднейшее добавление, которое имеет параллели в церковном законодательстве последующих веков.*

⁸⁶ Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество. С. 95.

⁸⁷ Молдован А.М., Юрченко А.И. «Слово о Законе и Благодати» Илариона и «Большой

можно было только за пределами Руси, то к глубоким и разносторонним знаниям будущий митрополит должен был приобщаться в каких-то центрах христианского просвещения. А таковые существовали не только в Византии, но и в европейских странах. В последних можно было встретить независимые от Рима и Константинополя монастыри⁸⁸. Характерный для этих обитателей дух демократизма и автономии, сочетающийся с культом знания и мудрости, проявился затем и на Руси в период ее автокефалии.

Запись-граффити на стене Софийского собора в Киеве
о смерти Ярослава Мудрого 20 февраля 1054 г.

На митрополичьем столе Иларион находился всего несколько лет. Уже в 1055 году на его месте оказывается грек Ефрем, который начинает свою деятельность с обвинений в адрес назначенного Ярославом в Новгород Луки. Всего годом раньше состоялись похороны Ярослава. Присутствие

Апологетик» патриарха Никифора // Герменевтика древнерусской литературы. Вып.1. М., 1989. С.5–18.

⁸⁸ В частности, т.н. «греческие» монастыри в католическом регионе и основанные ирландскими бродячими монахами обители.

Илариона на них не фиксируется источниками⁸⁹. На этом основании дату смерти Илариона логично отнести ко времени не позднее 1054 года. Согласно другой версии, со смертью Ярослава произошла смена религиозного курса, в результате чего независимый митрополит был отстранен от дел и доживал свой век в монастыре. В подтверждение привлекается «Киево-Печерский Патерик», сообщавший о «черноризце Ларионе», который проводил время в своей келье за написанием книг. Ушедшего на покой Илариона даже отождествляли с великим Никоном. Но все это очень зыбкие и маловероятные предположения.

Последнее, правда уже конспиративное, упоминание автокефального митрополита относится к 1056 году. В этом году было начато создание знаменитого «Остромирова Евангелия», в котором исследователи обнаруживают расхождения с византийскими образцами аналогичной книжности⁹⁰. Литургический календарь Остромирова евангелия фиксирует праздники, которые не зарегистрированы в греческой богослужбной практике, но характерны для Запада (например, включение памяти святых Западной церкви: Аполлинария Равеннского и Климента папы Римского). Источники литургических текстов отыскиваются в греческих монастырях Италии, которые через традицию, не чуждую православно-католическому синкретизму (в частности, через связанный с кирилло-мефодиевским наследием чешский Сазавский монастырь), транслировались вместе с другими западными культовыми реминисценциями на Русь⁹¹. Есть и другие черты своеобразия памятника. Н.Н.Розов и А.Н.Свирин обратили внимание на наличие языческих мотивов в исполнении миниатюр, а О.С.Павлова убедительно показала сочетание черт византийского и западного искусства в художественной манере исполнения рукописи. Начало работы над одиозной, с точки зрения византизма, рукописью было приурочено к 21 октября – дню памяти тезоименного русскому митрополиту Илариона Великого. Тенденциозный характер такому приурочению придавало полное умолчание о за-

⁸⁹ См.: ПСРЛ. Т.30. С.190; Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т.2. М., 1902. С.298.

⁹⁰ См.: Жуковская Л.П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия // Исследования по грамматике и лексикологии русского языка. М., 1961. С.14–44; Она же. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. Вып.7. М., 1967. С.79.

⁹¹ См. об этом: Мурьянов М.Ф. К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова евангелия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С.131–135, 137.

нимавшем в то время митрополичий престол Ефреме. Другие церковные иерархи также не упомянуты. Можно было бы ожидать упоминания Луки, поскольку книга предназначалась для новгородского посадника, но новгородский святитель находился под судом. Понятный религиозному сознанию подтекст (в духе развития идей Илариона) явно противоречил сложившейся в стране религиозно-политической ситуации. Идеологическая подоплека сакральных символов очевидна. Демонстрировавшаяся таким образом независимость от Византии и религиозных традиций Восточной церкви вряд ли могла приветствоваться греческим первоиерархом. Поэтому автокефальный иерарх в книге упомянут в замаскированной форме совершенно недвусмысленно. Лишь от него оппозиционные исполнители «Остромирова Евангелия» могли ожидать поддержки и благословения труда, который идейно не вписывался в новые церковные порядки. Видимо, не без влияния такого конспиративного параллелизма обоих Иларионов часто путали книжники последующих лет, то атрибутируя оригинальные тексты Илариона-«русина» авторитетнейшей фигуре христианского святого, то произведения Илариона Великого надписывая именем Илариона-митрополита.

Исследователи расходятся в оценках крупной даровитой личности, но сходятся в том, что основным занятием Илариона была книжная деятельность. Кроме «Слова о Законе и Благодати», его перу принадлежат «Исповедание веры» (данное, скорее всего, при интронизации), «Молитва» (произнесенная от лица предстоятеля, т.е. между 1051–1054 годами) и автобиографическая запись (сделанная вскоре после занятия митрополичьего стола). Много произведений древнерусской книжности приписаны Илариону⁹². Не исключено, что объем литературного наследия писателя и религиозного деятеля в дальнейшем пополнится. Тем более, что труды его могли быть связаны не только с оригинальным творчеством, но также с организацией книжного дела (отбор текстов, их копирование и распространение в новообращенной стране, заказы на создание новых произведений).

На сегодняшний день ядром творческого наследия Илариона бесспорно является «Слово о Законе и Благодати», сохранившееся более чем в 50 списках. Н.К.Никольский выделил четыре редакции «Слова»:

---

⁹² См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С.200. – Перечень приписанных Илариону текстов см.: Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С.75–122.*

полная, усеченная (сокращенная), интерполированная и толковая⁹³. Толковую редакцию новейшие исследователи склонны исключать из этой схемы, поскольку усматривают в ней признаки самостоятельного произведения, возникшего на основе переработки «Слова». Соответственно в классификацию редакций текста она не включается⁹⁴.

Первые исследователи датировали «Слово» в широких хронологических пределах – 1037 и 1050 годы⁹⁵, либо – 1039–1043 годы⁹⁶. Иногда дату конкретизируют. Н.Н.Розов обратил внимание на то, что «Слово» написано на евангельский текст, читаемый при пасхальном богослужении, а также на присутствие в нем мотивов, приуроченных к Благовещению. Поэтому он предположил, что произведение было написано в том году, когда календарно сходились Благовещение и Пасха, о которых идет речь в произведении. Из двух возможных сроков (1039 и 1049 годы) он предпочел последний и считал произведение приуроченным к 26 марта 1049 года⁹⁷. При определении датировки исследователь исходил из того, что это пасхальная проповедь. Однако А.Н.Ужанков убедительно показал, что в соответствии с предписаниями Типикона на Пасху проповеди не произносятся. Системой остроумных и во многом убедитель-

⁹³ См.: Никольский Н.К. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений*. С.77–78.

⁹⁴ См.: Розов Н.Н. *Рукописная традиция «Слова о Законе и Благодати» // Труды Отдела древнерусской литературы*. Т.ХVII. М.; Л., 1961. С.42–53; Молдован А.М. *Слово о Законе и Благодати Илариона*. Киев, 1984. С.9–10, 19; *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. С.201–202; *Идейно-философское наследие Илариона Киевского*. Ч.1. М., 1986. С.7; *Письменные памятники истории Древней Руси*. СПб., 2003. С.197. – Установление зависимости между редакциями произведения и представляющих его списков см.: Мюллер Л. *Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о Законе и Благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции*. М., 1976. С.372–379 (переиздание: Мюллер Л. *Понять Россию: историко-культурные исследования*. М., 2000. С.125–133).

⁹⁵ См.: Горский А.В. *Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I*. С.206–207. Эту дату принимают некоторые современные исследователи (см., например: Молдован А.М. *Слово о Законе и Благодати Илариона*. Киев, 1984. С.5).

⁹⁶ Приселков М.Д. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.* СПб., 2003. С.60. – По датировке А.В.Поппэ: *конец 40-х годов – 10 февраля 1051 года* (см.: Поппэ А.В. *Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии*. С.92–93).

⁹⁷ См.: Розов Н.Н. *Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavica*. 1963. Roč.XXXII. Seš.2. S.147–148.

тельных доказательств он обосновал вывод, согласно которому «Слово» было произнесено 25 марта 1038 года на праздник Благовещения в новоосвященной киевской церкви Благовещения⁹⁸. То, что это был 1038, а не 1049 год, как считает Н.Н.Розов, убеждает не только стечение праздников Благовещения и Пасхи 25–26 марта 1038 года, но совпадение в этом году сразу нескольких юбилеев и торжественных событий: 50-летие принятия христианства на Руси; 500-летие основания Софийского собора в Константинополе; 60-летие киевского князя Ярослава; завершение строительства оборонительных укреплений Киева; освящение церкви Благовещения на Золотых вратах, наконец, завершение строительства Софии Киевской⁹⁹. Конечно, в этой стройной и красивой системе доказательств есть слабые места. Например, возраст Ярослава проблематичен¹⁰⁰. Наиболее спорной является датировка Софии Киевской, которая, скорее всего, возводилась не с 1017 по 1037 год, а с 1037 по начало 1040-х годов.

Впрочем, многие нестыковки самой убедительной на сегодня датировки отпадут, если считать «Слово о Законе и Благодати» составленным из нескольких разновременных блоков и, возможно, даже изначально самостоятельных произведений¹⁰¹. Трудно представить, чтобы такое сложное по содержанию и масштабное по размерам сочинение произносилось во время службы. В трехчастной композиции «Слова» объединены вместе текстовые блоки, в порядке следования представляющие: 1) экзегезу; 2) образец торжественного красноречия; 3) весьма близкое к житийной форме прославление Владимира Крестителя. В сводном виде эти разделы образуют произведение вне жанров, да и отдельные составные части достаточно оригинальны, чтобы укладываться в жесткую схему жанровой классификации христианской книжности. Остальные сочинения Илариона также имеют разную датировку. «Исповедание веры», скорее всего, было произнесено при интронизации

---

⁹⁸ Ужанков А.Н. Из лекций по истории русской литературы... С.42–44.

⁹⁹ См.: Там же. С.6–21.

¹⁰⁰ По заключению антропологической экспертизы, останки из захоронения князя моложе на 8–10 лет в сравнении с указанным в летописи возрастом Ярослава; наряду с летописной тенденцией представить этого сына Владимира самым старшим из всех детей, один из списков князей определяет Ярослава на третьем месте.

¹⁰¹ В пользу такой гипотезы говорит обобщение существующих и новых документов, сделанное американским исследователем Томом Дикстра (см.: *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб., 2006).

в 1051 году, а автобиографическая запись была сделана вскоре после занятия митрополичьего стола. Что касается «Молитвы», то она, судя по содержанию, была написана уже от лица предстоятеля всей Русской церкви (т.е. между 1051–1054 годами).

Получается, что основные тексты, выражающие идейное кредо автора, создавались, вероятно, еще до начала митрополичьего служения Илариона. Если это так, то можно считать позицию автора не ангажированной политически, а свободным и независимым ни от должности, ни от конъюнктуры голосом радателя о благе отечества. Голосом, сильным и услышанным властью, которая заметила Илариона и выдвинула его на влиятельный пост для служения тем идеям, которые он так ярко прокламировал. Надо думать, что повседневные духовные заботы первоиерарха Русской церкви не оставляли ему времени для творчества, потому в наследии Илариона ранние по происхождению тексты превосходят объем написанного в период митрополичьего служения. В таком случае правы те, кто рассматривает «Слово о Законе и Благодати» как программу кандидата на занятие митрополичьего стола, перед избранием на высшую церковную должность в стране. Программа эта была заявлена письменно (ведь в самом тексте прямо сказано, что Иларион «пишет», а не произносит свой текст), а соответственно и распространялась в списках. Ничто не мешает предположить, что на протяжении дружбы с князем тот мог знакомиться с отдельными частями трудов умудренного в книжности берестовского пресвитера, а когда понадобилось «опубликовать» программу будущего митрополита, разновременные тексты были соединены для придания им официального статуса.

Совершенно очевидно, что содержание и значение «Слова» далеко выходит за рамки обычной проповеди, приуроченной к конкретной дате. Глубоко эмоциональная, образно-поэтическая форма произведения несет в себе объемный ступок смыслов, озвучивает в не имеющем аналогов ключе раздумья Илариона о мировой и отечественной истории, дает ответ на самые животрепещущие проблемы, с которыми столкнулась христианизируемая держава.

(Окончание следует)

Цель исторической практики состоит в том, чтобы понять не только события, но и людей, понять также, чем эти люди прошлого отличались от нас.

Если хотят выяснить, почему началась война во Вьетнаме, то гораздо важнее знать вьетнамцев, чем читать книгу. Чтение работ специалистов по абстрактным моделям, может быть, интеллектуально возбуждает и важно для формирования пророческого духа.

Но ... никогда нельзя вынести из абстрактных моделей определенный рецепт для конкретной ситуации, предусмотренной в модели. Эти абстрактные модели, хотя в свое время были очень в моде, оказались сильно дискредитированными в силу результатов их применения.

Реймон Арон

Валентина Марьина

1939 ГОД: СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

(НА ЧЕХО-СЛОВАЦКОМ ПРИМЕРЕ)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
327

In the first part of the article the author considers reactions of the Czech-Slovak emigration and the Czech public in the Protectorate of Bohemia and Moravia to the negotiations Great Britain, France and the USSR held in summer, 1939, to the Soviet-German non-aggression pact of August 23, 1939, and the drastic twist of the Soviet foreign policy as well as to resulting changes in strategy and tactics of the Communist International. The article is based on archive materials, published documents, memoirs, and on results of the author's studies of the problem.

Ключевые слова: внешняя политика СССР; Э.Бенеш; Мюнхенское соглашение; начало Второй мировой войны; Коминтерн; история Чехословакии, Чехии, Словакии.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

Мюнхенское соглашение (29–30 сентября 1938 г.) Англии, Франции, Германии и Италии положило начало расчленению Чехословакии¹. В марте 1939 года по воле Гитлера оно завершилось. Западная часть страны – под названием Протекторат Богемия и Моравия – была включена в состав Третьего рейха; Словакия стала номинально самостоятельным государством под опекой Берлина; Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину) оккупировала Венгрия². Хотя большинство чешского народа было настроено антифашистски и внутренне не приняло оккупацию, значительная часть общества резко не осуждала президента Э.Гаху, безропотно подчинившегося гитлеровскому диктату. В то же время часть чехов расценила его деятельность как коллаборационизм. Потеря государственности без сопротивления агрессору, задевавшая национально-патриотические чувства чехов, на первых порах порождала пессимизм и подрывала веру в возможность активного противодействия оккупантам. В Словакии никакой эйфории по случаю получения дарственной от Гитлера в виде «самостоятельности» не наблюдалось.

Э.Бенеш, еще в октябре 1938 г. сложивший с себя президентские полномочия и эмигрировавший из страны, после окончательного расчленения Чехословакии выступил с идеей ее политического и правового континуитета. Как наиболее значимая фигура чехословацкой эмиграции, он возглавил за рубежом борьбу за восстановление Чехословацкой республики в предмюнхенских границах. В Лондоне, Вашингтоне, Москве (до декабря 1939 г.), Париже (до июня 1940 г.) продолжали существовать чехословацкие дипломатические представительства. Бенеш, обосновавшийся с июля 1939 года в Лондоне, имел надежные каналы связи с чешскими землями, где постепенно стали возникать очаги сопротивления оккупантам.

---

¹ До Мюнхена она называлась Чехословакия, с октября 1938 г. по март 1939 г. – Чехословакия, после марта 1939 г. – Протекторат Богемия и Моравия и Словакия, Словацкое государство, Словацкая республика.

² См. подробнее: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн.1. 1939–1941 гг. М., 2007. С.48–90.

Переговоры Англии, Франции и Советского Союза летом 1939 года

Взбодраженное исчезновением Чехословакии (на Западе, в дипломатических документах, документах Бенеша по-прежнему употреблялся термин Чехословакия, Чехословацкая республика, хотя фактически ее не существовало) с политической карты мира, европейское общественное мнение, наконец-то, осознало, что эта страна – не последняя жертва агрессора, но колебалось в ответе на вопрос о направлении следующего удара Гитлера: Восток? Юго-Восток? Запад? При этом все большее число сторонников находила последняя версия. У.Черчилль, тогда оппозиционно настроенный депутат английского парламента³, в разговоре с советским послом в Лондоне И.М.Майским еще 15 марта высказал мнение, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и ее армию»⁴.

Опасность остаться наедине, лицом к лицу с гитлеровской Германией усилила в Англии и Франции тенденции к оживлению системы коллективной безопасности, получившей смертельный удар в Мюнхене, и началу переговоров с СССР о ее реанимации. Но это вовсе не означало окончательного отказа тогдашнего руководства западных стран от политики «умиротворения», рецидивы которой стали учащаться по мере удаления от событий 14–15 марта 1939 г. Одной из причин подобного рода рецидивов, по мнению Майского, являлось следующее. «Душа души» Чемберлена в области внешней политики «сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран»; «Чемберлен идет по пути так называемой "новой политики" крайне неохотно, на каждом шагу упираясь и все время выжидая момента, когда можно было бы вновь свернуть на столь знакомый ему путь политики "умиротворения"»⁵. О готовности руководителей Англии пойти на новые уступки Гитлеру, т.е. продолжить эту политику, свидетельствовали их многочисленные заявления и действия весной–летом 1939 года⁶.

Того же мнения о политике английских и французских руководящих кругов, среди которых по-прежнему преобладали «мюнхенцы»,

---

³ У.Черчилль сменил Н.Чемберлена на посту премьер-министра в мае 1940 года.

⁴ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в 2-х томах. Т.1. М., 1990. С.274–275.

⁵ Там же. С.444–445.

⁶ Там же. Т.2. М., 1992. С.125–127, 131–134, 395–396, 400–402.

придерживался и Бенеш. Во Франции и Англии, – писал он на родину 22 июня 1939 г. – «стремление к компромиссу [с Германией] все еще велико, страх перед войной значителен, хотя они и чувствуют ее неизбежность. Я не строю никаких иллюзий в отношении **нынешних** правительств этих государств. Их совесть по отношению к нам нечиста, они знают, как навредили нам, и поэтому нас не любят. Они высказывают также наши ошибки, чтобы оправдать свои непростительные действия. Но мы закрываем на это глаза и хотим привлечь их на свою сторону. Если же начнется война, то произойдут большие изменения в правительствах, а затем и в отношении нас все значительно изменится. А в будущем мы не забудем ничего из случившегося»⁷. Это – «не забудем ничего из случившегося» – и утвердило Бенеша в мысли об «укреплении мостов», наведенных ЧСР в отношениях с Советским Союзом после заключения советско-чехословацкого договора 1935 г. Главное и принципиально важное положение, из которого исходил Бенеш, определяя свое отношение к СССР, состояло в том, что Чехословакия, малое государство в центре Европы, должно иметь хорошие отношения как с Западом, так и с Востоком. Позиция Бенеша основывалась на реалистическом и адекватном понимании жизненно важных государственных и национальных интересов Чехословакии. В новых условиях он хотел использовать тот небольшой положительный опыт взаимоотношений с Россией (он часто употреблял этот термин как синоним Советского Союза), который был накоплен его страной ранее. Экс-президент был противником коммунистической идеологии в ее большевистском облики, но являлся сторонником идей конвергенции капиталистической и социалистической систем, их неизбежного взаимопроникновения и взаимовлияния. Это выражалось в употребляемых им терминах «социализирующаяся демократия» и «демократизирующийся социализм»⁸. Намереваясь проводить самостоятельную внешнеполитическую линию, Бенеш в то же время понимал всю сложность и малую возможность этого в существующих услови-

⁷ *Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J.Šolc. Praha, 1996. S.22.*

⁸ *Об истории советско-чехословацких отношений в 1939 году см. подробнее: Марьяна В.В. К истории советско-чехословацких отношений 1938–1940 гг. По страницам дневника И.М.Майского // Россия XXI. 2006. №3. С.110–118; Она же. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С.48–120.*

ях. Как опытный и реально мыслящий политик, он готов был прислушиваться к рекомендациям Москвы, учитывать позиции Советского Союза, балансируя на схожести интересов и противоречиях Запада и СССР. Отстаивая после расчленения Чехословакии принцип ее государственной правопреемственности, Бенеш под этим углом зрения рассматривал и вопрос о союзнических отношениях с СССР. Он не хотел «сжигать» с таким трудом ранее «наведенные мосты».

Приверженцы идеи восстановления Чехословацкого государства как в эмиграции, так и в оккупированных чешских землях связывали возможность ее реализации преимущественно с помощью извне, рассматривали ее в контексте развития событий в Европе и мире. Э.Бенеш желал объединения сил западных держав и СССР во имя «войны Европы с Гитлером», победа над которым представлялась ему единственно возможным путем воссоздания ЧСР, «другой надежды на освобождение не было»⁹. Международное положение и особенно состояние дел на европейском континенте тщательно анализировались чехословацкой политической эмиграцией. Поэтому Э.Бенеш с большим интересом следил за всеми перипетиями переговоров Англии, Франции и Советского Союза летом 1939 г. относительно соглашения в деле противодействия германской агрессии на европейском континенте. При этом он проецировал их ход, прежде всего, на решение чехословацкого вопроса, опасаясь, что в случае их неудачи «мы снова будем принесены в жертву». Курс СССР на достижение договоренности с западными державами благотворно влиял на объединение усилий представителей различных политических направлений чехословацкой эмиграции в борьбе за освобождение ЧСР. Это отмечал 7 мая 1939 года и чехословацкий посланник в Москве З.Фирлингер. Правда, его беспокойство за исход англо-франко-советских переговоров возросло после публикации статьи А.А.Жданова, в которой сквозило явное раздражение Москвы в связи с вяло текущим и бесплодным ходом переговоров¹⁰.

Надежды на то, что западные державы и Советский Союз, преодолев имеющиеся между ними противоречия, смогут создать единый

---

⁹ *Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943 (dále – ДНČР). Díl 1. Praha, 1966. S.111.*

¹⁰ *Жданов А.А. Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР // Правда. 1939. 29 июня; Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S.219, 266.*

фронт против Гитлера, возрастали и в оккупированных чешских землях. Весной и летом 1939 г. здесь был велик авторитет Советского Союза, решительно протестовавшего в марте против расчленения ЧСР. Характеризуя положение в протекторате, советский генконсул в Праге В.Яковлев сообщал в НКВД СССР 30 апреля 1939 г.: «Настроение чехов таково: "ждем войны, она нас выручит"... Колоссальной, подчеркиваю, колоссальной популярностью пользуется чешское радио в Москве»; а 12 июля он писал М.М.Литвинову: «Симпатии к СССР исключительные»¹¹. В августе, по наблюдениям Яковлева, отношение к Советскому Союзу оставалось прежним: «В массах небывало выросли симпатии к Советскому Союзу. Все от мала до велика слушают советские радиопередачи на чешском языке»¹².

Следует отметить, что в это время состояние апатии и пессимизма в чешском народе стало постепенно уступать место стремлению к сопротивлению оккупантам¹³. Временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А.Астахов записал в своем дневнике 4 июля 1939 года о настроениях в Праге: «Резкий перелом в антинемецкую сторону... от прежней покорности и примирения с судьбой ничего не осталось. Исчезло и прежнее раздражение по адресу Франции и Англии, а также Бенеша. Все с огромным вниманием следят за ходом англо-советских переговоров, рассчитывая, что англо-франко-советский союз, в конечном счете, принесет разгром Германии и освобождение Чехии. О Бенеше говорят, что он "уехал со стыдом, а вернется со славой". Настроение таково, что "если половина народа погибнет в борьбе, то из остальной половины получится толк"»¹⁴.

Одновременно с этим стали распространяться слухи, что во время переговоров обсуждался и чехословацкий вопрос, однако по нему не удалось прийти к соглашению. Так, в частности, полагал и Бенеш, отмечавший 14 августа: «Советы поддерживают нас, во время переговоров с англичанами они вступились за нас – это было одной из трудностей

---

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.81, 115.

¹² Там же. Оп.16. П.33. Д.4. Л.147 (Сообщение от 12 августа).

¹³ См.: *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995. С.25–61.*

¹⁴ АВП РФ. Ф.082. Оп.22. П.93. Д.8. Л.86.

[переговоров] – и обещают быть твердыми, ясными и бескомпромиссными в нашем вопросе»¹⁵.

Нелегальная чешская газета «В бой» (*V boj*), объясняя задержку с подписанием соглашения, писала в начале августа: «Россия хотела знать, как партнеры по соглашению представляют себе организацию европейских государств. Лондон отметил, что... выступит за восстановление этого государства (Чехословакии. – В.М.) в послеюнхенских границах. Москва не согласилась с этим и предложила, чтобы наши прежние границы... были восстановлены». В следующих номерах газеты, комментировавших поездку в СССР германской делегации для ведения переговоров по экономическим вопросам, говорилось, что немцы настаивают на прекращении переговоров России с западными державами и занятии ею нейтральных позиций, взамен чего Германия якобы готова отказаться от претензий на территорию всей прежней Чехословакии. Москва будто бы рекомендовала немецкой делегации передать своему правительству «дружеский совет» немедленно «освободить» Чехословакию и согласиться на ее существование в прежних границах. Говорилось даже об ультиматуме, который будет передан Германии по этому вопросу¹⁶. Комментарий создавал ложное впечатление, что между Англией, Францией и СССР господствует единство мнений в отношении Германии и что они требуют от нее отказа от претензий на чехословацкую территорию¹⁷. По Праге циркулировали слухи о кратковременной поездке Бенеша в Москву и его встрече со Сталиным для обсуждения чешского вопроса¹⁸.

Таким хотелось видеть положение дел чехам, но, к сожалению, это не отвечало действительности. Как следует из известных автору документов, ни во время англо-франко-советских, ни во время советско-немецких переговоров чехословацкий вопрос, тогда однозначно периферийный, вообще не поднимался. Возможно, подобные слухи появлялись потому, что информация о переговорах была чрезвычайно скудна,

¹⁵ *Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Praha, 2002. S.181 (письмо к чехословацкому представителю в Вашингтоне В.Гурбану).*

¹⁶ *V boj. Edice ilegálního časopisu. Praha, 1992. I díl. 1939. Svazek 3. S.427–429. – Газета отражала настроения левой части некоммунистического движения Сопротивления.*

¹⁷ *Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. №1. S.73, 74.*

¹⁸ *АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.33.*

а также потому, что в ту пору, как уже говорилось, в чешском народе вообще велика была вера в Советский Союз, якобы готовый выступить в защиту Чехословакии. Авторитет СССР, великой славянской державы, был в то время очень высок во всех слоях чешского общества, в том числе и весьма далеких от идей социализма. В одной из листовок (без подписи), которые тогда распространялись в оккупированной стране, говорилось: «В случае немецко-польского конфликта Протекторат будет занят русскими войсками... Ультимативным путем ЧСР должна быть очищена от немецких войск, включая Судеты... Россия оговорила для себя право решать будущее ЧСР, главным образом в финансовых вопросах»¹⁹.

И еще одно свидетельство надежд чехов на Россию, на ее договоренность с западными державами. Это запись разговора (12 августа 1939 г.) В.Яковлева с бывшим руководящим чиновником МИД ЧСР. Собеседник Яковлева (обозначенный «О») ²⁰ «заявил, что все круги чехов с нетерпением ожидают подписания договора, ибо понимают, что дальнейшая судьба Чехословакии будет решаться на международной арене или во внутренних потрясениях Германии, в этом договоре чехи видят свое спасение.... "О" понимает, что убеждение широких масс чехов, будто советская сторона требует немедленного восстановления Чехословакии в ее старых границах, иллюзорно, однако он и все руководящие круги чешского национального движения имеют сведения, что советский проект договора содержит декларативное непризнание оккупации ЧСР Германией... "О" сказал, отражая настроения чехов в Протекторате и свое собственное, что все с месяца на месяц ждут войны или какого-либо события, которые потрясли бы Германию и освободили чехов»²¹. Иллюзорность этих надежд и представлений вскоре стала очевидной.

Но существовали и другие оценки, касавшиеся переговоров СССР с западными державами. Они исходили, скорее всего, от коммунистов или левонастроенных жителей протектората. Так, некто Йозеф Вацла-

¹⁹ Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) [Передан Российскому государственному военному архиву (РГВА)] (далее – РГВА, ЦХИДК). Ф.501. Оп.3. Д.299. Л.356.

²⁰ По словам В.Яковлева, этот человек состоит «в руководстве тайной организацией чехов», хорошо связанной с западной эмиграцией (Э.Бенешем, Г.Рипкой).

²¹ АВР РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.122–123.

вик из Праги в письме на имя В.М.Молотова от 31 июля 1939 г. советовал: «Не следует забывать, что западные великие державы пойдут на альянс с Советами только по нужде. Советы не должны забывать, что западные мародеры обладают большой долей презрения к своему восточному союзнику. Отношение Москвы к западным союзникам должно быть приблизительно таким, как между торговцами. Поменьше западных визитов в Москве. С почтением и пр. С пожеланием больших успехов Йозеф Вацлавик»²².

События августа 1939 года вот уже 70 лет привлекают к себе внимание историков. И будут привлекать, по-видимому, и далее, поскольку сохраняется надежда на то, что российские архивы хранят нечто важное, проливающее новый свет на причины крутого изменения советского внешнеполитического курса. Однако изучавший проблему академик А.О.Чубарьян считает: «Подход к анализу событий того времени должен исходить из того, что главный вопрос сегодня – это не столько поиск новых документов, а проблемы интерпретации уже имеющихся в распоряжении исследователей событий и фактов, отраженных во множестве рассекреченных документов»²³.

Переговоры Советского Союза, Англии и Франции, как известно, зашли в тупик и были прерваны, после чего последовало подписание Договора о ненападении между СССР и Германией. Причины неудач этих переговоров историки видят по-разному. Западные исследователи чаще всего возлагают вину за это на Советский Союз и Сталина. С 90-х годов XX века подобной версии стала придерживаться и часть отечественных историков. В советской историографии вся ответственность за срыв переговоров возлагалась на западные державы²⁴. Чубарьян при оценке событий лета 1939 г. исходит из так называемой многофакторной исследовательской методологии, требующей учитывать интересы всех участников исторического процесса, не примешивать к выводам авторские эмоции и максимально «объективизировать» историографию. В его фундаментальной монографии сделана попытка всесторонне рас-

---

²² АВП РФ. Ф.06. Оп.1. П.20. Д.219. Л.27 (перевод с чешского).

²³ Чубарьян А.О. *Международный кризис 1939–1941 гг.: концептуальные подходы, проблемы интерпретации // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С.14.*

²⁴ См. подробнее: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления / Отв.ред. и сост. С.З.Случ. М., 2007.

смотреть причины неудачи англо-франко-советских переговоров и подписания пакта Молотова–Риббентропа²⁵. В интервью «Российской газете» (10 октября 2008 г.) Чубарьян отметил, что на Сталина психологически очень сильно повлиял сентябрь 1938 г., Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии, когда фактически на растерзание Гитлеру была отдана Чехословакия, а СССР оказался в изоляции. Система коллективной безопасности в Европе, которую он предлагал выстроить, просто умерла, а оживлять ее было не с кем, поскольку западные державы хотя и осознавали опасность, исходившую от Гитлера, все еще не отказались от политики его умиротворения. Москва нервничала: со дня на день мог начаться конфликт в непосредственной близости от советских границ, на Дальнем Востоке нависла японская угроза. Это заставляло Советский Союз вести переговоры с Англией и Францией жестко, добиваясь не общих деклараций, а конкретных решений, могущих сдержать германскую агрессию²⁶. Лондон и Париж, все еще рассчитывавшие на возможность мирно договориться с Берлином, затягивали переговоры. Они вели их, скорее, в форме зондажа СССР и шантажа Германии, что чрезвычайно раздражало советскую сторону. К тому же Сталин весьма скептически относился к выполнению Англией союзнического долга перед Польшей, полагая, что он будет выполнен не лучше, чем долг Франции перед Чехословакией в сентябре 1938 года. Все это и привело к «смене вех» в советской внешней политике. Гитлеру же, намеревавшемуся в ближайшее время разгромить Польшу и повернуть оружие против западных держав, выгоден был в ту пору союз с СССР и его (СССР) нейтральная позиция: воевать на два фронта было опасно. Фюрер был заинтересован в недопущении соглашения между Англией, Францией и Советским Союзом. Польша, Румыния, Латвия, Эстония, Финляндия – не без нажима Германии и ее угроз – тогда наотрез отказались от советских гарантий.

²⁵ Чубарьян А.О. *Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.* М., 2008.

²⁶ Москва предлагала заключить трехсторонний договор о взаимопомощи, носящий чисто оборонительный характер; дать гарантии всем государствам Центральной и Юго-Восточной Европы, включая все европейские государства, граничащие с СССР; определить форму и размеры немедленной и эффективной помощи сторон друг другу и малым государствам, над которыми нависла угроза агрессии. Принять политические и военные договоры предлагалось в одном пакете.

Но вернемся к августу 1939 года и посмотрим на него глазами современника тех событий У.Черчилля. Его оценки, данные в написанных вскоре после войны мемуарах, представляют несомненный интерес. Черчилль резко осуждал политику западных держав в период мюнхенского кризиса и изоляцию СССР. Характеризуя начавшиеся в Москве в апреле 1939 г. советско-английские переговоры, он писал: «Если учесть, какое отношение советское правительство встречало до сих пор, теперь от него не приходилось ожидать многого»²⁷. 19 мая 1939 г. Черчилль, А.Иден и Д.Ллойд Джордж, выступая в палате общин, «настойчиво указывали правительству на жизненно важную необходимость заключить с Россией соглашение наиболее далеко идущего характера и на условиях равноправия». «Ясно, – подчеркнул тогда Черчилль, – что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной... перед нами предложение – справедливое и, по моему, более выгодное предложение, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно»²⁸. Свое мнение он не изменил и после войны. «Однако даже и сейчас, – писал английский экс-премьер в своих мемуарах, – не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России провозгласить тройственный союз»²⁹. Следует отметить, что, как утверждает профессор Оксфордского университета Дж.Харрис, и английское общественное мнение (не верхи) склонялось тогда к необходимости заключения тройственного союза для противодействия агрессивной политике рейха. Ученый полагает: «Не вызывает сомнений, что отношение Британии к России создало у многих наблюдателей общее впечатление незаинтересованности и двурушничества, что подпитывало не только в СССР, но и у критиков в самой Британии подозрения в том, что для британского правительства главным врагом был скорее Сталин, чем Гитлер, и что лучшая надежда на мир связывалась с тем, что оба диктатора нейтрализуют или сотрут с лица земли друг друга без непосредственного вмешательства западных держав».

---

²⁷ Черчилль У. *Вторая мировая война / Сокращенный перевод с английского в 3-х книгах.* Кн.1. М., 1991. С.162 (См.: militera.lib.ru/memo/English/Churchill/index.html).

²⁸ Там же. С.170–171.

²⁹ Там же. С.163.

Политика Чемберлена, считает Харрис, «напрямую шла в разрез с общественным мнением широких масс британцев в 1939 г.»³⁰.

Срок нападения Германии на Польшу, о чем советское руководство было осведомлено по разным каналам, приближался с невероятной быстротой. Москва оказалась в цейтноте. В условиях стремительно надвигающейся угрозы войны, к которой СССР был не готов, Кремль решил круто изменить курс своей внешней политики и пойти на подписание договора с Германией. «Одиозный противоестественный акт, – считал Черчилль. – ...Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»³¹. А в ноябре 1939 года, беседа с И.М.Майским, тогда уже Лорд Адмиралтейства, военно-морской министр Англии Черчилль говорил: «Ваш пакт о ненападении с Германией развязал войну, но я не в претензии на вас. Я даже доволен. Я давно уже чувствовал, что нужна война с Германией. Без вашего пакта мы колебались бы, тянули бы и, наконец, дотянули бы до того момента, когда бы уже не могли выиграть войны. А теперь мы ее выиграем, хотя это и будет нам дорого стоить»³².

Следует заметить, что советско-германский договор нельзя рассматривать как изолированное явление, как голый факт, вырванный из общей цепи событий, причинно-следственных связей, в отрыве от всей международной ситуации и политики того времени. А этим подчас грешат историки и особенно публицисты, пытающиеся дать ему оценку. Сталина нередко упрекают в двойной игре, которую он вел. Да, действительно, оказавшийся в изоляции во время и после Мюнхена СССР пытался найти союзников, ведя параллельно переговоры с западными державами и рейхом. А разве не то же самое делали Англия и Франция до этого, преследуя свои национально-государственные интересы? «В Лондоне и Париже горько сокрушались по поводу двойственной игры Сталина... В Кремле могли возразить, что, собственно, и сделали. Советский Союз сделал то, что Англия и Франция сделали год назад в Мюнхене – за счет маленького государства купили себе мирную передышку, необходимую на перевооружение, чтобы противостоять Герма-

---

³⁰ Харрис Дж. Британское общественное мнение и советско-германский пакт // *Международный кризис 1939–1941 гг. ...* С.390.

³¹ Черчилль У. Указ. соч. С.179–180.

³² Цит. по: Марьина В.В. *К истории советско-чехословацких отношений...* С.118.

нии. Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворяя Гитлера и отдав ему в 1938 г. Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворив через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?»³³ Вопрос, поставленный одним из читателей свободной энциклопедии «Википедия», справедлив.

Не демонизировал советско-германский договор и Черчилль, который оценивал его конкретно-исторически и после войны, рассматривая через призму европейской и мировой политики того времени. «Невозможно сказать, – писал он в мемуарах, – кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями был смертельным... В пользу Советов можно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»³⁴.

Советско-германский договор о ненападении и начало Второй мировой войны

21 августа 1939 г., незадолго до полуночи, германское радио, прервав свои передачи, сообщило о договоренности между правительствами Германии и СССР заключить пакт о ненападении. 22 августа эта новость появилась на страницах всей официальной прессы протектората. «В Праге вокруг киосков, продающих газеты, толпы народа, – сообщал В.Яковлев в Москву. – На улицах собираются группы людей, обсуждающих сообщения газет. Большинство уверяет друг друга, что сообщения газет не отвечают действительности; принимаются чехами с неодобрением»³⁵. Следует отметить, что немецкие оккупационные вла-

---

³³ *Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом*
(http://ru.wikipedia.org/wiki/Пакт_Молотова).

³⁴ Черчилль У. Указ. соч. С.180.

³⁵ АВП РФ. Ф.138. Оп.19. П.33. Д.5. Л.4–5.

сти были заинтересованы в том, чтобы немедленно довести до сведения чешского населения факт заключения советско-германского пакта. Приказ цензуры от 24 августа подчеркивал не только возможность, но и желательность «как можно более скорого опубликования специального выпуска газет с этим сообщением», учитывая его значение «для международной ситуации, Рейха и Протектората»³⁶. И действительно печать протектората в последнюю декаду августа уделяла этому событию большое внимание, оценивая его в основном как серьезный успех германской внешней политики³⁷.

Заключение советско-германского договора о ненападении 23 августа и оценка Москвой начавшейся Второй мировой войны как империалистической с обеих сторон вызвали шок и недоумение как значительной части чешского подполья, так и чехословацкой политической эмиграции на Западе. В секретной информации немецкой службы безопасности от 29 сентября говорилось: «На чешские слои, враждебные Германии, пакт произвел удручающее впечатление... оптимизму чехов, который с мая по август непрерывно возрастал, был нанесен сильнейший удар»³⁸. Примерно в то же время нелегальное руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) сообщало в депеше, направленной Заграничному бюро КПЧ в Москве и его главе К.Готвальду: «Мелкая буржуазия и частично рабочий класс пока еще дезориентированы в вопросе характера войны и политики Советского Союза»³⁹. Фирлингер, поддерживавший связи с родиной, сообщал Бенешу 26 августа: «Я должен сознаться, что не ожидал подобного радикального ответа Москвы на непрерывные оттяжки и закулисные переговоры со стороны западных держав... У меня было впечатление, что настроение тут решительное и что Москва хочет идти с Западом до самого конца. ... Очевидно, что пакт о ненападении, подписанный Москвой и Берлином, породил панику среди наших людей. Особенно официальный комментарий советской печати в связи с событиями будет

---

³⁶ Там же. Л.48.

³⁷ Там же. Л.2–7.

³⁸ Цит. по: *Odboj a revoluce. Zprávy. 1966. №4. S.98.*

³⁹ *Děpeše mezi Prahou a Moskvou 1939–1941 // Příspěvky k dějinám KSČ. 1967. №3 (далее – Děpeše). S.394.*

непоняты нашей общественности. Внешне пакт выглядит как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве»⁴⁰.

Чехословацкая подпольная газета левого направления «Информационная служба национального освобождения», констатируя смятение и переполох, вызванные заключением советско-германского пакта «не только у нас, но во всем мире», вместе с тем призывала не поддаваться панике и подождать пока будущее покажет, «что́ этим СССР, собственно, хотел достичь». Газета призывала не верить нацистской печати, изображающей пакт как почти союзнический договор, а верить «себе, своему дорого оплаченному опыту, не терять головы» и видеть в немецком нацизме «открытого врага Европы номер один». В специальном приложении к выпуску от 23 августа, посвященном заключению пакта и озаглавленном «Выстрел против Чемберлена», говорилось о необходимости противопоставить фантазиям и дезориентации «холодный анализ фактов и их взаимозависимости» и выражалась убежденность, что дипломатические советско-немецкие переговоры «не дают чехам никакого повода для беспокойства»⁴¹. Старалась успокоить общественность и вышеупомянутая газета «В бой», которая советовала осторожно судить о пакте. Она писала, в частности, о пощечинах, нанесенных России поведением прибалтийских стран, Польши и Англии, что и продиктовало России необходимость «вернуться лицом назад» и заключить с Германией вынужденный обстоятельствами пакт о ненападении. Он назывался «блестящим шагом советской дипломатии», от которого проигрывает не Россия, а Германия⁴².

Анализируя настроения широких народных масс после заключения пакта, неизвестный корреспондент из Праги писал чешской редакции московского радио 18 сентября: «Заключение этого пакта было бесспорно тяжелым шоком для широких слоев, особенно непролетарских. Среди рабочих уже несколько дней спустя пакт оценивался совершенно разумно, хотя многие и из числа рабочих подпали под влияние геббельсовской пропаганды, которая непрестанно представляла этот пакт как союзнический и постоянно твердила о совместных действиях Берлин –

---

⁴⁰ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha 1998. S.76–77.*

⁴¹ *Informační služba národního osvobození. Č14. Uzavěrka. 23.08.39 (АБП РФ. Ф.138. Он.19. П.34. Д.6. Л.27, 82, 84).*

⁴² *V boj. Svazek 4. S.476.*

Рим – Москва. ... Особенно дезориентированы были мелкобуржуазные слои». Корреспондент отмечал: «Следует обратить внимание на одно суждение, которое имеет широкое распространение: СССР до сих пор проводил моральную политику, чистую и ясную, а сегодня он уже этого не делает»⁴³. Моральный ущерб для СССР, заключившего договор с нацистской Германией, был очевиден.

Неоднозначно восприняли заключение советско-германского пакта и чехословацкие коммунисты, которые также оказались в состоянии «растерянности умов». Сохранившиеся подпольные коммунистические издания (газеты, листовки) позволяют сделать вывод, что нелегальное руководство КПЧ и актив партии защищали политику Москвы, стремились в меру своего понимания ее разъяснить. В одной из коммунистических листовок, озаглавленной «Господин Риббентроп едет подписывать крах "Майн Кампф", или "Дранг нах Остен" не состоялся», говорилось следующее: «Многие из вас охвачены отчаянием: "это – конец наших надежд на свободу", "большевики вступили в союз с фашистами" и т.д. Ничего такого большевики не сделали... Мы заявляем: сегодня свобода чехов ближе, чем была вчера». Авторы листовки утверждали, что «целью Советов является не допустить соглашения между Лондоном, Парижем и Берлином, направленного против Москвы»; что «Москва готовится к решительному акту в Европе»; что «победу одержит европейская социалистическая революция – народ – Советы»; что «из этого родится новая свобода чехов, республика с правительством рабочих и крестьян»⁴⁴. Нелегальное руководство КПЧ уже 24 августа заняло по отношению к пакту четкую позицию одобрения и поддержки. Оно считало, что, заключив пакт, СССР «открыл дорогу своей собственной политике мира, защиты своих интересов, а также малых и угнетенных народов». Значение подписания пакта с точки зрения задач, стоявших перед чешским народом, определялось так: «Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой респуб-

⁴³ АВП РФ. Ф.138. Он.19. П.34. Д.6. Л.72.

⁴⁴ РГВА, ЦХИДК. Ф.501. Он.3. Д.299. Л.172.

лики. Мы будем вести эту борьбу. Мы уверены в помощи международного рабочего класса и в поддержке Советского Союза»⁴⁵.

В других документах подпольной КПЧ осени 1939 года (и более поздних) внешняя политика СССР этого периода также оценивалась положительно, а пакт трактовался как «гениальный шаг», наносящий удар всему капиталистическому миру. В листовке «К германо-советскому пакту» (16 сентября 1939 г.) говорилось: «Между коммунизмом и нацизмом нет мира, даже если непрерывно меняющаяся ситуация и требует каких-либо пактов... мы тверды в борьбе с нацистскими оккупантами»⁴⁶.

Эта позиция нелегального руководства КПЧ, хотя и стала широко известна в чешских землях из многочисленных подпольных изданий и устной пропаганды, сначала, видимо, не получила поддержки рядовых коммунистов. В депеше, направленной им Готвальду 31 августа 1939 г., сообщалось: «Новая ситуация вызвала частично панику. Мы немедленно приняли меры к обяснению ситуации массам и к активизации борьбы против оккупантов»⁴⁷.

Но положение компартии, ее работа в массах, агитация в пользу Советского Союза и разъяснение его политики осложнялись тем, что в чешских землях курсировало множество самых разнообразных (подчас противоречивых) слухов, широким фронтом и по разным направлениям шла обработка общественного мнения. Официальные чешские власти протектората, одобряя советско-германский пакт, призывали народ к лояльности в отношении Германии и сотрудничеству с оккупантами. В кинотеатрах демонстрировались кинофильмы о «вечной дружбе» между Германией и СССР, об их растущем экономическом сотрудничестве.

В то же время в оккупированной стране стало известно об антикоммунистической и антисоветской позиции правой части чехословацкой политической эмиграции на Западе, включившейся в проводимую здесь против СССР пропагандистскую кампанию. Утверждалось, например, что коммунисты установят сотрудничество с гестапо, что компартия будет легализована, а ее члены выпущены из тюрем и концлагерей, а в

---

⁴⁵ Документ опубликован в подпольной газете «Руде право» в конце сентября 1939 г. (*Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1971 [Переиздание номеров газеты с комментариями]. S.34.*).

⁴⁶ РГВА, ЦХИДК. Ф.501. Оп.3. Д.299. Л.420.

⁴⁷ *Děřeše. S.388.*

случае их включения в кампанию против Англии и Франции получат «теплые местечки». Вместе с тем СССР обвинялся в предательстве чешского народа, дела демократии, политики коллективной безопасности, в союзе с Гитлером во имя раздела мира⁴⁸. Поскольку радиопередачи Запада в чешских землях, несмотря на запрет, слушали многие, можно понять, насколько дезориентировано было общественное мнение. «Подготовка и заключение пакта СССР с Германией были восприняты в Праге с растерянностью и произвели на близкие СССР круги тягостное впечатление. Когда стало известно о возможности заключения пакта, собралось (23 августа. – В.М.) неофициальное совещание чешского правительства с обсуждением отношения к пакту. Все министры высказались в том духе, что пакт ускорит события в Европе, лишь один Гавелка (открытый герmanoфил. – В.М.) заявил, что пакт означает длительную гегемонию Германии в Европе. Из этого должна исходить политика чехов»⁴⁹.

Новый курс Коминтерна

Разброд в умах усилился в связи с началом Второй мировой войны, с оценкой ее характера Коминтерном как империалистической с обеих сторон и вытекающим отсюда изменением тактики коммунистического движения. В депеше, направленной в Прагу за подписью Секретариата ИККИ 8 сентября, говорилось: «Современная война является войной империалистической, несправедливой, одинаковая вина за которую лежит на буржуазии всех воюющих стран. ... Война радикально изменила ситуацию. Разделение государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл. В соответствии с этим должна измениться и тактика. Тактика коммунистических партий во всех воюющих странах в этот период состоит в том, чтобы выступать против войны, разоблачать империалистический характер войны... Коммунистические партии должны всюду перейти в решительное наступление против предательской политики социал-демократии»⁵⁰. 14 сентября в дополнение к этой

⁴⁸ Reicin B. *Situacia a odboj v Protektorátě v letech 1939–1940 // Z počátků odboje. 1938–1941. Praha, 1969. S.101.*

⁴⁹ *АВП РФ. Ф.0138. Оп.20. П.130. Д.1. Л.190–191 (Сообщение В.Яковлева в НКВД от 29 сентября).*

⁵⁰ *Děřeše. S.390.*

директиве в Прагу ушла депеша, подписанная Готвальдом: «КПЧ использует теперешнюю войну для развертывания национально-освободительной борьбы чехословацкого народа. Она выступает против использования этой освободительной борьбы в империалистических интересах англо-французского военного блока, как это делают бенешевцы. Заграничная акция Бенеша находится сегодня на службе империалистов и врагов Советов. Поэтому не допускайте, чтобы национально-освободительное движение на родине было подчинено этой заграничной акции или ее поддерживало. От иноземного ига нас освободят не империалисты, Чемберлен и Даладь... а сам чехословацкий народ, объединившись с немецким и австрийским рабочим классом, свергнет Гитлера и добьется национального и социального освобождения. Советский Союз является и останется в будущем единственным настоящим другом поработанных народов, в том числе и народов Чехословакии»⁵¹.

Нелегальное руководство КПЧ обсуждало ситуацию, возникшую в связи с нападением фашистской Германии на Польшу, еще до того, как поступили депешы из Москвы⁵². Отражением этих дискуссий и стало, видимо, сообщение, направленное Готвальду 10 сентября. «Точка зрения в нашем воззвании по случаю начавшейся войны: агрессором является гитлеровская Германия. Для нас это означает активизировать борьбу против главного врага, поддерживать борьбу против Гитлера, но в то же время резко отмежеваться от западной реакции... Важно, чтобы все стремились нанести поражение фашистскому агрессору. Долой империалистическую войну, да здравствует совместная борьба народов!»⁵³ В обращении в связи с началом войны (распространено в виде листовки; составлено, судя по стилю, коммунистами) говорилось, что пакт «сломает Гитлеру хребет»; что «близится час нашего освобождения»; что наряду с польским и французским фронтом необходимо открыть третий

⁵¹ *Ibid.* S.390–392. – В день объявления Англией войны Германии Бенеш направил главам правительств Великобритании, Франции и Польши телеграмму: «Мы, чехословацкие граждане, считаем, что наша страна находится в состоянии войны с немецкими военными силами» (Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války*. Praha, 1946. S.427).

⁵² По сообщениям гестапо, дискуссия о характере начавшейся войны велась на расширенном заседании нелегального руководства КПЧ в Праге уже 1 сентября 1939 г. (См.: *Rudé právo*. 1939–1945. S.22).

⁵³ *Děpeše*. S.391.

фронт «против гитлеровской Германии – внутри страны» (то есть в чешских землях. – В.М.)⁵⁴.

Мотив «Германия – агрессор» исчезает из более поздних документов нелегальной КПЧ, приведенных уже в соответствии с линией Коминтерна и возлагавших ответственность за войну как на фашистскую Германию, так и на западные державы. В статье нелегальной «Руде право» еще не содержалось резких выпадов против Бенеша. Отмечалось, что пока не ясно, действует ли он в согласии со всеми чехословацкими гражданами за рубежом или, прежде всего, с представителями чехословацкой политической эмиграции, опирается ли он в своей деятельности на Чемберлена или на широкие слои английского и французского народов. Выдвигался лозунг: «Никогда с реакционными кликами капиталистического Запада, а совместно с народом Германии и западных держав бороться за свою свободу». Однако, наряду с осторожными высказываниями в отношении Бенеша, уже сразу в ряде коммунистических листовок формулировалась крайне отрицательная оценка его личности и деятельности, которая со временем стала преобладающей: «Бенеш – агент английских лордов и парижских банкиров, прислужник мирового капитала, которому вообще нет никакого дела до чешского национального освобождения»⁵⁵.

Среди части членов КПЧ ни советско-германский пакт, ни резко изменившаяся линия Коминтерна не вызвали сколько-нибудь большого удивления и растерянности. По мнению чешского историка Й.Новотного, это были коммунисты, прежде всего, рабочего происхождения. Воспитанные на уважении к партийной дисциплине, они безоговорочно верили в правильность всего, что делалось Советским Союзом, считали его пакт с Германией тактическим маневром, «ловушкой» для Гитлера и т.д. Колебания и сомнения в этой среде если и возникали, то довольно быстро рассеивались. Для оправдания и объяснения смены внешнеполитического курса СССР использовалась в основном аргументация, содержащаяся в официальных советских и коминтерновских документах. Но, поскольку она не всегда была убедительной и не позволяла «свести концы с концами», делались попытки и собственного толкования происходившего. Согласно информации коммуниста Б.Райцина

⁵⁴ РГВА, ЦХИДК. Ф.501. Оп.3. Д.299. Л.335.

⁵⁵ Там же. Л.200 (Статья называлась «Как мы должны вести свою борьбу за свободу. О внутреннем и заграничном сопротивлении»; была распространена и в виде листовки).

руководству КПЧ в Москве один из партийных функционеров объяснил заключение пакта «определенным изменением отношения к фашизму, точнее к нацизму: опыт, дескать, показывает, что в нацизме содержатся некоторые элементы социализма, которые делают его нам ближе, чем западные капиталистические демократии»⁵⁶.

Подпольная остравская «Правда» факт занятия Германией приоритетного места в интересах Советского Союза объясняла тем, что «она (Германия. – В.М.) стала слабым звеном в цепи капиталистических держав, окружающих СССР»; что «именно в Германии эта цепь будет разорвана, а немецкий пролетариат станет партнером СССР, создав новую советскую державу в Европе – в Германии». Условия прочного мира на континенте толковались так: «Немецкий народ должен свергнуть существующий режим, создать другую Германию, социалистическую – советскую. Такая Германия будет сильной, такую Германию хочет СССР и Молотов, такую Германию хотим иметь и мы своим соседом». Далее следовал призыв содействовать разложению фашистского рейха, зажечь факел революции. «Чем меньше из тактических соображений может говорить Москва, – писал автор статьи, – тем больше должны говорить и особенно делать мы»⁵⁷.

В ситуации быстро менявшейся международной обстановки, дезориентированного общественного мнения коммунисты, действовавшие в подполье, должны были осмысливать новую линию Коминтерна – на пролетарский выход из войны, на социалистическую революцию – и приспособлять ее к условиям оккупированных чешских земель. Задача эта была непростая и неблагодарная, потому что этой линии не понимали не только широкие слои населения (к тому времени наличие в протекторате антифашистского национального единства стало фактом), но и многие, и не только рядовые, коммунисты. По мнению Райцина, «идеологическая сумятица, охватившая массы, неизбежно перекинулась на менее зрелых членов партии и даже на функционеров»⁵⁸.

В оккупированной гитлеровцами стране, естественно, трудно было объяснить факт заключения советско-германского пакта, но еще труднее оправдать курс на поражение Англии и Франции в войне с фашист-

---

⁵⁶ *Odboj a revoluce. Zprávy. 1966. №4. S.102; Reicin B. Op. cit. S.105.*

⁵⁷ *РГВА, ЦХИДК. Ф.1361. Оп.1. Д.655. Л.80 (Статья «Сильная Германия Молотова или законы советской политики»).*

⁵⁸ *Reicin B. Op. cit. S.104–105.*

ской Германией. Как писал Райцин, «с самого начала войны массы народа были охвачены желанием поражения нацистской Германии, и под влиянием бенешевцев, английских и французских радиопередач желали победы Англии и Франции. Дело не в том, что они забыли о Мюнхене, – наоборот, Чемберлен и Даладьё пользовались их "симпатиями" чуть больше, чем Гитлер, – но они просто хотели, чтобы кто-то нанес поражение немецкому фашизму»⁵⁹, и единственной их надеждой в тот момент оставались западные державы.

Сыграла свою роль активная деятельность Бенеша и его сторонников на Западе по восстановлению Чехословацкой республики, с одобрением воспринимаемая в оккупированной стране. Доходили слухи о формировании на Западе чехословацких легионов, образовании там Чехословацкого национального комитета и его усилиях по созданию временного чехословацкого правительства в эмиграции. Поэтому курс на поражение западных держав в войне с Германией, а также объявление Бенеша «врагом, находящимся на службе западного империализма», не могли встретить понимания ни в широких слоях чешского населения, ни даже среди рабочего класса. «Рабочие верили лишь английским и французским сообщениям, – писал Райцин, – день за днем утешали себя тем, что западные державы все же нанесут поражение Германии, опасались дальнейших немецких успехов. ... В этой сумятице наши аргументы не находили благоприятной почвы. Мы (коммунисты. – В.М.) плыли против течения»⁶⁰.

О том же, собственно, говорилось и в сообщении Яковлева в НКВД 21 сентября: «Старые друзья СССР и круги бывших коммунистов полагают, что СССР предает дело интернационализма, не могут оторваться от психоза многолетней антигерманской политики СССР. Поворот выбил этих людей из колеи. В Генконсульство поступают письма (почти ежедневно), резко осуждающие новую политику СССР. Обвиняют нас в идеологическом союзе с фашизмом. Фашистская пресса использует эти настроения, протаскивая мысль, что коммунисты СССР бросили идею интернационализма и идут на выучку к фашистам»⁶¹. Осведомлен об этих настроениях был и Готвальд. Выступая на заседании Секретариата ИККИ в конце ноября и анализируя положение в стране, он отмечал,

---

⁵⁹ *Ibid.* S.98.

⁶⁰ *Ibid.* S.99.

⁶¹ АВП РФ. Ф.0138. Он.20. П.130. Д.1. Л.190.

что в партии нет пока полной ясности в понимании политики Советского Союза; что, тем более, не готовы к ее пониманию массы; что этот вопрос требует еще разъяснений⁶². Что касается Заграничного руководства КПЧ в Москве, то оно в целом согласилось с новой линией (об этом свидетельствуют и депеши, направленные в тот период в Прагу), но между чехословацкими коммунистами в Москве единодушия по этому вопросу, видимо, не было⁶³.

Новый внешнеполитический курс СССР и крутой поворот в политике Коминтерна вызвали растерянность многих коммунистов не только в стране, но также в эмиграции. Секретариат КПЧ в Париже, который возглавлял словак Я.Шверма, по воспоминаниям видного словацкого коммунистического деятеля В.Широкого, не получал тогда никаких директив Коминтерна и московского руководства КПЧ. Чехословацкие коммунисты во Франции (как и в Англии) должны были самостоятельно определить свою политическую линию, учитывая позицию французской компартии, а в Лондоне – соответственно компартии Великобритании⁶⁴. Заключение советско-германского пакта оказалось для коммунистов, как и для всей чехословацкой эмиграции, полной неожиданностью и поэтому, особенно сначала, вызвало бурные дискуссии, непонимание и даже протест. Свое несогласие с этим шагом советского правительства выразил находившийся тогда в Париже словацкий коммунист В.Клементис. По этой причине, с согласия московского руководства КПЧ, он был исключен из партии с формулировкой: за измену Советскому Союзу, отступление от линии партии, Коминтерна и коммунистического движения, нарушение партийной дисциплины⁶⁵. Против пакта высказались во время дискуссии и некоторые представители коммунистической

---

⁶² *Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.495. Оп.18. Д.1298. Л.83.*

⁶³ *Historie a vojenství. 1969. №3. S.428–429; Křen J. V emigraci. Praha, 1969. S.552.*

⁶⁴ *Křen J. Op. cit. S.535.*

⁶⁵ *Děřeše. S.414, 417. – В конце войны Клементис был восстановлен в партии и занимал важные государственные посты (накануне своего ареста в марте 1950 года он был министром иностранных дел Чехословакии). Но позиция в отношении советско-германского пакта была поставлена ему в вину во время судебного процесса по делу Р.Сланского, когда Клементису, наряду с другими подсудимыми, был вынесен смертный приговор.*

эмиграции в Англии⁶⁶. Однако, в конце концов, подавляющее большинство чехословацких коммунистов на Западе согласилось с новым внешнеполитическим курсом СССР, рассматривая его как «неизбежное зло». При этом они исходили из своей убежденности в правильности советской внешней политики и из представлений об обязанности коммунистов в любой ситуации становиться на защиту первого в мире социалистического государства, а также просто подчиняться партийной дисциплине.

Изменение стратегии и тактики мирового коммунистического движения, нацеленного теперь не на сплочение антифашистских сил, а на выход из войны путем социалистической революции, затрудняло решение главной на том этапе задачи – развертывания национально-освободительной борьбы чешского народа, объединения всех участвовавших в ней социальных слоев и политических течений. Восприятие коммунистами войны как империалистической с обеих сторон вело сначала к резкой критике, а затем и разрыву с гражданским крылом антифашистского сопротивления во главе с Бенешем. Все это имело следствием изоляцию коммунистов, мешало завоеванию ими доверия широких народных масс, несмотря на то, что КПЧ по-прежнему (это констатировалось и в немецких документах) оставалась активной силой в борьбе против оккупантов.

(Окончание следует)

---

⁶⁶ Křen J. *Op. cit.* S.552.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Гриневский Олег Алексеевич

доктор исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол в отставке,
руководитель Центра Европа–США
Института Европы РАН,
профессор РГГУ и МГИМО

Четверикова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель МГИМО (университет) МИД РФ

Лапин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук,
заведующий отделом Новой истории
Санкт-Петербургского Института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Мильков Владимир Владимирович

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary,
Director of the Center «Europe–USA», Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences,
Professor of Russian State University for the Humanities
and Moscow State Institute of International Relations (University)

Chetverikova Ol'ga Nikolaevna

Pd.D., historian, Senior Teacher
of Moscow State Institute for International Relations (University)

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian,
the head of department for New history
of Saint-Petersburg Institute of History (RAS),
Professor of European University (Saint-Petersburg)

Mil'kov Vladimir Vladimirovich

D. Sci., head specialist,
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor, the Chief researcher
of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителем.

**Вышла в свет новая книга С.Кургиняна
«Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире»
(в 2-х томах)**

**По вопросам приобретения книги обращайтесь
в редакцию журнала «Россия XXI».
Тел. 8(495) 691-74-79.**

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

МДК ул. Новый Арбат, д.8;

«Гелея» Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис» Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер» М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский
подъезд;

в интернет-магазине «Политкнига.ru» www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»
www.ani-books.ru

**Открыта подписка
на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года.
Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

**Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

**Альтернативная подписка:
ООО «Интерпочта» тел. (495)500-00-60,
(495)580-95-80,
(495)795-23-00**

ООО «АльтПресса» тел. (495)974-30-79

**ООО Агентство «Артос–Гал» тел. (495)603-27-33,
(495)603-27-34**

**ООО «Вся пресса» –
справки о вашем региональном агентстве
по тел. (495)906-07-26, (495)906-07-35**

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 681-91-37, (495)681-57-15
e-mail: export@periodicals.ru**

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2009
Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 28.07.2009. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 11.75 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ 5368
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

4. 2009 july-august

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Names and Reality: a Feedback _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Grinevsky

The Forgotten Sammit _____ **32**

The Faces of Catastrophe

Ol'ga Chetverikova

Laboratories for Control of the Future: Occult Sects
as Partners of Multinational Corporations _____ **52**

Pages of History

Vladimir Lapin

Russia and Europe: Chase in the Field
of Technologies _____ **86**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Vladimir Mil'kov

The Spiritual Troop of the Russian
Autocephaly: Ilarion of Kiev ____ **112**

European Parallels

Valentina Mar'ina

1939: the Soviet Foreign Policy as
Perceived by Coevals (Examined by
the Czecho-Slovak Example) __ **158**

РОССІЯ XXI